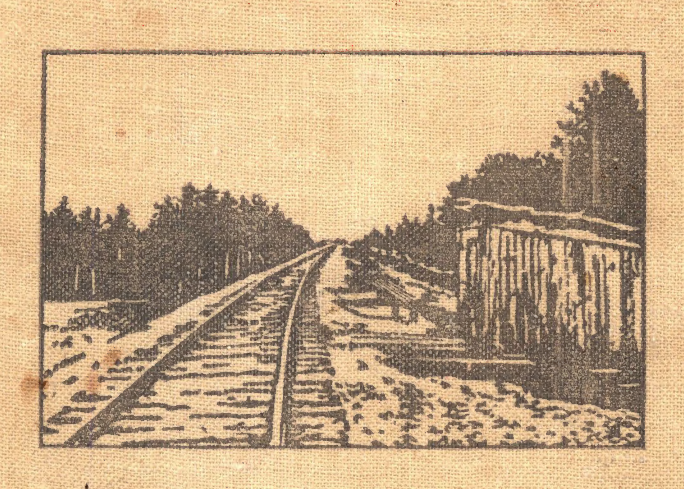
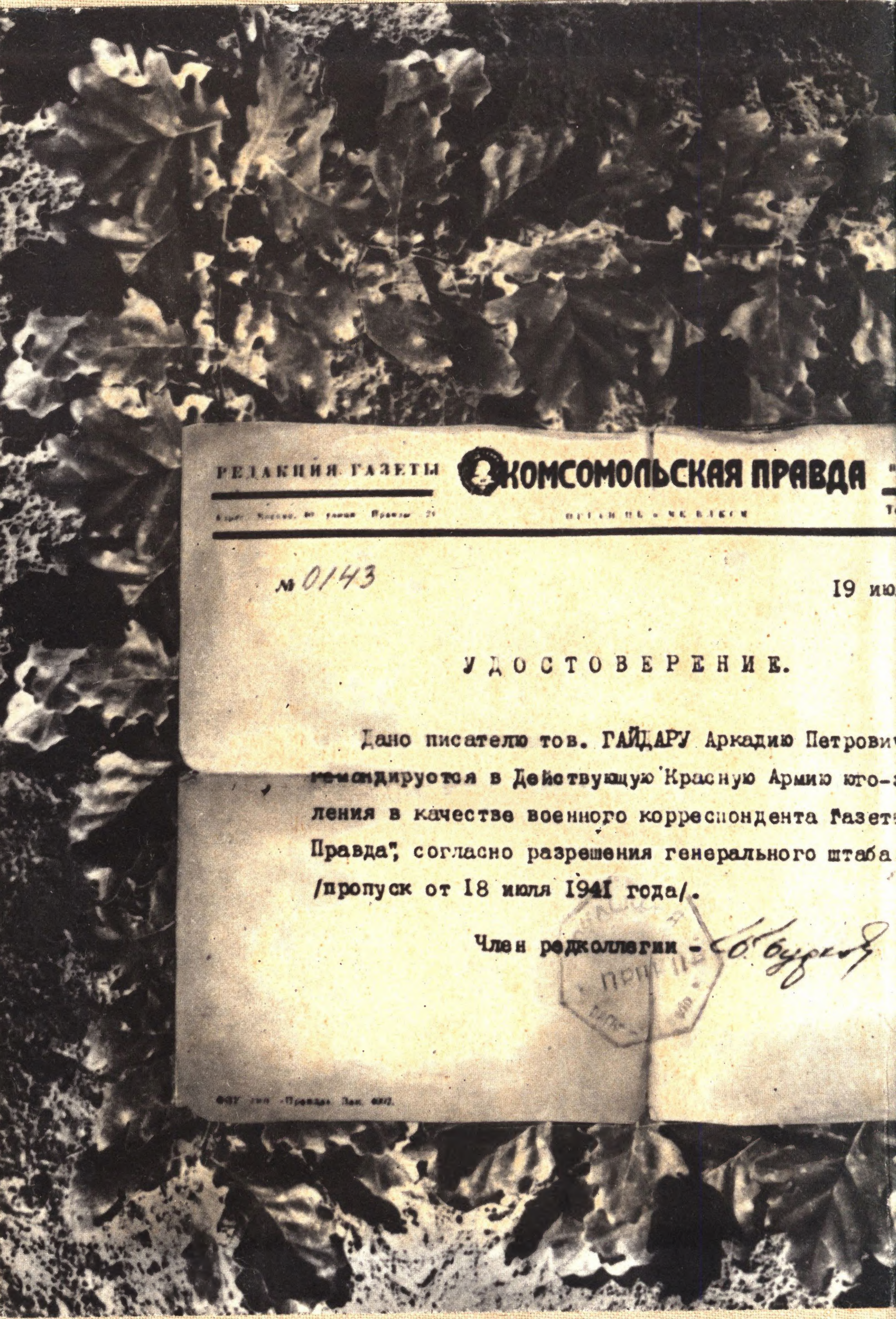
Борис Камов

ПАРТИЗАНСКОЙ ТРОПОЙ ГАЙДАРА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

РЕДАКЦИЯ ГАЗЕТЫ **КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА**

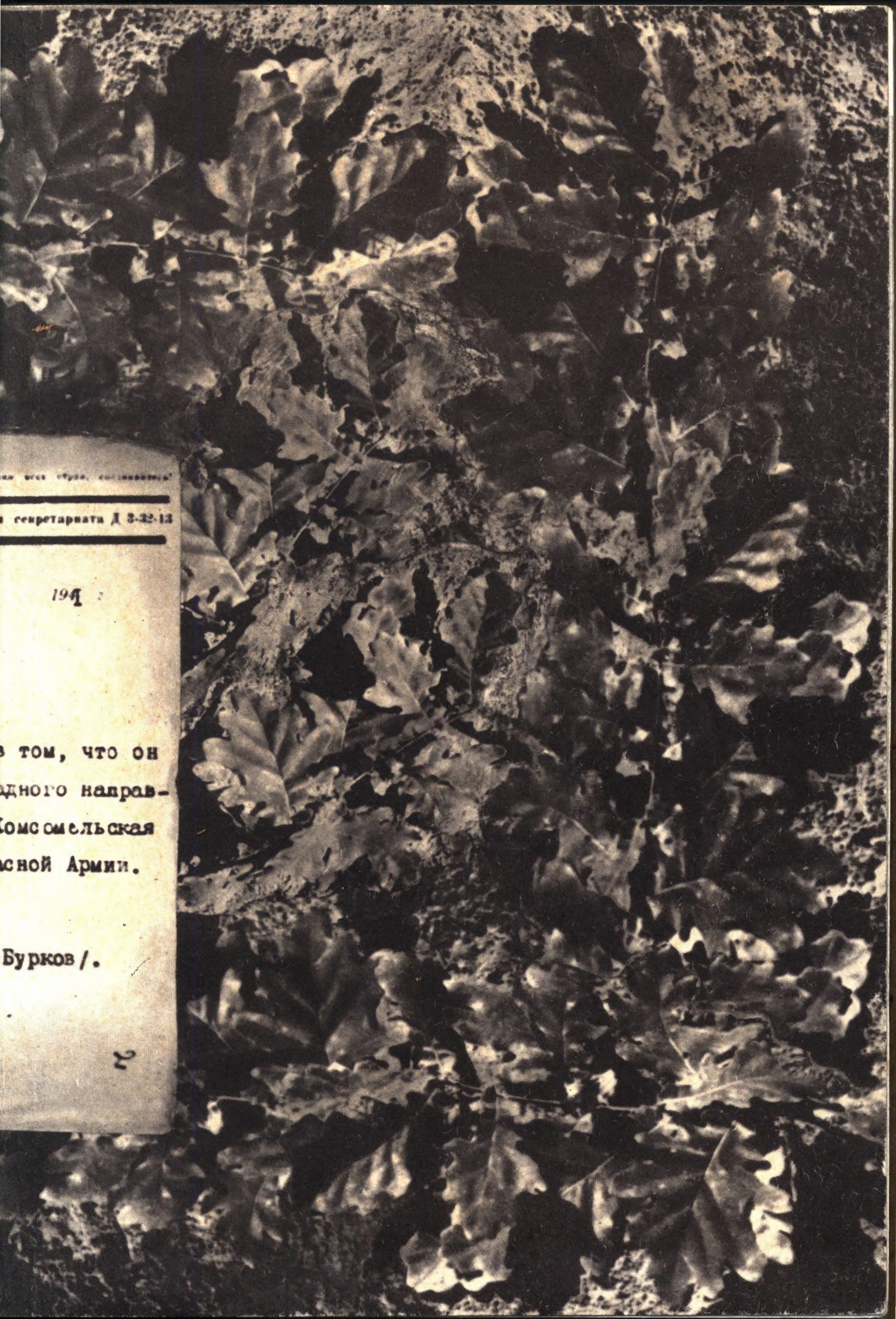
№ 0143

19 ию

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Дано писателю тов. ГАЙДАРУ Аркадию Петрович
командируется в Действующую Красную Армию юго-
ления в качестве военного корреспондента газет
Правда", согласно разрешения генерального штаба
/пропуск от 18 июля 1941 года/.

Член редколлегии - Б. Бурков

всех стран, соединяйтесь!
секретариата Д 3-22-13
194
в том, что он
адного направ-
Комсомельская
асной Армии.
Бурков/.
2

В день
рождения
Андрею
И[redacted]
от Сергея.
9/V-72 г.

Борис Камов

ПАРТИЗАНСКОЙ ТРОПОЙ ГАЙДАРА

Рассказ-поиск

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА · 1968

8 Р2
К 18

Оформление
В. В. Лазурского

7–6–3

Пионерам-гайдаровцам — преемникам всех свершенных и не свершенных Гайдаром дел.

АВТОР

РАЗГОВОР С ЧИТАТЕЛЕМ

Вместо предисловия

— Владик, — с любопытством спросил Толька...— А хотел бы ты быть настоящим старинным рыцарем? С мечом, со щитом, с орлом, в панцире?

— Нет,— ответил Владик.— Я хотел бы быть не старинным, со щитом и с орлом, а теперешним, со звездою и с маузером. Как, например, один человек...

Аркадий Гайдар,
«Военная тайна»

Эта книга — про Аркадия Петровича на войне. А называется она так — «Партизанской тропой Гайдара» — потому, что шел я по его следам.

Шел, как бывший мальчишка, шел, как бывший тимуровец, шел по отзвукам полузабытых легенд, чтобы знать, как все было на самом деле.

Я побывал в Лепляве и Озерище, Хоцках и Калеберде, Гельмязеве и Калениках, на Германовом хуторе и хуторе Малинивщина. Названия этих сел можно отыскать только на очень подробной карте, но они будут часто встречаться в книге.

Я летал и ездил в Канев и Киев, Золотоношу и Черкассы, Гайсин и Львов, Харьков и Днепропетровск, в Ленинград и в далекий Уяр, Красноярского края.

И это были тоже тропы Гайдара, потому что я искал и находил боевых его товарищей и еще потому, что след — он остается не только на земле, он остается в памяти, он остается в сердце. А Гайдара помнили все, кто видел его хотя бы раз.

В селе Озерище на деревенском празднике мне показали издали на старого колхозника Петра Петровича Руденко. О нем говорили: он много помогал партизанам.

— Не приходил ли к вам,— спрашиваю его,— писатель Гайдар?

— Письменник?.. Нет, письменника не знаю, не встречал... А вот корреспондент один ко мне приходил. Тут, на гимнастерке, у него крест не крест, а как бы значок какой... Кормил я его. Давал с собою в лес хлеба и сала. А он меня все, бывало, утешает: «Ничего, дедушка, не журись. Скоро мы герману этому поддадим!..» Люди сказывали: корреспондента этого убили потом в Лепляве... Скажу вам, веселый был человек...

Слушая воспоминания людей, которые в дни войны знали Гайдара, стоя возле обвалившейся землянки, в которой, по преданию, он жил, роя заступом мерзлую землю в надежде отыскать документы партизанского отряда и оружие, закопанные в трудную пору, я очень жалел, что тебя нет рядом. Когда прикасаешься к неповторимому, всегда хочется, чтобы кто-то прикоснулся вместе с тобой.

Впрочем, дело поправимо. Я просто расскажу тебе все с самого-самого начала.

Я не говорю — с начала до конца, потому что конца у этого поиска еще нет.

За тридцать семь лет своей жизни Аркадий Петрович прошел немало путей и дорог. Я последовал за ним пока только по одной.

Быть может, ты, или твой друг, или просто твои сверстники пройдут по другим и дополнят мой рассказ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

„Воюю в тех же местах,
где начинал воевать
в гражданскую...“

ГЛАВА I

НЕРАЗГАДАННАЯ ТАЙНА

Автору «Двух капитанов» Вениамину Каверину довелось однажды повстречать моряка, который в дни Отечественной войны сражался в немецком тылу.

Моряк рассказал, что в лесах, где-то возле Курска, он натолкнулся случайно на мальчишеский партизанский отряд, который действовал под командой Аркадия Гайдара. Моряк подробно описал, как принимались в этот отряд новые бойцы, и даже привел слова грозной клятвы, которую мальчишки-партизаны повторяли вслед за своим командиром.

Но то была лишь одна из многих легенд.

Легенды эти легко возникали и порой с полной верой принимались, потому что судьба Гайдара, обстоятельства его гибели долгое время были окружены завесой тайны. И даже подлинные документы, присланные в Москву в годы Великой Отечественной войны, скорее напоминали страницы его книг с их волнующей недосказанностью.

...Летом 1942 года в большой ящик для привезенных с фронта писем (ящик стоял в вестибюле Союза писателей) кто-то положил мятый конверт.

Видно было, что конверт прибыл издалека и потерся о стенки многих карманов, прежде чем попал на улицу Воровского в Москве. Обратного адреса на нем не было.

Треугольники и письма в мятых конвертах без обратного адреса приходили каждый день, и еще одно никого не удивило, пока его не нашел и, волнуясь, тут же не вскрыл сын Гайдара — Тимур.

1 мая 1942 года

Уважаемая товарищ Гайдар!

Я пишу это письмо и не знаю, попадет ли оно Вам в руки, потому что отправляю не совсем обычной почтой и боюсь, что оно может Вас не застать в Москве.

Выполняя просьбу Вашего мужа, Гайдара Аркадия Петровича, сообщаю Вам, что он погиб от рук фашистских варваров 26 октября 1941 года. Мне трудно писать эти строки, но я обещал ему исполнить его просьбу, как будет только возможность сообщить о его смерти Вам. И вот только теперь представилась эта возможность.

Вы знаете, что Аркадий Петрович последнее время был корреспондентом Юго-Западного фронта. До последнего времени он был в Киеве. Когда образовалось окружение, то Гайдару предложили вылететь на самолете, но он отказался и остался в окружении с армией. Когда часть армии была разбита, то мы, выходя из окружения, остались в партизанском отряде в Приднепровских лесах. И однажды мы ходили по продукты на свою базу и нарвались на немецкую засаду, где и был убит тов. Гайдар Аркадий Петрович.

Его могила находится в Полтавской области, около железной дороги, которая идет с Канева на Золотоношу. Если ехать с Канева, то надо доехать до станции Леплява и затем пойти пешком до 1-го переезда в направлении Золотоноши. Там есть будка, вот около этой будки на правой стороне железной дороги, метрах в пяти от полотна, и похоронен он.

Будочник знает могилу. И если когда-нибудь Вам придется побывать там, то Вы ее найдете.

Я кончаю писать, мне трудно теперь вспомнить то, что прошло, потому что мы любили нашего Аркадия Петровича.

До свидания.

Остаюсь — лейтенант С. Абрамов.

Это письмо я передаю из временно оккупированной Украины.

Привет всем, всем, всем от товарищей-партизан, знавших его.

Мы обещались отомстить врагу за то, что они его убили, и мы отомстим так, как умел мстить тов. Гайдар. Он всегда храбро дрался и геройски погиб.

Последнее письмо от Аркадия Петровича пришло из Киева:

Воюю в тех же местах, где начинал воевать в гражданскую, — сообщал он сыну. — *Знай, что все будет хорошо. Учись и не очень скучай. Может быть, мы скоро увидимся.*

4 октября 1941 года в «Комсомольской правде» появился очерк Гайдара «Ракеты и гранаты». Потом долгое молчание. И вот первая весть...

Письму лейтенанта Абрамова не хотелось верить. Думалось, может, это одна из тех ошибок, тяжелых и все-таки счастливых, что случаются на войне. Писал же сам Гайдар о лихом солдате Семене Бумбараше, полковыми писарями похороненном, деревенским попом отпетом, родными скупо оплаканном, который однажды пришел и постучал в двери родного дома.

Но точное описание места гибели оставляло мало надежд.

Тем же летом и опять в Союз писателей пришла открытка от неизвестного полковника Орлова. Он сообщал, что располагает сведениями о специальном корреспонденте «Комсомольской правды» писателе Гайдаре Аркадии Петровиче, с которым пробыл значительное время, а затем расстался.

Ему тут же ответили первая жена Гайдара, Лия Лазаревна Соломянская, и Тимур.

Мои дорогие Лия и Тимур! — писал им Орлов. — *Шлю привет!..*

Сами понимаете, что сообщить в письме все, что было, нельзя. Уверен я, что любой из видевших и знавших Аркадия Петровича тогда, когда мы были с ним вместе, скажет Вам о нем лишь сердечное.

Для меня лично не было лучше, надежнее, исполнительнее человека в трудные минуты, чем он. Это человек исключительной честности, сердечности и отваги...

С моего разрешения, спросив моего совета, и с желанием он остался там... 18.10.41 (где, как, при каких обстоятельствах — неудобно писать).

Думаю я, что как-нибудь все ж попаду в Москву и все вам сообщу — рад буду это сделать ради памяти друга и милого человека.

Я рад сознанием того, что у меня, в моей группе, в долгие дни наших мытарств там он был моим помощником и другом. Будем надеяться, что он жив и мы увидим его...

Ваш полковник Орлов.

Орлов расстался с Аркадием Петровичем 18 октября. А столкновение у насыпи произошло 26-го...

Когда в 1943 году на Украинский фронт уезжал писатель Алексей Глебов, близкие Гайдара попросили его навести справки.

Глебов обратился к руководству армейской разведки, и спустя несколько недель в Москву переслали копию еще одного сообщения.

Уважаемый тов. комиссар!

По просьбе встретившего меня писателя Алексея Глебова считаю долгом сообщить все, что мне известно в настоящее время о гибели писателя Аркадия Гайдара, с которым я лично тоже встречался и много беседовал в октябре 41 года.

Первый раз я его увидел числа 15 или 16 октября у батальонного комиссара Терещенко, когда Гайдару предлагали уходить с очень сильным отрядом Орлова, но он не пошел, а сказал, что он остается с партизанами. В нашей группе было только 10 человек из местного актива, а все другие были из окружения, и группой в это время командовал батальонный комиссар Попов. В конце октября, когда от нас ушло еще несколько человек и я был послан в тылы под Киев для вывода товарищей и сбора, тов. Гайдар ходил на хутор за продуктами вчетвером или втроем и был убит. С ним вместе ходил Овчаренко, политрук, который вернулся раненым и который мне рассказывал в госпитале в Горловке, что на похоронах Гайдара был комиссар и бойцы.

Захоронили труп тов. Гайдара возле железной дороги. Тов. Глебов знает где, и также можно разыскать из отряда местных людей...

Лучше всех знают точные подробности Попов и Овчаренко.

С тов. приветом.

Ст. лейтенант И. Гончаренко

28/8 — 43 г.

Больше сведений от лейтенанта С. Абрамова и старшего лейтенанта И. Гончаренко с тех пор не поступало.

Затерялись и следы полковника Орлова. В 1942 году, после выхода из окружения, он преподавал в Командной академии ВВС в Чкалове. А затем все письма и телеграммы, посланные ему, возвращались с пометкой: «Выбыл».

Когда советские войска освободили Украину, в село Леплява был направлен специальный корреспондент «Комсомольской правды» Алексей Филиппович Башкиров. От него узнали, что партизанским отрядом, бойцом которого стал Гайдар, командовал Федор Дмитриевич Горелов, первый секретарь Гельмязевского райкома партии, но Горелова, как и многих бойцов его отряда, нет в живых, что в Лепляве Гайдара помнят семьи погибших партизан Степанца и Касича, а в деревне Михайловское — вдова лесника Швайко. Сын Швайко, Володя, был своего рода ординарцем Гайдара.

Башкиров также сообщил, что Аркадий Петрович зарекомендовал себя в отряде превосходным пулеметчиком и особенно отличился в бою у лесопильного завода. Гайдар вел дневник, написал несколько лирических произведений в форме писем к сыну, но всегда носил их с собой, и они попали в руки к немцам.

Это было последнее свидетельство военных лет, и оно легло в основу всего, что писалось потом о Гайдаре, о его пребывании в партизанском отряде.

...Я перечитал все эти по-солдатски немногословные донесения и письма два десятилетия спустя, работая над биографией Гайдара, и меня оглушила вдруг лавина вопросов, которые не приходили раньше в голову.

Гайдару накануне падения Киева предлагают место в самолете. А он отказывается. Почему?

Корреспондент «Комсомольской правды», Аркадий Петрович попадает в группу полковника Орлова, летчика. При каких же обстоятельствах?

Орлов пишет: «В долгие дни наших мытарств там он был моим помощником и другом». А сколько их было, этих дней?

В чем заключалась помощь? Кстати, а что нам известно о самом полковнике Орлове, кроме того, что он полковник?

Далее. Что представлял собой партизанский отряд? Сколько в нем было бойцов? Командир отряда, говорят, убит. А кто же все-таки из его бойцов остался жив? И, наконец, самое главное: как случилось, что Гайдар погиб?..

Почему на пути трех или четырех партизан, когда они возвращались с продовольствием, оказалась засада?..

Чем дольше я думал, тем сильнее убеждался: мы почти ничего не знаем о последних месяцах жизни Гайдара, возможно, самых героических в его биографии.

В Москве мне помочь никто не мог. И я понял: надо ехать на Украину, в Лепляву.

ГЛАВА II

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Август 1962 года. Стремительно-тревожный перестук вагонных колес. Глубокое, как в самолете, кресло быстроходной «Ракеты», идущей в Канев.

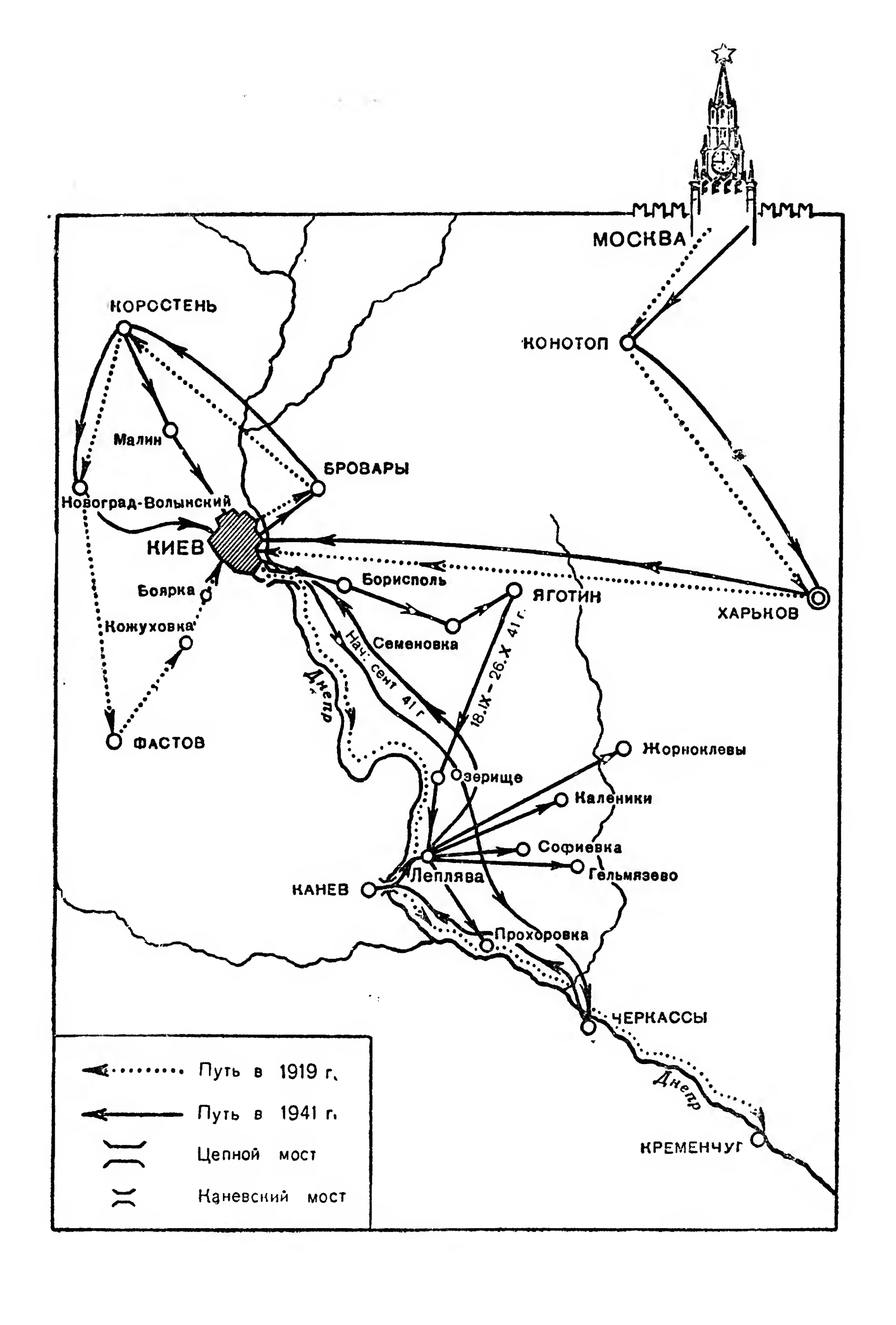
Мелко дрожит алюминиевый пол. Я вдруг мысленно говорю похожей на древнего ящера «Ракете»: «Скорей, теперь как можно скорей...»

Автобус идет от Тарасовой горы, где похоронен Шевченко, к центру Канева. У площади Ленина конечная остановка. Замечаю указатель — стрелу на металлическом штоке. Она повернута острием к воротам городского парка. На стрелке черным — «К могиле А. П. Гайдара».

Вхожу в парк и медленно иду по аллее.

В вечной скорби склоненная фигура солдата — братская могила ста сорока одного парашютиста.

Еще медленнее двигаюсь дальше. Интуитивно поворачиваю направо. За ровно подстриженным кустарником — просторная площадка. Сквозь зелень кустов тускло блестит полированный камень. Еще шаг — и я вижу красновато-коричневый постамент. На нем отливающий вороненой сталью мраморный бюст: обнаженная голова, сильные плечи, обтянутые солдатской гимнастеркой с орденом.

МОСКВА
КОНОТОП
КОРОСТЕНЬ
Малин
БРОВАРЫ
Новоград-Волынский
КИЕВ
Боярка
Кожуховка
ФАСТОВ
Борисполь
ЯГОТИН
ХАРЬКОВ
Семеновка
Нач. сент. 41 г.
18.IX–26.X 41 г.
Днепр
Жорноклевы
Озерище
Каленики
Софиевка
Гельмязево
Леплява
КАНЕВ
Прохоровка
ЧЕРКАССЫ
Днепр
КРЕМЕНЧУГ
Путь в 1919 г.
Путь в 1941 г.
Цепной мост
Каневский мост

Писали, что Гайдар покоится на самом берегу Днепра. Это не совсем точно. Памятник высится на холме. От подножия его до Днепра добрых три километра.

...Как мне объяснили, если я спущусь вниз и пойду мимо вон тех беленьких домиков к реке, то выйду к парому, который перевезет меня в Лепляву.

Но подумалось: «Не надо спешить. За двадцать с лишним лет многое могло перемениться, и неизвестно, остался ли сейчас в Леплявe кто-нибудь из тех, кто помнит Гайдара. Лучше навести сперва справки тут, в Каневе».

В каневской детской библиотеке имени Гайдара, которая помещалась в ту пору в тесном деревянном домишке, шел ремонт, и в ней никого, кроме рабочих, не было. Но мне повезло, и скоро я уже беседовал с Еленой Петровной Возной. Она показала скромную экспозицию, посвященную писателю, а потом ушла в другую комнату и вынесла сбитую из двух кусков доску. На ней ножом было вырезано:

А. П. ГАЙДАР,

писатель и воин,
пулеметчик партизанвійського отряда.
Погиб в октябре 1941 г.

Над словом *«октябрь»* было поставлено *«26»*.

— С могилы в Лепляве,— объяснила Елена Петровна.— Наши, когда пришли в 1943 году, доску эту для начала и прибили.

— Не знаете, помнит там кто Гайдара?

— К нам приходила недавно жена одного партизана. Рассказывала ребятам про Аркадия Петровича. А под конец даже заплакала. Фамилия ее Степанец...

«Значит, жена Степанца, о которой писал еще Башкиров,— подумал я,— по-прежнему живет в Лепляве. Вот теперь — на другой берег».

— Что скажете? — улыбаясь, спросила женщина в черном платке, половшая клубничные грядки.

— Скажу, что приехал поговорить с вами.

— Тогда пойдемте в хату.

Изба оказалась внутри очень просторной. Из прохладных сеней я попал в большую комнату с высоким потолком и широченными дубовыми лавками вдоль стен. В правом углу — внушительных размеров печь с двухэтажными, уступом, полатями. Возле печи дверь в другую комнату, поменьше. В избе тихо и чисто.

Трудно теперь даже представить, сколько партизан, сколько красноармейцев, выходивших из окружения, перебывало в этой хате. Их никто не считал. Имен никто не спрашивал: если человек попал в беду, что изменится, назови он свое имя?

Лишь немногих, кого привелось видеть часто, и запомнила Афанасия Федоровна Степанец.

Среди них — Гайдар.

— Я прожила нелегкую жизнь,— рассказывает она.— Фашисты расстреляли в Золотоноше моего мужа, расстреляли и брата моего, тоже партизана, Игната Касича. Четверых детей пришлось подымать самой. И хотя с той поры я перевидела, может быть, тысячи людей, Аркадия Петровича я вижу ясно-ясно. Как будто повстречала его только вчера. Он, бывало, сидел на лавке у окна, где теперь сидите вы. Тут он ел, тут он думал. Долго так думал.

...Темнеет. Афанасия Федоровна снимает с небольшой приступочки на печи керосиновую лампу. Осторожно протирает стекло. Комната наполняется желтоватым светом.

— При этой лампе он писал.

Я обвожу глазами комнату, где все так удивительно сохранилось: стоят те же лавки и тот же стол, висит портрет старого Тараса и горит та же лампа, что горела при Гайдаре. Нет только самого Гайдара.

Поздно вечером выходим из хаты. На синем небе блестят звезды. Из-за тучи выглядывает луна, и сразу становится светлей.

Узкий проулок выводит нас к железной дороге. Крутая тропа — на высокий гребень насыпи. И уже по шпалам движемся дальше — туда, где изогнутые дугой рельсы сливаются с лесом, темнеющим слева и справа.

У будки путевого обходчика Афанасия Федоровна останавливается и говорит:

— Здесь погиб Гайдар.

Я от неожиданности вздрагиваю и настороженно осматриваюсь, думая увидеть вечные, непреходящие следы случившейся здесь трагедии.

Но кругом спокойно покачивают ветвями сосны. Шелестят листвой осины. Трава устилает землю, а из болота доносится густое кваканье лягушек.

И если бы рядом со мной не стояла Афанасия Федоровна — живой свидетель событий, — я бы ни за что не поверил, что на этом вот месте не стало Гайдара...

Наутро я пришел сюда опять. И пока не кончилась в аппарате пленка, с давящим горьким чувством снимал и убегающие вдаль рельсы, и будку путевого обходчика, и в особенности те несколько метров плотной, усыпанной галькой земли, где произошло непоправимое.

...А пока мы возвращались, Афанасия Федоровна рассказывала мне о смелых операциях партизан, хитроумных засадах, в которых участвовал Аркадий Петрович.

В хате, чтобы не забыть, я все записал. А на другой день простился с Афанасией Федоровной.

Перед самым моим уходом она достала газету «Юный ленинец» за 27 октября 1961 года. В большой статье Т. Волынского «Последний бой», посвященной Гайдару, говорилось о семье Степанцов, об их помощи партизанам и еще о том, что в Лепляве Аркадия Петровича помнят Акулина Филипповна Ещенко и сын ее Виталий.

— Простите, я вчера разволновалась и забыла вам о них сказать. Они живут сразу за железной дорогой, — объяснила Афанасия Федоровна.

Акулину Филипповну я не застал. Она уехала рано утром на дальнее поле. А Виталий, сказали мне, вот-вот должен прийти. Я прождал его часа три и двинулся к переправе.

Возвращаясь по сыпучему песку к парому, я еще не знал, много или мало увожу новых сведений о Гайдаре. Об этом я просто не думал. А думал о том, что вот узнал от живого свидетеля подробности подвига и гибели Гайдара и побывал в Лепляве, о которой впервые услышал еще мальчишкой.

Я чувствовал себя человеком, который с детства мечтал о путешествии в неведомые дальние страны и наконец попал в одну такую страну.

Она мало походила на ту, я себе ее представлял, была обыденней и суровей. Но в этой суровой обыденности

заключалось для меня что-то волнующее и загадочное. И пока я шел до Днепра, мне все казалось: даже придорожный куст и тот хранит, наверное, какую-нибудь тайну.

В Киеве мне предстояло пробыть еще неделю. Лето в тот год выдалось отличное. Каждый день можно было загорать на пляже и купаться в Днепре. Но дня через три мной овладело беспокойство.

Я постоянно ловил себя на мысли, что совершил ошибку, так быстро уехав из Леплявы. Меня не покидало ощущение вины за то, что, прикоснувшись к большой какой-то тайне, я просто походил вокруг нее.

Проснувшись однажды посреди ночи, решил — еду обратно.

Было воскресенье. Акулина Филипповна и Виталий оказались дома.

— Вы насчет Гайдара приехали, из самой Москвы? — переспросила меня женщина. И вдруг навзрыд, причитая, заплакала: — Аркадий Петрович!.. Человек-то какой был!.. Бывало, все говорит: «Не дадимся подлецам в руки!.. Не они здесь хозяева».

И пока Акулина Филипповна рассказывает, слезы не просыхают на ее глазах.

— Сколько помню, всегда он был веселый, шутил, и еще — не мог спокойно видеть моего сына. Как войдет в хату, сразу схватит его, расцелует скристь и все спрашивает: «Что, Виталька, поедем к Тимуру? Поедем?»

Виталий, высокий, сильный, сидит здесь же, слушает рассказ матери и грустно улыбается, изредка вставляя несколько слов.

Я торопливо записываю. Мне ясно, что это еще одна неизвестная страница партизанской биографии Гайдара, который оставил память о себе и в этом доме. И я вдруг понимаю: сколько бы ни отыскалось теперь людей, знавших Аркадия Петровича, каждый расскажет что-нибудь новое. И потому надо искать.

...В райцентр Гельмязево, расположенный в двадцати километрах от Леплявы, приезжаю с Афанасией Федоровной. Она еще в первую нашу встречу, перечисляя партизан, назвала Ивана Сергеевича Тютюнника.

Зная трагическую судьбу большинства бойцов, я уже собирался в своем списке живых и мертвых и против этой

фамилии поставить скорбный знак, но Афанасия Федоровна поспешно добавила:

— Тютюнник жив...

Иван Сергеевич, бывший начальник штаба отряда, бывший председатель Гельмязевского райисполкома, а ныне пенсионер, ведет нас в прохладную, по-городскому обставленную комнату. Достает папку с завязочками, в которой у него хранятся документы.

От него я узнаю историю возникновения отряда, созданного по указанию Полтавского обкома партии.

Командиром отряда стал секретарь Гельмязевского райкома Федор Дмитриевич Горелов, комиссаром — председатель колхоза в селе Гладковщина Мойсей Иванович Ильяшенко, а начальником штаба — он, Тютюнник, в ту пору председатель райисполкома.

Ивану Сергеевичу отлично запомнился день, когда в лагере появился Гайдар.

— Было с ним в тот раз человек семь или восемь,— вспоминает Тютюнник.— В том числе старший политрук Белоконев, батальонный комиссар Захар Максимович Бугаев... Нет, простите, Бугаев пришел дня на три раньше... Между прочим, Захар Максимович прислал недавно в райком письмо. Адрес его можно узнать. Командовал группой полковник Орлов. Летчик. Имени его не знаю. Мы ведь все тогда больше по фамилии... Орлова и других командиров, кто был с ним, проводили в лагерь, накормили, дали переодеться. Началась беседа. Старший политрук Белоконев, помню, говорит:

«Мы к вам, собственно, ненадолго. Побудем немного и начнем пробираться на Большую землю».

«Я никуда отсюда не пойду,— ответил ему Гайдар.— Я буду жить в семье этих патриотов...» (Я привожу вам подлинные слова Аркадия Петровича.)

...По совету Тютюнника захожу к Ефросинье Лаврентьевне Свистуновой — жене Горелова. Войну она провела в эвакуации, но когда вернулась, обошла окрестные села, выясняя подробности гибели мужа.

Ефросинья Лаврентьевна дает мне с собой две фотографии Горелова. Я обещаю, пересняв, прислать обратно.

Возвращаемся на райкомовском «газике». Небо затянуло. Вот-вот хлынет дождь. Паром уже не ходит. Поздно. А на рассвете отплывает моя «Ракета». Афанасия Федоровна про-

сит шофера заехать к знакомому деду, у которого есть моторная лодка.

Дед выходит через полчаса, ругаясь и не глядя в мою сторону. Я ему сочувствую — дует пронизывающий ветер. И пока моторка, высоко подняв нос, взлетает с волны на волну, старик не перестает неизвестно кому жаловаться, что его, с больными-то ногами, согнали в такую погоду с горячей печки.

Лодка мягко ударяется о берег. Выскакиваю из нее на песок и от души благодарю деда.

— Чуешь, хлопец,— перебивает он меня,— не скажи Феня Степанец, що ты корреспондент и сбираешь росповеди за того письменника, що вбит под Леплявом,— не повез бы ни за якие гроши. Правда, сам я цего письменника не бачил, брехать не буду. И книг его тоже не читал. Но сказывали: хороша была людына. И уважение, хлопец, я не тебе — ему сделал.

...О поездке в Лепляву я рассказал по радио. Стали приходить письма. На стол к Лидии Сергеевне Виноградской, редактору передачи, они ложились толстыми пачками. В них назывались новые имена и новые адреса — нити для дальнейшего поиска.

Я тут же начал писать по этим адресам. Наступила мучительная пора ожиданий ответа.

И вот первое письмо — от Захара Максимовича Бугаева... Потом еще и еще...

Безмолвная картотека имен и старых, пяти — десятилетней давности, адресов словно оживала. За фамилией, часто без имени, без отчества, вдруг вставал человек — со своим характером, своей героической и трудной судьбой, своим пониманием Гайдара. Сложность судеб этих людей придавала особую весомость тому, что они могли сообщить.

Более тридцати человек, более тридцати биографий, сотни страниц присланных ими воспоминаний и писем о Гайдаре — таков был неожиданный, ошеломляющий итог.

Но одних писем было уже мало. И тогда, положив в рюкзак портативный магнитофон, я снова отправился на Украину, чтобы всех повидать, со всеми побеседовать.

Из этой поездки я привез необычную летопись. Только старинные летописи составлялись мягкими гусиными перьями на плотном пергаменте, а эта была незримо начертана

миниатюрным электромагнитом на гибкой пластмассовой ленте. Чтобы прослушать без перерыва все записи, не хватило бы и двух суток.

Теперь нам подробно известны важнейшие события последних, ныне уже легендарных 127 дней жизни Гайдара — с 22 июня по 26 октября 1941 года.

ГЛАВА III

«В ТОТ ДЕНЬ»

Тот год и день, когда напряженную тишину тысячеверстной западной границы разорвут первые залпы вражеских батарей, когда... вздрогнет миллионами сердец и загудит тысячами встревоженных фабричных гудков оторванный от мирного труда великий Советский Союз,— этот год и день и час не отмечен еще черной каемкой ни в одном из календарей земного шара. Но год этот будет, день возникнет и час придет.

Аркадий Гайдар,
«В тот день», газета «Волна»,
2 марта 1929 года

— Знаешь... война! — встретил Гайдар жену.

Дора Матвеевна уронила охапку цветов, только что купленных на Арбате. Аркадий Петрович помог их собрать и пошел звонить по телефону друзьям — Фраерману и Паустовскому.

В то воскресное утро Аркадий Петрович не ждал этого сообщения, как не ждал его никто.

Набранные и сверстанные с вечера, газеты вышли 22 июня с будничными, спокойными заголовками.

Тем не менее, при всей внезапности случившегося, Гайдар к этой внезапности был готов.

Семнадцать лет назад он простился с Красной Армией, но в душе остался военным. Среди его настольных книг

были труды немецких военных теоретиков, в первую очередь Клаузевица. И Аркадий Петрович глубже и острее многих понимал смысл происходящего в мире.

Прочел газеты... — сообщал Гайдар в одном письме.— *События кругом надвигаются величественные и грозные. Нужно как можно скорее и больше накопить здоровья, знаний и сил*[1]

И в его дневниках последних лет немало строк, полных тягостных раздумий.

Июнь 1939 года: *Тревожно на свете, и добром дело, видать, не кончится.*

Декабрь 1940-го: *На земле — все то же. Англичане и немцы сильно бомбят города.*

И в канун 1941-го: *На земле тревожно, но в новый год я вступаю твердым, нерастерявшимся.*

Тревога за судьбы мира... Тревога за судьбу страны... В книгах Гайдара она звучала прежде всего озабоченностью за судьбу детей.

Вот почему перед самой войной рождается сценарий, а потом и повесть «Тимур и его команда» — книга о том, что делать ребятам, если отцы уйдут на фронт.

Повесть дописана. По сценарию поставлен фильм. Вокруг еще идут нелепые споры: бывают такие ребята, как Тимур, или не бывают, а Гайдар уже захвачен новым замыслом.

Только что (в первом варианте), — сообщает он в газетной заметке,— *я закончил сценарий фильма «Комендант снежной крепости»... Тимур во время войны настоящей* (имелась в виду война с белофиннами.— *Б. К.) готовится сам и готовит своих товарищей к войне будущей*[2].

В «Коменданте снежной крепости» была такая сцена:

«— С сегодняшнего числа часовые у крепости будут сменяться через час, днем и ночью.

— Но... если которых дома не пустят?

— Мы подберем таких, которых всегда пустят».

---

[1] Из письма к А. Я. Трофимовой от 22 сентября 1936 года. Центральный государственный архив литературы и искусства. Фонд 1672, опись 1, единица хранения 91.

[2] Аркадий Гайдар. «Тимур готовится к войне». Заметка под общим заголовком «Наши планы на 1941 год». Газета «Правда», 1940, № 362, 31 декабря.

И дома действительно отпускали, потому что были уже «не те времена».

Стоять на посту днем и ночью значило выполнять приказ. Стоять на часах, не боясь ни мороза, ни ветра, ни тьмы, значило закаляться телом и духом. Условия игры оказывались предельно приближенными к реальным условиям.

Когда все мальчишки хотели быть Тимурами, а девочки — походить на Женю, когда каждый день создавались десятки команд, писатель сидел за своим рабочим столом и снова думал. Он думал, что движение тимуровцев — это хорошо, что через месяц-другой их может стать в два-три раза больше...

Но все новое и увлекательное рано или поздно становится привычным и даже скучным. То же может случиться и с игрой в команды, причем как раз тогда, когда помощь ребят будет всего нужней. И потому надо им объяснить, что игра в тимуровцев только похожа на игру, а если вникнуть — огромной важности дело, ребячий фронт, с которого нельзя малодушно бежать только потому, что тебе надоело или перестало нравиться...

...За работой над киносценарием «Клятва Тимура», фильм по которому должен был ставить режиссер Лев Кулешов, и застала Гайдара война.

ГЛАВА IV

«ТОВ. ГАЙДАР (ГОЛИКОВ) В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ ЧУВСТВУЕТ СЕБЯ ВПОЛНЕ ЗДОРОВЫМ»

...Ранен в ногу (левую), контужен в голову... возле местечка на реке Улла, дек. 6. 1919 г.

Краткая записка о службе командира 58 отдельного полка по борьбе с бандитизмом Голикова Аркадия Петровича

Когда киностудия «Союздетфильм» приступила к постановке «Клятвы Тимура», возникло неожиданное препятствие. Ребята, которые снимались в «Тимуре и его команде»,

были эвакуированы из Москвы. Чтобы их вернуть, требовалось специальное разрешение.

Аркадий Петрович пишет письмо военному коменданту города генерал-майору Ревякину:

Уважаемый товарищ Ревякин!

Я — писатель — автор книг «Школа», «Военная тайна», «Тимур и его команда» и ряда других.

По повести и кинофильму «Тимур и его команда» возникло большое пионерское движение помощи семьям ушедших на фронт бойцов Красной Армии.

Десятки тысяч детей уже принимали в этом благородном деле самое горячее участие.

Сейчас мною закончен, и фабрика «Союздетфильм» приступает к съемке второго оборонного кинофильма «Клятва Тимура». Это о том, что должны делать и чем могут помочь взрослым дети во время нынешней Отечественной войны.

Для этого нам необходимы четверо московских ребят, игравших в первой картине главные роли...

Они эвакуированы сейчас в Уфу. Прошу Вашего разрешения на их возвращение в Москву, так как без них эта оборонная кинокартина снята быть не может.

С товарищеским приветом: Арк. Гайдар.
14 июля 1941 г.[1].

Но вернуть юных актеров не удалось. Будь то взрослые — другое дело, а насчет детей приказ был строг — вывезти всех из Москвы.

«Клятва Тимура» — это было единственное, что еще удерживало Гайдара в столице. Когда же постановка фильма сорвалась, Аркадий Петрович решил, что делать ему в Москве нечего.

Это не значит, что Гайдар до сих пор ничего не предпринимал. Чуть ли не на следующий день после объявления войны был он уже в военкомате. С военного учета его, правда, несколько лет назад сняли. Контузия, полученная

[1] Копия этого письма хранится в Центральном государственном архиве литературы и искусства. Фонд 1672, опись I, единица хранения 19. Публикуется впервые.

в 1919 году, когда Аркадия Петровича ранило и сбросило с лошади, контузия, обернувшаяся впоследствии неизлечимой мучительной болезнью, освобождала его от военной службы.

Все же Гайдар надеялся, что теперь, когда началась война и нужны опытные командиры, никто не станет придавать значение его болезни.

Но военком, посмотрев бумаги, утомленно сказал, что отлично понимает Гайдара. Он бы и сам бросил всю канцелярщину, да нельзя. И еще он говорил, что подросло новое поколение, и оно отлично выполнит свой долг на передовой, а писателю, с его авторитетом, его опытом, найдется работа везде...

Аркадий Петрович ушел обиженным... А теперь с еще большим упорством он стал добиваться отправки на фронт, прося содействия то в ЦК комсомола, то в редакции Центрального радио, но везде ему отказывали.

Гайдар снова идет в Оборонную комиссию Союза советских писателей, тем более что состав ее изменился. Люди, которые еще недавно здесь работали, ушли на войну.

Конечно, в комиссии тоже обратили внимание на его документы. Но Аркадий Петрович сказал, да это было и видно, что выданы они ему давно. С той поры он поправился, чувствует себя вполне здоровым (глядя на него, в это легко было поверить). И просит только об одном — чтобы его переосвидетельствовали.

Аркадий Петрович с такой настойчивостью просил в сущности о столь малом, что ему наконец отпечатали ходатайство.

Тов. Гайдар (Голиков) Аркадий Петрович,— говорилось в полученной им бумаге,— *орденоносец, талантливый писатель, активный участник гражданской войны, бывший командир полка, освобожденный от военного учета по болезни, в настоящее время чувствует себя вполне здоровым и хочет быть использованным в действующей армии.*

Партбюро и Оборонная комиссия Союза советских писателей поддерживает просьбу т. Гайдара (Голикова) о направлении его в медицинскую комиссию на переосвидетельствование.

Начальник третьей части Красногвардейского райвоенкомата интендант второго ранга Самборский, у которого Аркадий Петрович бывал уже не раз, прочитав ходатайство, понимающе улыбнулся и, ни слова не говоря, дал Гайдару направление на комиссию, крепко пожав на прощание руку.

Бывалый командир, повидавший на своем веку всяких людей, Самборский уважал упорство и нелицемерное мужество.

На комиссии Аркадий Петрович уже не настаивал, чтобы его взяли в строевую службу, понимая, что не возьмут. И когда утомленные, издерганные врачи, начиная сердиться, что писатель отнимает у них попусту время, спросили, что, собственно говоря, ему нужно, Гайдар невозмутимо ответил: ему хотелось бы знать, не помешает ли старая контузия его литературной работе.

Врачи, переглянувшись, ответили: разумеется, нет. Тогда Аркадий Петрович попросил разрешения поехать в действующую армию журналистом. Возразить было нечего, и разрешение он получил.

В Генеральном штабе ему выписали пропуск на фронт, а в редакции «Комсомольской правды» отпечатали удостоверение:

Дано писателю тов. Гайдару Аркадию Петровичу в том, что он командируется в Действующую Красную Армию Юго-Западного направления в качестве военного корреспондента газеты «Комсомольская правда»...

Все документы были готовы. Дорога на фронт была открыта.

Правда, Гайдара не аттестовали. В то время как его товарищи-писатели получили кто одну, кто две шпалы и стали капитанами и майорами, Аркадий Петрович оставался с пустыми петлицами. Но это была уже мелочь. И Гайдар был доволен, как может быть доволен человек, который долго стремился к цели и наконец достиг ее.

Перед самым уходом из редакции «Комсомольской правды» Гайдара встретил фотокорреспондент Сергей Васин и сказал, что хочет сфотографировать его. Аркадий Петрович согласился. И Васин сделал последний «штатский»

снимок писателя. Гайдар выглядит на нем вдохновенным и сильным.

...В дни, когда Аркадий Петрович просился на фронт, а его не брали, он зашел к своему другу Ивану Игнатьевичу Халтурину.

Тот жил в писательском доме в Лаврушинском переулке, напротив Третьяковской галереи.

— Аркадий,— спросил его Иван Игнатьевич,— зачем тебе непременно сейчас ехать на фронт?

Гайдар посмотрел на него. Помолчал. Подошел к широко распахнутому окну, из которого открывался вид на Замоскворечье. За несколькими рядами домов виднелся кинотеатр «Ударник». На фронтоне его висел рисованный щит, изображавший мальчика и девочку в пионерских галстуках. Там шел фильм «Тимур и его команда».

— Видишь? — спросил Аркадий Петрович, показывая на щит.— Вот я сейчас пойду от тебя мимо «Ударника» и почти наверняка встречу ребят, которые смотрели фильм. И они могут спросить меня: «Аркадий Петрович, почему в своих книгах, которые мы прочли, и в этом вот фильме вы учили нас быть готовыми к борьбе с врагом в любую минуту. А сейчас, когда такая минута, такой час пришел, сами вы здесь, в тылу?»

...Начались сборы. В большом магазине на Арбате Аркадий Петрович купил вещевой мешок с карманами, полевую сумку, бинокль, фляжку и много других необходимых в походе вещей.

Теперь можно было ехать.

В последний вечер, сидя в кругу близких друзей в маленькой уютной квартире Фраерманов за тем самым столом, «за которым бывало читано им столько новых страниц, столько высказано было заветных мыслей, столько начертано исполненных и неисполненных планов,— в этот последний прощальный вечер он тоже говорил о книгах.

Он не жаловался на то, что мало сделал в жизни... Он говорил о том, что если останется жив, то напишет еще много книг, о которых советские люди будут судить неплохо. Он чувствовал в себе силу» [1].

---

[1] Р. Фраерман, «Наш Гайдар» в кн. «Жизнь и творчество А. П. Гайдара». Детгиз, М.—Л., 1951, стр. 96.

ГЛАВА V

ПО ВОЕННОЙ ДОРОГЕ

Никогда не упускайте возможности вернуться на те маршруты, которые глубоко запали в ваше сердце.

В. А. Арсеньев

21 июля Гайдар уезжал. Огромный состав — без гудка, без сигнала — дернулся и медленно, очень медленно, чтобы все отъезжающие успели прыгнуть в вагоны, пошел вдоль платформы. Высунувшись из окна почти до пояса, Аркадий Петрович долго махал Доре Матвеевне и Жене. Тимура на вокзале не было. Он к тому времени уехал в Чистополь.

В первые дни войны Тимур приехал к отцу в Болшево. Гайдар заканчивал с Кулешовым сценарий. По загадочно-взволнованному виду сына Аркадий Петрович понял, что прибыл он неспроста, но расспрашивать не стал, ожидая, пока Тимур все скажет сам.

И Тимур сказал: он решил ехать на фронт. И посмотрел на отца, не сомневаясь, что отец обрадуется и похвалит.

— Подожди... не спеши,— с неожиданной печалью ответил Гайдар.

— Ты, папка, хи-итрый,— заволновался сын,— когда тебе в гражданскую было пятнадцать, ты уже ротой командовал, а когда мне скоро будет пятнадцать,— то «подожди, не спеши».

— Этой войны, Тимурка, всем досыта хватит... И до тебя еще очередь дойдет... Навоюешься...

...Вопреки ожиданиям поезд не стал набирать скорость, а неторопливо пополз, постукивая колесами, пока вовсе не остановился и не пошел назад, на запасной путь, где и простоял до позднего вечера, пропуская товарные.

А когда уже совсем стемнело и настала пора, судя по обещаниям начальника эшелона, трогаться, завыли сирены. Вторя им, отрывисто, оглушающе, со всех сторон загудели паровозы. В небе заметались, то скрещиваясь, то расходясь, лучи прожекторов. Над самыми домами пронеслись истребители. Где-то совсем близко забили скорострельные зенитки.

Звук у них был такой, словно по крыше стучали чем-то железным.

Это был первый налет фашистской авиации на Москву. Лишь на другой день стало известно, что самолетам не удалось прорваться к столице. Но для Гайдара и для всех, кто ехал с ним, налет был первой встречей с врагом.

Прозвучал отбой. Аркадий Петрович лег на свою полку и уснул. А когда проснулся, поезд шел уже украинскими степями. Белые хаты, желтеющая рожь, золотистые подсолнухи — от всего веяло таким покоем, что минувшая ночь казалась сном. Но покой был обманчив, и мирные хаты с подсолнухами могли стать декорацией любых неожиданных событий, как то бывало уже не раз.

Очень ранней весной 1919 года пятнадцатилетний Аркаша Голиков, слушатель первого взвода первой роты Командных курсов Красной Армии, ехал по той же дороге. Рядом с ним, у открытых дверей теплушки, сидели новые его товарищи, чуть старше по возрасту, чем он.

В вагоне громоздились ящики, связки книг, узлы — имущество курсов, которые специальным приказом Главкома переводились из новой столицы — Москвы — в Киев.

Время от времени кто-нибудь запевал курсантскую песню, и тогда, поддержанный десятками голосов, далеко разносился ее припев:

Прощайте, матери, отцы,
Прощайте, жены, дети!
Мы победим, народ за нас.
Да здравствуют Советы!

Не доезжая Конотопа сделали остановку. Старому локомотиву понадобился мелкий ремонт, и потому пришлось пропустить товарный.

Наконец тронулись. Но паровоз, едва набрав скорость, тревожно загудел и стал тормозить. На путях, размахивая красным флагом, стоял человек. Когда к нему подбежали, он испуганно, скороговоркой объяснил:

«Впереди, в пяти верстах, крушение... Товарный разбился...»

Взводные тут же раздали боевые патроны. На тесной паровозной площадке, под фонарями, поставили пулемет. Двери теплушек распахнули настежь. Эшелон бесшумно двинулся.

Аркадий лежал на верхних нарах и всматривался в проплывающий лес, пока впереди не задымила, не зачернела какая-то бесформенная масса. Это были обломки пущенного под откос эшелона.

«— Ведь крушение-то предназначалось нам»,— озабоченно произнес кто-то.

Аркадий вздрогнул.

Сколько раз потом смерть проходила так же вот рядом...

Но этой встречи с ней и внезапной догадки: «А ведь крушение готовилось нам», не забыл — рассказал «В днях поражений и побед».

Теперь Гайдар снова направлялся на фронт, в Киев.

Сразу за Конотопом поезд остановился на маленькой станции. Она походила на многие другие: водонапорная башня, два прямых старых тополя, низкий кирпичный вокзал. И запомнилась Гайдару разговором с двумя мальчишками. Они прибежали из соседней деревни. У каждого была кошелка с ягодами.

— Почем смородина? — спросил их лейтенант.

Старший ответил:

— С вас денег не берем, товарищ командир.

Мальчишка добросовестно наполнил стакан верхом, так что смородина просыпалась на горячую пыль между шпал. Он опрокинул стакан в подставленный котелок, задрал голову и, прислушиваясь к далекому гулу, объявил:

— «Хенкель» гудит... Ух!.. Ух! Задохнулся...

Замелькали пригороды Киева.

И вот описанная в «Судьбе барабанщика» панорама города.

Сколько ни доводилось Аркадию Петровичу тут бывать, он всегда с волнением ждал появления стремительно несущейся навстречу широкой лазурной реки с ее запахом смолы, рыбы, водорослей, с ее крикливыми белогрудыми чайками, с ее высоким цветущим берегом, что крутым зеленым обрывом спускается к воде.

А на том обрыве, как в детстве читанной сказке, громоздились белые здания — дворцы, башни, светлые, величавые. И пока поезд шел по легкому мосту, они неторопливо разворачивались, сверкая голубым стеклом, серебром и золотом.

Каждая встреча с этим городом была встречей с юностью. Каждый приезд будил в памяти картины далекой тревожной молодости. Сколько раз прямо с поезда он садился в машину и ехал на бывшее Кадетское шоссе, к огромному трехэтажному зданию бывшего кадетского корпуса, где в 1919 году помещались Командные курсы Красной Армии, чтобы просто постоять возле стен, потрогать рукой их шершавую кладку.

Что ни говори, а его сознательная военная биография начиналась отсюда.

И когда еще в Москве, в Генеральном штабе, Аркадия Петровича спросили:

— Фронт какого направления, товарищ Гайдар, вы предпочли бы избрать?

Аркадий Петрович, не колеблясь, ответил:

— Юго-Западный, товарищ полковник, Киев.

ГЛАВА VI

ГОСТИНИЦА

С вокзала Гайдар направился на улицу Карла Маркса, в гостиницу «Континенталь».

Это было старинное здание с роскошным внутренним убранством, которое сохранилось еще с дореволюционных времен. В «Континентале», приезжая в Россию, любил останавливаться иранский шах. И часто в качестве музейного экспоната посетителям показывали номер, где он жил.

С первых дней войны гостиница стала штабом военных корреспондентов Юго-Западного фронта. Круглые сутки спускались и поднимались по лестницам, спешили по коридорам военные, обвешанные фотоаппаратами, кинокамерами или битком набитыми планшетами и сумками. Из карманов гимнастерок, как газыри на черкесках, выглядывали

колпачки авторучек. Из полуотворенных дверей номеров доносился треск пишущих машинок. А из комнат, где помещался узел связи, раздавались громкие, всякий раз новые голоса. Это журналисты по междугородному телефону диктовали свои информации и очерки в Москву.

Здесь собрались фоторепортеры, кинооператоры, художники, корреспонденты газет, журналов, радио.

Жизнь в «Континентале» не замирала ни на час. А к вечеру она становилась еще напряженней. С передовой, которая была недалеко, возвращались в свои номера постоянные их обитатели.

Круглые сутки по всем коридорам слышался один и тот же негромкий металлический перезвон. Это звенели неправдоподобно большими связками ключей дежурные. Половина персонала гостиницы ушла на фронт или эвакуировалась. И дежурные уже не могли, как прежде, сидеть за своими столиками. Они носили с собой ключи от всех номеров, то открывая, то закрывая комнаты...

Сюда-то и приехал Аркадий Петрович. Его поместили в небольшом номере. Оставив мешок, сумку, бинокль, Гайдар пошел знакомиться с обстановкой.

Он отыскал Бориса Абрамовича Абрамова, корреспондента «Красной звезды», который был кем-то вроде старшины этого огромного журналистского цеха.

Несколько минут побеседовали. Договорились, что в самое ближайшее время поедут вместе на передовую, тем более, что у Абрамова была легковая машина, а у Гайдара ее пока не было.

ГЛАВА VII

В СВОЕМ БАТАЛЬОНЕ

МАЙОР ГАВИЛЕВСКИЙ

Майор Гавилевский, командир 306-го полка, был занят. Он то вызывал офицеров связи, то выслушивал донесения, то снимал трубку полевого телефона. Строгая озабоченность лица, уверенная неторопливость движений делали его

похожим на шахматиста, который, глядя на доску, пытается разгадать, какую из бесчисленных комбинаций задумал его противник.

Было видно, что майору сейчас ни до кого, а тем более не до журналистов. И Гайдар, который надеялся переждать, пока Гавилевский освободится, понял, что это бесполезно, и молча положил перед ним свое удостоверение.

Не отрываясь от телефона, командир полка пробежал удостоверение глазами, закончил разговор и неожиданно улыбнулся:

— Писатель Гайдар! Как же, как же, читал, а Игорь мой вас просто обожает,— и, выйдя из-за стола, поздоровался с Аркадием Петровичем и со всеми, кто с ним был.

Гайдар попросился в батальон. Гавилевский помолчал.

— Пошлю-ка я вас во второй, к Прудникову... Что за батальон? — Майор усмехнулся.— Если бы все воевали так, быть бы нам сейчас где-нибудь под Кенигсбергом...

Зазвонил телефон. Гавилевский снял трубку. Выслушал. Ответил и продолжал:

— Двадцать второго июня Прудников стоял со своим батальоном на границе, у реки Буг. Есть там такое село — Бережаны. На рассвете с того берега вдруг забили пушки. Били долго, точно, с близкого расстояния... И снаряды ложились, как по линеечке, один к одному... Я, правда, там не был, но... представляю.

А потом пошли танки. Штук двадцать. На танках и за ними пехота. А там уже подкатывают мотоциклисты. Одним словом, все идет, как у них за год или полтора до этого было задумано.

А батальон Прудникова, еще по нормам мирного времени укомплектованный, батальон, от которого, они думали, после артподготовки и следа не осталось,— батальон этот берет и всю эту лавину — с их танками и мотоциклами — отбрасывает назад, за линию границы! — Гавилевский остановился и потеплевшими от волнения и гордости глазами оглядел гостей, желая увидеть, какое это произвело впечатление.

Но ведь у тех приказ Гитлера,— продолжал майор,— границу перейти, и они наступают снова, и Прудников со своими хлопцами отбрасывает их опять.

И это продолжается целый день...

Вечер. Немцы напуганы. Ждут рассвета. Наступает тишина. И тогда становится слышно: где-то идет ожесточенная стрельба. Скорей всего на заставе. Километрах в трех.

Прудников оставляет в окопах нескольких бойцов — на всякий случай, потому что ночью немцы все равно не сунутся, побоятся. Снимает бесшумно весь батальон, стремительным броском они оказываются возле заставы, с криком «ура», чтобы осажденные поняли — идут свои, ударяют с тыла по немцам. Уничтожают их, спасают пограничников, человек тридцать, и уводят их с собой.

А на рассвете все начинается сначала... Только двадцать четвертого мы приказали Прудникову отойти к Ковелю. Боялись, что его окружат и мы потеряем батальон...

Гавилевский быстро крутит ручку полевого телефона. Называет позывной.

— К тебе журналисты сейчас придут,— говорит он в трубку.— И писатель с ними один... Фамилию он тебе сам скажет... Только смотри... Я тоже думаю, что понимаешь...

ЖИВОЙ ГЕРОЙ ГАЙДАРА

Что произошло после звонка Гавилевского, я узнал неожиданно и недавно. В редакции Центральной студии телевидения мне передали письмо от пионеров-гайдаровцев из 21-й тамбовской школы и попросили на него ответить.

Оказалось, что ребята со своей учительницей Валентиной Ивановной Сухоцкой создали в школе музей Гайдара: ведь Аркадий Петрович воевал на Тамбовщине во время антоновского мятежа.

Четвероклассники отыскали немало людей, которые знали Аркадия Петровича, среди них — комбата Ивана Николаевича Прудникова. О нем Гайдар писал в очерке «У переправы»: «Это самый лучший и смелый комбат самого лучшего полка всей дивизии».

Получив от ребят адрес Прудникова, я удивился, как, наверное, удивился бы, узнав, что жив Борис Голиков, что можно повидать Сергея Ганина или позвонить по телефону Натке Шегаловой.

Но ошибки не было.

Я действительно бывший командир 2-го батальона 306-го стрелкового полка 62-й стрелковой дивизии,— ответил мне Иван Николаевич.— *В районе Новоград-Волынска, Коростеня и Малина мне неоднократно приходилось встречаться с Аркадием Петровичем и участвовать с ним в боях. В очерке «У переправы» Гайдар описал все то, что он видел, находясь вместе со мной на КП батальона.*

Рад буду видеть вас у себя, и тогда поговорим обо всем подробно.

С уважением — Прудников.

...Иван Николаевич, вопреки моим ожиданиям, оказался сравнительно молодым для заслуженного и опытного командира, каким я его себе представлял. Невысокий, широкоплечий, он выглядел крепким и сильным. И, только приметив шрам на голове, тяжеловатость походки и не полную послушность руки, я понял, что война не прошла для него бесследно. Но чертики в глазах да мягкая улыбка говорили о характере веселом и добром.

— Мало осталось нас, видевших Гайдара в сорок первом,— говорит Иван Николаевич.— Командир полка Петр Саввич Гавилевский стал генерал-майором, но он умер год назад. Начальник штаба мой, Шульгин, помните по очерку? У него еще осколком, как бритвой, срезало голенище? Он жил тут, в Киеве. Тоже нет... Интересно, где Цолак Купалян, секретарь полкового комитета комсомола? Он бы вам, наверно, многое рассказал. Мы с женой — Клава, помнишь? — встречали его после войны. Он юрист. А где живет, не знаю...[1] Я вам сейчас что-то покажу,— говорит Прудников.

Он достает пухлую папку, раскрывает ее и бережно кладет на стол газетную вырезку. Она пожелтела, стерлась на сгибах. «У переправы»,— прочел я заголовок.

— Из той самой «Комсомольской правды», от восьмого августа,— объясняет Прудников.— Я возил ее всюду с собой. И теперь вот храню.

---

[1] После выхода первого издания этой книги пионеры из школьного клуба «Звезда Гайдара» (село Подберезцы. Пустомытовского района, Львовской области) разыскали Цолака Карповича Купаляна.

Я осторожно беру уже ветхий кусок газеты. Долго держу на ладонях, и мне становится радостно, что вот в руках у меня очерк, вырезанный из той самой «Комсомолки», а рядом стоит герой очерка — живой герой Гайдара.

«А ПИСАТЕЛЬ-ТО В НАШЕМ ДЕЛЕ ЧЕЛОВЕК ГРАМОТНЫЙ»

— Надо ждать гостей,— кладя трубку, сказал Прудников своему начальнику штаба Шульгину.

Гости появились, когда начинало темнеть. Несмотря на внушительные знаки различия, держались они чуть скованно. Сопровождал их высокий красноармеец в новой гимнастерке, с орденом «Знак почета».

Стали знакомиться. Когда очередь дошла до красноармейца с орденом, представился:

— Корреспондент «Комсомольской правды» Гайдар.

— Буду рад, товарищи,— сказал Прудников,— если вам доведется узнать в нашем батальоне что-нибудь интересное.

Журналисты, которые приехали с Аркадием Петровичем, разошлись побеседовать с бойцами, благо на участке наступило затишье и бойцы были свободны. А Гайдар остался на командном пункте.

Он спросил: почему была выбрана эта позиция, сколько батальону требуется времени, чтобы окопаться, как старший лейтенант оценивает боеспособность немецкой пехоты?..

По тому, как Гайдар обдуманно и точно ставил вопросы, по тому, как подолгу молчал, выслушав ответ, видимо сопоставляя его с другими известными ему фактами, комбат понял, что Аркадий Петрович мучительно пытается решить что-то для самого себя.

— Ладно,— произнес вдруг Гайдар, расстегивая сумку и доставая наполовину исписанную тетрадь в черном клеенчатом переплете,— расскажите мне лучше, товарищ старший лейтенант, о своих людях.

И пока Прудников называл фамилии, коротко перечисляя, кто и в каком деле отличился, Гайдар писал, изредка переспрашивая и прося подробнее остановиться на деталях той или иной операции.

Дверь отворилась. Вошел командир взвода разведки Бобошко и доложил, что взвод к выполнению задания готов.

Комбат объяснил, что разведчики идут за «языком».

— Товарищ старший лейтенант,— пристально глядя комбату в глаза, произнес Гайдар,— позвольте вместе с ними.

Прудников растерялся.

Журналисты приходили к нему и раньше. Побеседуют с красноармейцами, с ним, Прудниковым. Если бой, посидят, переждут, и ни один, куда не положено, не просился. К тому же опять только что звонил Гавилевский и напомнил: «Упаси бог, что случится».

И старший лейтенант решил объяснить:

— Стоит ли рисковать собой, товарищ писатель? Ведь это, знаете ли, идти прямо в пасть к врагу... Лучше оставайтесь у нас ночевать. Мы вас накормим, уложим. Выспитесь, отдохнете. А утром взвод придет, бойцы, как есть, все расскажут. И тогда вы, сколько хотите, пишите. Сколько надо, популяризируйте...

— Я могу писать только о том, что сам видел, сам испытал,— ответил Гайдар таким голосом, словно ему в сотый раз приходилось объяснять одно и то же.— Если же я стану отсиживаться в штабах и отлеживаться в землянках в три наката, толку от меня будет мало.

— Что ж,— произнес комбат, сраженный убедительной простотой довода.— Раз вы считаете, что так надо, пусть так и будет. Но идти вам придется на общих основаниях. Так что сдайте, пожалуйста, начальнику штаба все бумаги, какие у вас с собой, документы и орден...

Разведчикам, их отправлялось человек пятнадцать, было сказано, что с ними идет писатель, и велено беречь его пуще глаза, чего бы это ни стоило.

Гайдар поздоровался с бойцами. Он был так же одет, как и два часа назад, только вместо полевой сумки у него через плечо висел планшет с картой, взятой у Прудникова.

Бобошко объяснил задачу. Аркадий Петрович проверил по карте маршрут, и разведчики тронулись.

Через полкилометра бойцы оказались возле нашего сторожевого охранения. И пока Бобошко договаривался о пароле на обратном пути, бойцы, забравшись в окопчик, закурили по последней.

Разведка движется по лесной дороге. Два человека впереди. Два — слева, два — справа. Остальные гуськом. «Че-

рез каждые 10 минут, без часов, без команды, по чутью, разведка останавливается. Упершись прикладами в землю, опустившись на колени, затаив дыхание, люди напряженно вслушиваются в ночные шорохи и звуки».

Впереди просвет. Мелькнул огонек. Донесся неясный шум.

— Где-то поблизости должно быть боевое охранение немцев,— шепчет Гайдар командиру взвода.

Бобошко кивает: он понял. Он подзывает рукой старшего сержанта и тоже ему что-то шепчет. Разведчики по двое расходятся. И хотя все они рядом, их не видно, и не слышно.

С Бобошко возле тропы остается Гайдар.

...Взвод вернулся под утро. Бойцы привели немецкого унтер-офицера, у которого нашлась великолепная карта, и принесли тяжело раненного Бобошко.

...Поначалу все проходило на редкость удачно. Унтера взяли бесшумно, но гитлеровцы быстро хватились его и бросились в лес, стреляя вдогонку. Шальная пуля угодила в командира.

Аркадий Петрович вернулся усталым. Он почти всю дорогу нес Бобошко. Новая гимнастерка его и галифе были запачканы землей. Ему, как и всем, пришлось много ползти.

Когда Гайдар, умывшись и приведя себя в порядок, открыл дверь в штабную избу, там допрашивали пленного. Унтер вел себя нагло.

— Он говорит,— испуганно произнес лейтенант-переводчик,— что мы можем сколько угодно цепляться за Киев. Только объединенные силы Германии и ее союзников уже заняли Москву.

Гайдар засмеялся:

— Смотрите, Иван Николаевич, что геббельсовская пропаганда делает: ведь врет, знает, что врет, но врет убежденно...

Пленного увели в штаб полка. Гайдар получил обратно сумку и документы. Расстегнув гимнастерку, стал привинчивать орден.

— Ну вот, теперь мне есть о чем писать,— произнес он.

А когда Аркадий Петрович вышел, старший сержант, замещавший теперь Бобошко, удивленно сказал:

— А писатель-то в нашем деле человек грамотный. Это он подсказал, где у немцев боевое охранение и где нужно брать «языка». Там и взяли.

БОЙ ЗА ДЕРЕВНЮ А.

Прошло уже полтора месяца, как я был в отряде, а я еще не участвовал ни в одном настоящем бою.

Аркадий Гайдар,
«Школа»

«Наш батальон вступал в село.

Пыль походных колонн, песок, разметанный взрывами снарядов, пепел сожженных немцами хат густым налетом покрывали шершавые листья кукурузы и спелые несобранные вишни.

Застигнутая врасплох немецкая батарея второпях ударила с пригорка по головной заставе зажигательными снарядами.

Огненные змеи с шипением пронеслись мимо. И тотчас же бледным, прозрачным на солнце пламенем вспыхнула соломенная кровля пустого колхозного сарая».

Командир батальона Прудников находился за старым сеновалом. Он уже приказывал четвертой роте броском занять боевой рубеж, пятой — поддержать четвертую, а шестой — усилить фланг и держаться к локтю пятой.

Гайдар был рядом с Прудниковым. Так уж повелось, что, приезжая в полк, Аркадий Петрович шел не к Гавилевскому, а прямо во второй батальон, где он уже многих знал и где его знали тоже.

В то утро, когда был взят «язык», бойцы много и уважительно говорили: «Писатель, а не побоялся пойти в разведку, хотя его свободно вместо Бобошко могло ранить, а то и просто убить». Но красноармейцы еще больше удивились, когда днем с одной из рот Гайдар поднялся в атаку.

И когда только что начавшийся бой застал Аркадия Петровича на КП, он не стал искать шестую роту, которую считал своей, а расположился рядом с комбатом, понимая, что недаром ведь с этим насмешливо-спокойным в любой ситуации человеком связывает солдатская молва легендарную уже на фронте непобедимость второго батальона.

С доброй завистью старого военного наблюдал он за быстрыми и четкими распоряжениями Прудникова, видя и понимая, как много изменилось в армии за минувшие двадцать с лишним лет. Прежде командир, бывало, мог послать своих

бойцов в бой, мог подбросить им подкрепление. В остальном они были неуправляемы: каждый действовал сам — до победы или поражения.

Сидя на земле, за ветхими стенами сарая, где фашистские наблюдатели не могли его видеть, Прудников через своего ординарца Кудряшова и связных отдавал приказания разведчикам, пулеметчикам, минометчикам, взводам связи и артиллерии.

Отсюда, с холма, где стоял сарай, сначала невооруженным глазом, а потом и в бинокль, Гайдару было видно, как бойцы поползли по пшенице, гречихе, головой в песок, лицом по траве, по земле, по сырому торфяному болоту. Они сливаются с землей, их скрывает пшеница.

Не видно ни наших, ни немцев. И только все сильнее и ближе становится грохот. И всякому непосвященному могло бы показаться, что в происходящих событиях никакого осмысленного порядка нет и быть не может.

Но недаром так спокоен комбат. Недаром через равные промежутки времени выглядывает он из-под трухлявого угла сарая, уверенно ожидая чего-то.

Вот справа, в лощине, сложили тяжелые свои ящики минометчики.

А через минуту уже смотрит в небо короткая стальная труба. Словно играя, перекатывается с боку на бок, вниз, с холма, комсомолец Сергиенко. За ним тянется тонкий провод от КП батальона в сторону ушедшей вперед роты. И уже видно, как бойцы, поднявшись в полный рост, врываются на окраину села Андреевичи.

Вероятно, фашистские наблюдатели приметили блеск оптических стекол за углом сарая. Мины рвутся все ближе и ближе. И вдруг показалось, что старый сеновал подпрыгнул и в следующее мгновение обрушился на тех, кто прятался за его дряхлыми стенами.

Гайдар и Прудников прижались к завалинке, и бревна, щепки, осколки пронеслись над головой. Только несколько обломков больно ударили по спинам, по ногам.

Но не успели Гайдар и Прудников стряхнуть с себя солому и труху, как услышали испуганный голос начштаба Шульгина.

— Где комбат?.. Комбата не видели? Он только что был там, за сараем!..

На лице Шульгина тревога. И опасение за жизнь Прудникова мешает ему заметить комизм случившегося с ним самим: осколком той же мины, как бритвой, Шульгину срезало голенище сапога, не задев ногу.

Аркадий Петрович, увидев начштаба, хохочет: он вдруг вспомнил, что в таких вот опорках, без голенищ, ходили в Нижнем Новгороде босяки.

Наконец Шульгин видит комбата, который появляется из огня и дыма живой и невредимый с биноклем на шее и пистолетом в руке. Начальник штаба докладывает, что немцы из Андреевичей выбиты, но комбат понимает это и сам.

— Переходим к обороне,— приказывает он.— Дайте мне связь с артиллерией. Ротам прочно окопаться.

Прудников приглашает Гайдара осмотреть село.

У крайней хаты на земле валяется немец. Он лежит вверх лицом. В правой откинутой руке винтовка. Рядом, на ребре, валяется каска. Тут же подбитый грузовик. Бак его продырявлен, и разносится непривычный запах синтетического бензина.

Входят в дом. Он пуст. Но по всему видно — тут стояли фашисты. На полу — перина и две подушки. На белой наволочке четкий след сапога. Особенно хорошо отпечатался каблук. Новый, несношенный, с ровными дырочками. На чисто выскобленном столе — немытые тарелки. В углу — раскрытый сундук. В нем все перевернуто.

Гайдар постоял, еще раз оглядел разоренный дом и вышел. Прудников приметил в его лице выражение брезгливости и гнева.

Фашисты опомнились только на рассвете. По нашим окопам снова ударили минометы. Комбат снимает трубку, что-то шепчет, и в сторону фашистов бьет наша артиллерия. Тогда вступают и немецкие пушки. Начинается артиллерийско-минометная дуэль.

Внезапно огонь гитлеровцев ослабевает и вовсе прекращается. Будто прислушиваясь, реже бьют и наши пушки. Вот замолчали и они. Наступает пугающая своей непривычностью тишина.

Все понимают: сейчас что-то произойдет.

Аркадий Петрович переводит взгляд с командира на черную полосу немецких окопов, ожидая того мгновения, когда

Прудников, в доли секунды оценив обстановку, отдаст первое свое распоряжение.

Тишину прорезает резкий звук фанфар. Немецкие трубачи слаженно выводят сигнал — торжественный и зловещий.

Под рукой Прудникова гудит телефон. Это майор Гавилевский.

— Что у тебя там? — с тревогой спрашивает майор.

Комбат, сжав в усмешке чуть оттопыренные губы, отвечает:

— Все в порядке, товарищ командир. Начинается музыка. Сейчас и я впишу пулеметами свою гамму.

Над окопами немцев один за другим возникают движущиеся барьеры. Гитлеровцы идут в полный рост. По желтому полю, под звуки фанфар, без единого выстрела движутся фигуры в черных эсэсовских мундирах. Но в черных мундирах под палящим солнцем жарко, и солдаты идут, засучив до локтей рукава, держа прямо перед собой угрожающе немые автоматы.

Бой — не парад и поле — не плац, но эсэсовцы старательно вышагивают вихляющим парадным шагом: шаг левой — носок влево, шаг правой — носок вправо, шаг левой, шаг правой, шаг левой...

И когда вдруг смолкают фанфары, в воздухе тяжело повисает почти ровный ритм марширующих тяжелых сапог.

Прудников, прильнув к биноклю, обводит взглядом первую шеренгу.

Ироническая улыбка не сходит с его губ, и он молча протягивает Аркадию Петровичу свой «цейс».

Шеренги заколыхались перед самыми глазами Гайдара. В перекрестье стекол отчетливо проступили бесшабашно-пьяные от шнапса лица с блудливой ухмылкой трактирных буянов. (Разведчики недавно принесли несколько бутылок немецкого шнапса. На этикетке стояло: «Особого назначения». Срочно послали в лабораторию на экспертизу. Выяснилось: в бутылки подмешаны одурманивающие вещества.)

Продолжалась психическая атака — шествие полубезумных от водки «особого назначения» солдат.

Красноармейцы настороженно замерли. Двести пятьдесят метров...

Эсэсовец, который шел в середине первой шеренги с автоматом на шее и кривой казацкой саблей в руке, зажал саблю под мышкой и на ходу закурил. Он демонстрировал свое презрение — к русским и к смерти.

Двести метров.

Гайдар наконец опустил бинокль, достал из сапога запасную обойму к немецкому автомату и оттянул затвор.

Сто... Еще немножко... Ну еще... Еще... Ну-у!..

— Огонь!

Команда слилась с оглушающим залпом и длинными пулеметными очередями. Фашисты, не сбавляя, но и не ускоряя шага, стали бить из автоматов. Затем передняя цепь, продолжая стрелять, стала пятиться. И в это время командир шестой роты, встав в полный рост, крикнул «За мной!» и еще что-то.

Прудников не заметил того мгновения, когда Гайдар вместе с бойцами выскочил из окопа. Он только увидел, как Аркадий Петрович, державший в руках автомат, вдруг швырнул его куда-то вперед, поднял с земли оброненную красноармейцем винтовку, и потом его заслонили бойцы.

...Вечером, после контратаки, Прудников сидел в просторной избе в селе Чиповичи. Тут же за столом были Гайдар, Шульгин, командир хозяйственного взвода Тейслер и еще несколько человек.

Хозяйка поставила на стол две кринки молока, миску сметаны и большую миску вареников с творогом и вишней, которые все время подсыпала из чугунка.

Говорили о сегодняшнем бое, по общему мнению, очень удачном, потому что батальон, перебив не менее роты эсэсовцев, неожиданно вырвался вперед и укрепился на новых позициях.

— А вот скажите, товарищ Гайдар,— спросил ординарец Кудряшов,— откуда у вас такая, знаете ли, боевитость, что ли? Хлопцы рассказывают, здорово в бою у вас получается.

Аркадий Петрович отложил в сторону вилку, словно была она неуместна при таком серьезном разговоре.

— Дело в том, Кудряшов, что воевать мне здесь не впервой. В 1919 году, в этих же местах и тоже летом, проходил петлюровский фронт. Здесь дралась наша бригада курсантов.

ГОЛИКОВ ИЗ «ЖЕЛЕЗНОЙ»

Откуда я родом? Я родом из детства. Я родом из детства, как бывают родом из какой-то страны.

Антуан де Сент-Экзюпери,
«Военный летчик»

Август 1919-го. Красные с боями оставляют Украину. Окруженный со всех сторон, держится только Киев. На помощь к нему спешат командные курсы — Харьковские, Полтавские, Сумские, Екатеринославские, Черкасские. Создается прославленная впоследствии «Железная бригада» курсантов.

Но в огромном трехэтажном здании Киевских курсов еще идут занятия. До производства старшего класса в красные командиры остается уже недолго.

Курсант Голиков ночами просиживает над учебниками и записями, понимая, что впереди опять бои и тогда уже будет не до учебы.

Однако Петлюра внезапным ударом продвигается за Фастов. Теперь он под самым Киевом...

Прискакал связной. Ни на кого не глядя, пробежал мимо часового к начальнику курсов, передал ему засургученный пакет, сунул в карман расписку, прыгнул в седло и умчался.

В пакете приказ: сегодня же произвести выпуск старших классов, а к утру выступить всем на фронт.

У каждого человека случаются такие события, когда он вдруг понимает: все, что было раньше,— пустяки. А настоящее в жизни только начинается. Таким событием для Аркадия Голикова был вечер 23 августа 1919 года.

Сто пятьдесят старшекурсников, одетых в только что полученную форму, выстроились во внутреннем дворе, на плацу, где уже стоял оркестр.

Появился начальник курсов: как всегда, начищенные сапоги, выутюженная гимнастерка. Только вместо маленького браунинга тяжелая шашка с золоченым эфесом и маузер в деревянной кобуре.

Приняв рапорт, он не произнес, как ожидали, речи — все было ясно и так,— а, расстегнув планшет, достал белый

листок. Это было торжественное обещание. Начальник курсов спокойно и громко прочитал его, а сто пятьдесят человек слово в слово повторили.

Когда все курсанты получили выпускное свидетельство, украшенное пятиконечной звездой, и отзвучал «Интернационал», на плацу появилась открытая машина наркома по военным делам Украины Подвойского.

Нарком вышел из кабины. За ним — адъютант.

— Товарищи бывшие курсанты,— сказал нарком.— Поздравляю вас с почетным революционным званием красного командира! Здесь, в Киеве, вы прошли не только курс теоретических наук. Вы прошли школу борьбы с контрреволюцией. Благодарю вас за вашу геройскую работу!..

Стоявшие на плацу понимали: сегодня выпускное свидетельство ровно ничего для них не меняло. Они уходили в бой рядовыми. Все, кроме Яши Оксюза, самого среди них находчивого и дерзкого, назначенного командиром шестой их роты.

Оксюз был другом Аркадия, и Голиков гордился этим назначением.

Стоявшие на плацу понимали: завтрашний бой разом изменит счет. И многие из них, произведенные сегодня в командиры, так никогда и не поведут в бой свои роты, свои полки.

И нарком, словно зная, о чем они думают сейчас, вдруг сказал:

— Вы отправляетесь в тяжелые битвы. Многие из вас никогда не вернутся из грядущих боев. Так пусть же в память тех, кто не вернется, кому предстоит великая честь умереть за Революцию, оркестр сыграет «Похоронный марш».

Оркестр заиграл.

Мурашки побежали по спинам. Никому не хотелось умирать. Ни завтра, ни через год. Но похоронный марш как бы оторвал всех от страха, дал силу перешагнуть через него. И никто уже не думал о смерти.

...Рассвет застал шестую роту километрах в тридцати от Киева, близ станции Боярка. Из-за домов медленно поднималось солнце.

Сведения, накануне доставленные разведкой, успокаивали, и Оксюз, назначив часовых, велел остальным разойтись

по хатам и отдохнуть, справедливо полагая, что другой такой случай представится не скоро.

Под утро ударил взрыв.

Курсанты выбежали на улицу. Впереди всех, с маузером в руке, командир роты. Он бежал туда, где слышалась перестрелка, но уже и отсюда было видно, в чем дело: на окраине села появились белые.

То ли заснул под утро часовой, то ли на него внезапно напали, а он все-таки успел взорвать гранату, никто не знал, и получилось неладно, и нужно было исправлять ошибку часового.

Яша Оксюз споткнулся и, вытянув руки, упал. Голиков подбежал к нему, перевернул.

Яша задыхался.

Гимнастерка на груди его быстро намокала.

— Беги,— с трудом сказал он Голикову и махнул рукой.

Аркадий схватил с земли свою винтовку, высоко поднял ее над головой и громко — так он еще никогда в жизни не кричал — крикнул:

— Слушай мою команду,— вперед, за нашего Яшку!

Курсанты выбили белых из села. И Аркадий вернулся на то место, где он оставил друга. «Уже розоватая пена дымилась на его запекшихся губах, и он говорил уже что-то не совсем складное и для других непонятное». И что бы он там ни бормотал, Аркадий знал и понимал, что он хочет и «торопится сказать, чтобы били они белых и сегодня, и завтра, и до самой смерти, проверяли на заре полевые караулы, что письмо к жене-девчонке у него лежит», да Аркадий и сам его видит — торчит из кармана защитного френча. «И в том письме, конечно, все те же ей слова: прощай, мол, и помни! Но нет силы, которая сломала бы советскую власть ни сегодня, ни завтра. И это все».

Командиром шестой роты был назначен Аркадий Голиков, который в трудную минуту боя увлек бойцов за собой.

И, снова вспоминая этот день, Гайдар записывает 30 ноября 1940 года в своем дневнике:

«Оксюз Яшка — убит при мне, я его заменил. 27 авг. 1919 г., ст. Боярка».

СЮРПРИЗ

Гайдар с Прудниковым еще завтракали, когда в избе появился командир хозяйственного взвода Тейслер.

— Товарищ старший лейтенант,— произнес Тейслер,— позвольте обратиться к товарищу писателю.

У Прудникова от удивления брови полезли на лоб. Чем-чем, а верностью параграфам устава Тейслер никогда не блистал.

— Обращайтесь.

— Товарищ Гайдар,— сказал командир хозвзвода,— у меня для вас есть подарок...

— Подарок? — удивился теперь уже Аркадий Петрович.

— Ну, не подарок, а, так сказать, сюрприз... И для вас, Иван Николаевич, тоже,— поспешно добавил Тейслер.

Комбат и писатель отодвинули тарелки с недоеденной жареной картошкой и, заинтригованные, вышли из-за стола.

Тейслер повел их к амбару. Оттуда слышалось нетерпеливое фырканье, похрустывание травы и доносился сразу повеявший далеким детством волнующий звон уздечек.

За сараем стояли два великолепных оседланных коня.

— Это вам, товарищ Гайдар, и Ивану Николаевичу, выбирайте любого,— произнес Тейслер.

Гайдар даже растерялся:

— Почему же, собственно, я? Пусть сначала комбат.

— Нет, вы — наш гость,— твердо сказал Тейслер.

Аркадий Петрович отвязал тонконогого, в белых носочках, вставил ногу в стремя, быстро, но немного грузно опустился в седло, повел поводом. И в следующее мгновение тонконогий плавно взял с места, и вот уже Гайдар мчится по недавно скошенному полю.

Было что-то захватывающее в том, как, слившись воедино, летели по зеленому лугу эти двое — конь и всадник.

Раскрасневшийся, возбужденный, в потемневшей разом гимнастерке, Гайдар остановил коня на полном скаку у самого сарая и легко, неожиданно легко, спрыгнул на землю.

— Отличный конь, отличный,— переводя дыхание, сказал он и, протянув Тейслеру обе руки, добавил: — Спасибо, друг. Давно не ездил я уже верхом.

С тех пор бойцы часто видели двух всадников — Гайдара и Прудникова.

ГАЙДАР СПАСАЕТ КОМБАТА

Тяжелое дело — спасая человека,
бежать через чужой угрюмый лес...
без дорог, без тропинок...

Аркадий Гайдар,
«Дым в лесу»

Днем разведка донесла, что все дороги перерезаны. Батальон в кольце.

Часа два назад из Киева, без всяких осложнений, приехал Гайдар, и вот на́ тебе. Еще никогда положение не было таким серьезным. Помощи ждать было неоткуда. Оставался один только выход — прорываться.

План стал известен каждому бойцу. Много объяснять не приходилось.

Еще раз выслали разведку, выбрали направление удара. Дождались темноты.

Бесшумно снялся с места конный взвод. Весь батальон двинулся за ним. Когда до немецких окопов осталось несколько сот метров, кавалеристы с шашками наголо ринулись в атаку. По фашистам ударили автоматы. В шестой роте шел Гайдар.

Конный взвод уже был по ту сторону немецкой обороны, когда сбоку застучали пулеметы, захлопали и рассыпались в воздухе ракеты и с жутким кошачьим визгом понеслись над головами мины.

Но главное было сделано: оборона гитлеровцев прорвана и батальон уходил из кольца. Еще несколько минут, окопы окажутся позади, и тогда уже весь батальон рассыплется, растворится в высокой траве, в мелком кустарнике, а за кустарником лес... Совсем близко завизжала мина. Гайдар с разбегу бросился на землю. Мина ударила рядом, обдав его теплым воздухом и обсыпав землей. Аркадий Петро-

вич вскочил, поднял автомат и машинально глянул, где комбат.

Прудников, раскинув руки, недвижно лежал на спине. Гайдар бросился к нему. Осторожно вынув из-под его головы каску, быстро ощупал лицо, голову, провел рукой по гимнастерке. Ни острых краев осколков, ни липкой влаги.

— Иван Николаевич,— позвал Гайдар и потряс его за плечи.— Иван Николаевич!..

Рядом возник ординарец Кудряшов.

— Что с ним? — испуганно спросил он.

— Ничего страшного. Кажется, контузия. Понесли.

Гайдар подхватил комбата под мышки, Кудряшов — за ноги. Но при свете ракет немцы сразу их приметили, и мины стали рваться рядом.

Прибавили шагу, но быстро нести комбата по неровному полю оказалось неудобно. То Кудряшов, то Гайдар оступались, и тогда Прудников от боли вздрагивал и почти вырывался из рук, и стоило больших усилий его не уронить.

— Опусти,— сказал Гайдар Кудряшову.

— Зачем?

— Опусти, если велят.

Прудникова положили на землю.

Кругом рвались мины.

— А ну-ка помоги мне взять его на спину,— сказал Гайдар.

— Вы знаете, сколько в нем весу?!

— Давай!!!

Аркадий Петрович с трудом поднялся, поправил тяжелую свою ношу и быстрым шагом двинулся к спасительным кустам, до которых оставалось метров двести.

Кудряшов с двумя автоматами — один на плече, другой на изготовку — шел сзади

А мины рвались всё ближе, ближе...

Светало, когда Прудников очнулся.

Он лежал на земле. Над ним простер свои ветви могучий дуб. В голове шумело, и что-то давило на уши, словно их закрывали рукой.

Комбат с трудом повернул голову и похолодел. Метрах в пяти от него стояли двое в пятнистых немецких плащ-палатках и о чем-то говорили. О чем, Прудников не слышал.

«В плену!» — мелькнула жуткая мысль.

Он машинально схватился за кобуру. К его удивлению, пистолет был на месте. Комбат с трудом вытащил «ТТ», навел на высокого, что был совсем близко. Но... поторопился и не взвел затвор.

И в то мгновение, когда Прудников бессильными пальцами пытался оттянуть затвор, а затвор не поддавался, высокий повернул голову, кинулся навстречу, прижал руку с пистолетом к земле и голосом Гайдара сказал:

— Не надо, Ваня, не стреляй. Здесь и без тебя много стреляют...

* * *

— Такая вот приключилась со мной штука,— смущенно рассказывал Прудников.— Аркадий Петрович вынес меня с поля боя, спас мне жизнь. А я его в этой плащ-палатке, да еще в лесу, принял бог весть за кого...

И чуть не убил.

* * *

Когда Прудников доложил Гавилевскому, что батальон с малыми потерями вырвался из окружения, майор расцеловал его.

— А мы-то вас уже похоронили,— признался командир полка.

Гайдара с того дня Прудников больше не видел.

Второго августа Ивана Николаевича тяжело ранило. И его увезли в госпиталь.

А спустя неделю в палату принесли «Комсомольскую правду».

— Нá вот, Прудников, тут про тебя написано. Гайдар какой-то написал. Здорово получилось.

— «Наш батальон вступал в село»,— прочел Иван Николаевич.— Наш батальон...

В глазах у Прудникова вдруг все поплыло. Так бывает, когда стекла окон начинает заливать дождь...

ГЛАВА VIII

ВЕЧЕР В «КОНТИНЕНТАЛЕ»

...И я задумался о Толстом и о том огромном преимуществе, которое дает писателю военный опыт.

Эрнест Хемингуэй,
«Зеленые холмы Африки»

У Крещатика попутный грузовик затормозил. Гайдар, придерживая сумку, прыгнул через борт. Ему подали его автомат. Он крикнул: «Спасибо!» — помахал рукой, и машина тронулась.

Аркадий Петрович уже два дня не был в Киеве, и ему захотелось прогуляться по центру.

Здесь продолжали ходить троллейбусы и автобусы, дворники поутру и в полдень поливали из брандспойтов тротуары, мостовые и клумбы.

На первом этаже Центрального универмага Гайдар купил какие-то мелочи и направился в гостиницу.

Пока дежурная искала ключ, чтобы открыть номер, пока он брился, принимал душ, переодевался, по всем этажам разнеслась весть: с передовой вернулся Гайдар.

Директор гостиницы специально прислал сказать, что в ресторане его ждет ужин. Правда, ничего особенного. С продуктами стало трудно. Но сыт будет, и кусок вареного мяса с мозговой косточкой найдется тоже.

Выйти из номера Аркадий Петрович не успел. К нему набилось полным-полно народу. Все ждали новостей.

Не то чтобы товарищи не бывали на передовой. Просто так повелось: лучше Гайдара никто не мог объяснить ни сложностей, возникших на фронте, ни перемен за последние дни.

Развернули карту, и Аркадий Петрович, с толстым карандашом в руке, коротко и точно, как перед боем, говорил: где теперь наша линия обороны, сколько дивизий дополнительно брошено Гитлером сюда, под Киев, из них — моторизованных, в чем преимущества и недостатки создаваемой нами линии укреплений и насколько эффективны новые средства борьбы с немецкими танками.

Его спрашивали. Он отвечал, и ни один вопрос не заставал его врасплох, словно он вернулся не с передовой, а из штаба фронта, где получил исчерпывающие сведения от самого генерал-полковника Кирпоноса.

Но бывало, чего-нибудь не знал и тогда говорил: «Этого я не знаю». И даже такой ответ выслушивался с уважением. В самом деле, откуда же одному человеку все знать?..

...Поздний вечер. В ресторане давно остыл приготовленный для Гайдара ужин, а в номере продолжается разговор.

Когда все ушли, Аркадий Петрович потушил свет, поднял штору и распахнул окно. Посмотрел на притихший, без единого огня, город и снова опустил штору.

Но спать не лег, а положил на стол свою сумку, достал стопку хорошей бумаги и сел писать.

Часа в два ночи Гайдар зашел на узел связи. Две девушки крепко спали. А две другие дежурили, продолжая выстукивать что-то на телеграфном аппарате.

Поздоровался. Ему кивком ответили: телеграммы уходили в Москву. Когда одна из девушек освободилась и оглянулась, она увидела, что на столе, в ряд, стоят четыре флакона «Кармен».

— Ой, какая прелесть!.. Где вы их достали? — воскликнула она.

— Нам сегодня в батальоне духи выдавали сухим пайком,— отшутился Гайдар.

Обе девушки засмеялись так, как умеют смеяться только украинки. И, конечно, разбудили подруг. Те быстро поняли, отчего переполох. Открыли флакон, и Валя влажной от духов рукой провела по вискам Аркадия Петровича. Он покорно наклонил голову, как бы готовый перенести и не такое испытание. И все снова засмеялись.

Гайдар с грустью посмотрел на девчат, которые давно уже сделали его поверенным своих прозрачных тайн.

Им бы читать под каштанами стихи, купаться в Днепре, загорать на пляже, играть дотемна в волейбол, а они по пятнадцать-шестнадцать часов просиживают у своих аппаратов. По трое суток не бывают на улице. Когда им говорят: «Так нельзя»,— привычно и устало отвечают:

— В окопах трудней.

И потому, возвращаясь в гостиницу, он всегда приносил с собой цветы из оранжереи, или выпрошенный на какой-нибудь базе шоколадный набор, за который бывало уплачено втридорога, или вот, как сегодня, так удачно подвернувшиеся духи.

И, глядя на детски искреннее их веселье по поводу всех этих пустяков, он был рад, что доставил своим приходом несколько безоблачных минут.

Выждав, пока они угомонились, спросил:

— Москву, девочки, дать можете?

— «Комсомолку»?

— Да.

— Линия занята. Отдыхайте. Освободится — сразу разбудим. Вы в том же номере?

— В том же.

— Спокойной вам ночи...

Гайдар отправился к себе. На передовой приходилось спать где угодно: в брошенных, тоскливых хатах, добротно сделанных, пахнувших погребом землянках, а то и прямо в окопах.

Знакомый фотограф однажды снял его спящим в глубокой траншее: пилотка на глаза, руки на груди, наган на поясе. Получилось жутко, как в могиле.

И теперь просто не верилось, что можно раздеться и поспать на чистом белье, положив голову не на жесткую сумку, от которой потом ныли затылок и шея, а на белоснежную мягкую подушку.

Часа через полтора в дверь его комнаты тихо постучали:

— Аркадий Петрович... Аркадий Петрович....

Гайдар приоткрыл не видящие со сна глаза, натянул одеяло на уши и заснул было опять.

— Аркадий Петрович... Вставайте... на проводе Москва.

Гайдар вздрогнул, сбросил с головы одеяло.

— Москва?! Спасибо... Иду.

Гимнастерка, галифе, сапоги — на все это по выработанной годами привычке требовались секунды. Ополоснув лицо под краном, затянул ремень с широкой командирской пряжкой. Взял со стола заранее приготовленные листки и вышел.

...В аппаратной, сев верхом на стул и прижав трубку плечом, готовый диктовать, он долго слушал, как переговаривались киевские и московские телефонистки, вызывая редакцию «Комсомольской правды».

Продолжалась обычная работа.

Отдохнувшее за ночь солнце заливало ярким светом пробуждающийся город.

ГЛАВА IX

ПРИЕЗД В МОСКВУ

В тот же день по вызову редакции Аркадий Петрович выехал для отчета в Москву. Сам по себе вызов был нелепостью: шла война и с отчетом можно было подождать. Но здесь еще действовала раздражающая инерция мирного времени.

И все-таки Гайдар был доволен, что побывает дома. Как и все там, на передовой, он очень по дому тосковал.

В квартиру Аркадий Петрович ввалился без шинели, без бинокля и многих других вещей, потому что эшелон его разбомбило и добираться пришлось уже в другом вагоне и в другом поезде. Но выглядел Гайдар бодрым, загорелым, как бы сразу помолодевшим.

Однажды утром Аркадий Петрович появился в Детиздате. Медленно оглядывая знакомые стены и двери, словно удивляясь, что вот он опять здесь, прошел по длинному коридору, раскланиваясь со всеми, кто ему встречался, а потом осторожно, от этого он тоже отвык, постучался в кабинет к главному редактору Григорию Самойловичу Куклису.

Григорий Самойлович радостно поднялся из-за стола и долго, молча разглядывал Гайдара, который вернулся «оттуда».

Аркадий Петрович и прежде ходил в кавалерийской длиннополой шинели и солдатской гимнастерке, что не мешало ему быть веселым шутником и во время серьезного разговора достать вдруг из-за пазухи ужа, которого все, конечно, принимали за гадюку.

Но теперь Гайдар был как-то грустно-серьезен и в своей вытюженной не новой гимнастерке и зеркально начищен-

ных сапогах больше чем когда-либо походил на кадрового командира.

Аркадий Петрович с готовностью, но сдержанно отвечал на вопросы, и, хотя, казалось, поддерживал беседу, заметно было, что думает он о чем-то своем.

Куклис кому-то позвонил— и вошел редактор Борис Исаакович Камир.

Издательство приступило в это время к выпуску «Военной библиотеки школьника». Теперь как раз готовился сборник «Советским детям» — слово наших писателей о войне. Согласие участвовать в сборнике уже дали Илья Эренбург и Алексей Толстой.

Обо всем этом Камир и сказал Гайдару.

— Вы хотите, чтобы я написал тоже? — спросил Гайдар и замолчал.

Он не спешил с ответом.

— Они приходят к нам и не знают, чем им заняться,— произнес он вдруг.— Они хотят бить врага. Они отважны. Но не владеют винтовкой. Не умеют бросить гранату. Не знают, как стрелять из миномета. Смотришь — молодой, крепкий парень. А он ждет, пока ему объяснят, как забраться в блиндаж. Да что там,— он даже не знает, как поставить винтовочный прицел. Всему этому надо учить. Учить до того, как он попадет на фронт. Потому что в окопе учить чаще всего бывает уже поздно. Здесь и должна помочь книга. Должна помочь ваша «Военная библиотека школьника».

Позавчера я был на радио,— продолжал он.— Там меня записали на пленку и попросили, чтобы я до отъезда выступил у них еще [1]. Текст я подготовил, но боюсь, что выступить еще раз уже не успею и прочитать перед микрофоном им уже придется самим. Вот этот материал вам для сборника, верно, подошел бы. И я мог бы вам его дать.

Гайдар расстегнул карман и достал несколько сложенных страниц.

Это был его очерк «Берись за оружие, комсомольское племя».

«...Комсомолец, школьник, пионер, юный патриот, война

---

[1] Запись выступления Гайдара «В добрый путь!» найдена, реставрирована и теперь часто передается по радио.

еще только начинается, и знай, что ты еще нужен будешь в бою,— писал Гайдар.— Приходи к нам на помощь не только смелым, но и умелым. Приходи к нам таким, чтобы ты сразу, вот тут же рядом, быстро отрыл себе надежный окоп, хлопнул по рыхлой груде земли лопатой, обмял ладонью ямку для патронов, закрыл от песка лопухом гранату, метнул глазом — поставил прицел. Потом закурил и сказал: «Здравствуйте все, кто есть слева и справа».

Поняв, что ты начал не с того, чтобы сразу просить помощи, что тебе не нужно ни военных нянек, ни мамок, тебя полюбят и слева и справа».

30 августа Аркадий Петрович снова уезжал. Его снова провожали. Выглядел он на этот раз грустным-грустным. И долго махал из окна...

ГЛАВА X

ШОФЕР ГАЙДАРА

В редакцию Центрального радио пришло письмо: «Москва. Детское вещание. Автору передачи «Партизанской тропой Гайдара» журналисту товарищу Кам...» Смотрю обратный адрес: Киев, Ал. Ольхович.

Я слышал по радио Ваше выступление о работе Аркадия Гайдара во время войны,— говорилось в письме,— *и о тех, кто остался в живых... Вам близко знаком, наверно, Миша Котов, корреспондент, он же живет в Москве, а также с ним был Володя, не помню его фамилию, тоже из бригады «Комсомольской правды».*

Но все разъехались... [незадолго до падения Киева. — *Б. К.*], *а я остался с Гайдаром вдвоем.*

Потом и нам с ним пришлось уехать из Киева (был на машине с нами еще один журналист), попали в окружение в г. Борисполе и там потерялись.

Я шофер машины, которая обслуживала военных корреспондентов... До сих пор остался у меня документ.

Извините за небрежность. Пишу в поезде, на ходу.

Потом я узнал, что Ольхович услышал самый конец передачи в вагоне. Радио неожиданно испортилось. Передача прервалась на полуслове. Словом этим оказалась фамилия. И потому Александр Куприянович так и написал: «Журналисту товарищу Кам...»

* * *

В маленькой квартире на одной из улиц Киева меня встретил невысокий крепкий человек с добрым, улыбающимся лицом.

На этажерке в комнате Ольховича замечаю красную продолговатую коробочку. В таких обычно хранят ордена. Александр Куприянович, уловив мой взгляд, ставит коробочку на стол и раскрывает ее. В ней блестит незнакомый орден.

— Большая партизанская звезда. Недавно сюда приезжал военный атташе Чехословацкой Социалистической Республики и вручил нам, пятерым участникам партизанского движения в Словакии,— объяснил Александр Куприянович.— Я был командиром взвода разведки в соединении партизанских отрядов имени Суворова.

Оказывается, расставшись с Гайдаром, Ольхович вскоре был схвачен немцами, отправлен на работы в Польшу, откуда бежал в Словакию...

Ольхович с улыбкой рассказывает такие удивительные вещи, что, если бы на столе передо мной не лежали свитки грамот за подписью президента Чехословацкой Республики о награждении его двумя медалями «За храбрость» и если бы я сам только что не прочел отпечатанной на машинке характеристики, заверенной командиром отряда, майором Красной Армии Героем Советского Союза Д. М. Резутой, где все это подтверждалось, я бы, верно, многому просто не поверил.

Александр Куприянович бережно кладет на стол еще один документ: пропуск, выданный Ольховичу (в документе ошибочно написано «Олхонович»), водителю грузовой машины «77-44», *«наряженной в распоряжение редакции «Комсомольской правды». Цель выхода — поездки бригады военных корреспондентов на позиции фронта».*

— Почти все документы пришлось уничтожить. А эту бумажку сохранил,— говорит Александр Куприянович.— Я спрятал ее дома в ножке обеденного стола.

ГЛАВА XI

ГРУЗОВИК «77-44»

Эта полуторка стала потом темой бесчисленных шуток. У всех журналистов «Континенталя» были «эмки», неповоротливые «ЗИСы», на худой конец, старые, но легкие «газики» с брезентовым верхом. Кто-то разъезжал даже в трофейном «оппеле». А корреспонденты «Комсомольской правды», отправляясь к линии фронта, или в штаб, или в редакцию газеты «Красная Армия», забирались в полуторку.

А смеяться, собственно, было не над чем: таков был заранее обдуманный выбор.

У Софийского собора, где находилось что-то вроде диспетчерского пункта, Аркадий Петрович приметил полуторку. Она пришла откуда-то издалека. Водитель ее, молодой еще парень, лет двадцати пяти или даже меньше, о чем-то просил интенданта, ведавшего маршрутами. А интендант только отмахивался.

Гайдар подошел к шоферу. Спросил, в чем дело. Тот обиженно объяснил, что его прикомандировали к военной комендатуре для перевозки семей командиров. Он вернулся из рейса. А что делать дальше, не знает.

— А как машина? — спросил Гайдар.

— Ничего. На ходу.

— Тогда поедемте с нами.

— Пожалуйста. Только куда?

— На позиции. Нас тут несколько человек. Мы — военные корреспонденты.

— Так далеко меня не отпустят. Я ж тут приписанный...

— Не волнуйтесь,— ответил Гайдар.— Вас как зовут?

— Саша.

— А фамилия?

— Ольхович.

— Вот что, Саша Ольхович, подождите немного. Я сейчас.

Гайдар показал интенданту какие-то бумаги. И пока шоферу выписывали пропуск и заполняли путевой лист, Аркадий Петрович быстро зашагал к трехтонке, покрытой брезентом, которая подкатила к собору. Или Аркадий Петрович догадался, или заранее знал, но, подойдя к машине, он встал на колесо и приподнял брезент.

Машина была доверху наполнена оружием: винтовками, карабинами, даже обрезами, револьверами и пистолетами. Гайдар стал рыться в кузове, отбрасывая в сторону то, что ему не подходило или не нравилось, пока не вытащил кобуру с наганом. Наган был заряжен. В кобуре имелись запасные патроны. Аркадий Петрович довольный соскочил с колеса.

— Теперь поехали,— сказал он Саше.

— Может, вам, как журналистам,— усомнился Ольхович,— неудобно на грузовике? Так можно и легковушку найти.

— Грузовик лучше. И бензину лишний бочонок можно взять. И рюкзак какой. А понадобится — так и пулемет,— ответил Аркадий Петрович и сел в кабину.

— Куда поедем? — поинтересовался Ольхович.

— В «Континенталь». Знаете?

— Конечно,— усмехнулся водитель.

Машину поставили во дворе гостиницы.

— Где вы, Саша, живете?

— Недалеко отсюда: Круглоуниверситетская, 15.

— Очень хорошо,— ответил Гайдар.— Сможете отдыхать дома. Если случится что особенное, тогда уж вам придется ночевать в «Континентале». А сейчас идите домой.

Так у корреспондентов «Комсомольской правды» появилась своя машина — полуторка «77-44».

ГЛАВА XII

ГАЙДАР И ДЕТИ

БЕЙ И НЕ БОЙСЯ!

— Идем с нами, Санька,— говорит Светлана.— Не бойся. Нам по дороге, и мы за тебя заступимся.

Аркадий Гайдар,
«Голубая чашка»

Теперь, когда появилась машина, работать стало веселей. Собственно, до передовой было не так уж далеко, несколько километров.

Но пока дойдешь, пока отыщешь кого надо, пока расспро-

сишь и запишешь — уже вечер. Либо оставайся ночевать, либо — опять пешком — возвращайся обратно. Хорошо, если тебя захватит попутная.

К тому же пешком или на трамвае (на передовую ездили и на трамвае) можно добраться только до ближайшей линии обороны. А вся она — на десятки километров. Поспей всюду попробуй.

А тут Саша завел мотор, проверил, сколько бензина в баке и в подобранном на дороге бочонке, и езжай хоть в Бровары, хоть в Харьков.

И на этот раз Аркадий Петрович направлялся к передовой.

По обыкновению, он сидел в кабине. Вдоль шоссе чернели искалеченные, перевернутые взрывом машины. Саша, крутя баранку влево и вправо, объезжал наспех засыпанные саперами, а то и самими водителями воронки.

Дорога эта немецким бомбардировщикам была хорошо знакома.

День был солнечный. Небо от самолетов пока чистое. Гайдар время от времени высовывался из окна, но ничего подозрительного не замечал, и Ольхович уверенно обгонял тяжело груженные полуторки и трехтонки.

— Саша, тормози! — внезапно крикнул Гайдар.

Тяжело зашуршали по гравию скаты. Аркадий Петрович открыл дверцу и выскочил из кабины.

Ольхович испуганно глянул сначала в небо, потом в ту сторону, куда побежал Гайдар.

Тут лишь Саша заметил: близ дороги дерутся двое мальчишек.

Один был длинный. Другой — в синей майке — на голову ниже. С кривой улыбочкой, неторопливо выбирая, куда побольней, длинный лупил маленького, с любопытством наблюдая, как тот вздрагивает от каждого точно рассчитанного удара.

Во всей фигуре малыша в синей майке сквозило давнишнее бессильное горе.

Он бы мог убежать, но бежать ему, наверное, было стыдно.

И он только защищался, пытаясь отводить безжалостные кулаки и нервно закрывая то лицо, то грудь, то живот руками...

Услышав топот, мальчишки обернулись: военный бежал к ним.

Длинный поначалу оторопел, потом повернулся, припустил вдоль палисадника и скрылся.

А второй, поняв, что это помощь, заплакал:

— Дяденька, догоните его. Что он все время ко мне лезет,— и заплакал еще сильней. Горько-горько...

Аркадий Петрович растерялся. Ловить длинного совсем не входило в его планы. На дороге ждала машина, а между тем мальчишке надо было помочь.

— Вот что,— произнес Гайдар.— Я за ним не побегу... Не могу. Меня ждут.— И он показал на полуторку, дверца которой оставалась открытой.— И потом, что же получится: он дал тебе, я дам ему. Потом я уеду, он опять даст тебе. Лучше договоримся так: ты быстрей расти, становись сильным. И тогда ты дашь ему сам. А главное — не бойся. Он же трус. Когда он тебя бил, ты же не побежал?

— Не побежал.

— А он, хотя его никто не бил, побежал... А труса чего же бояться?

Мальчишка хлюпнул носом, насухо вытер глаза рукой и сказал:

— Я, дяденька, ему дам! Ей-богу, дам! Да так дам, что он уже никогда не полезет к тем, которые слабже!..

БОСОТА

У нас много найдется таких смелых ребят.

Аркадий Гайдар,
«Воспитание мужества»

Машина свернула к Голосеевскому лесу. На окраине полуторку остановил патруль. Проверил документы. Лейтенант, уважительно беря под козырек, объяснил, что дальше ехать нельзя, немцы очень близко, а пройти немного вперед еще можно.

Сбоку от дороги, в кустарнике, было полно военных с голубыми петлицами. Здесь стояли десантники полковника Родимцева.

А возле замаскированной ветками палатки, скорее похожей на шалаш, бегали двое мальчишек.

Гайдар, завидя их, от удивления даже остановился. Было им лет по пятнадцати, носились они босиком и в невероятных лохмотьях. На одном были латаные штаны и пиджак с распоровшимся у плеча рукавом. На другом — телогрейка, из которой лезла грязная вата.

Давно не стриженные, мальчишки заросли, и видно было, что они давно не мыты.

Так выглядели потерявшие дом и близких беспризорники, которых Гайдар часто встречал на дорогах гражданской войны и позднее, в двадцатые годы. Он много писал о них в ту пору.

— Что это за... босота? — спросил Аркадий Петрович у проходившего мимо капитана.

Капитан подозрительно посмотрел на Гайдара, но, увидев изумленное лицо и орден на гимнастерке, улыбнулся и доверительно объяснил:

— Это не босота. Это наши разведчики... Они только что вернулись с задания... Кажется, уходят снова.

Гайдар подошел к одному. И тот спокойно стал рассказывать, откуда они с товарищем пришли, что видели, какие фашисты вблизи.

Мальчик рассказывал ровным голосом, неподвижно глядя перед собой. Только на лбу у него собирались морщины, а у переносицы пролегли две отчетливые складки.

И странно было видеть эти складки, эти морщины на детском лице.

— А ты не боишься? — спросил Гайдар.

— А чего бояться?

— Что немцы такие, а тебя опять посылают?..

Парень усмехнулся:

— Я там был. Я еще раз двадцать туда-обратно пойду. Я буду ходить, сколько велят... Оружия только брать с собой не разрешают. И подбирать тоже... Боятся, что засыплемся, если с оружием. А то бы...— Парень замолчал.

— Когда ты в следующий раз вернешься, я обязательно постараюсь тебя встретить,— пообещал Гайдар.

Сев на свое место в кабину, Аркадий Петрович долго писал, а потом сказал водителю:

— Поехали, Саша.

ВОЕННАЯ ТАЙНА

На передовую, к реке Ирпень, Гайдар отправился с кинооператором Абрамом Наумовичем Козаковым. Помятая «эмка» с прошитой пулеметной очередью крышей катила по Житомирскому шоссе.

Дорогу внезапно преградил противотанковый завал. «Эмка» свернула в лес. Здесь начиналась линия обороны.

В командирской землянке, где Аркадий Петрович уже бывал, шел невеселый разговор. Знакомый Гайдару начальник штаба, седой, с медалью «XX лет РККА», объяснял молодому капитану с перевязанной головой, что час назад опять звонили из дивизии. Требовали точных сведений о противнике. А разведчики, которые только на рассвете вернулись, сообщили очень мало.

Или им чертовски не везло. Или по неумению, только натыкались они всюду на дозоры. Потеряли двух человек. Одного особенно жалко: прекрасный пулеметчик. А проникнуть в глубь немецкой обороны так и не удалось.

— Найти бы кого с того берега. Но некого. Тут уж спрашивали,— произнес начальник штаба.

— А если... Сашу с Мариной? — осторожно спросил капитан.

Это были брат и сестра. Часовые в темноте их чуть не постреляли, когда они пытались вброд перейти на другой, уже немецкий берег, где у них оставался дом.

Задержанных привели к командиру. Он приказал накормить и немедленно отправить в тыл. Но ребята — дуэтом — так расплакались: мамка в пяти километрах отсюда, а их куда-то отсылают,— что командир сжалился. Он вспомнил своих детей. И отменил приказ.

Так они и жили, эти двое, у самой линии обороны, в ожидании, пока разведчики отведут их, как обещали, домой. Но разведчики брать ребят с собой не спешили, возвращались по утрам хмурые, и с каждым разом становилось их все меньше.

— Детишек, говоришь? — переспросил начальник штаба.— Конечно, всякие стежки-дорожки они знают. И родни, говорят, в каждой деревне у них полно. Но ты представь только — риск тут какой: все ж таки дети... Да и справятся ли?..

— Вот и я не знаю, справятся ли...— задумчиво произнес капитан.— А хорошо бы!.. Глядишь, а у нас были б свои люди на том берегу.

— А вы что скажете, Аркадий Петрович? — обратился начальник штаба к Гайдару, который внимательно прислушивался к разговору.— Это ведь, кажется, по вашей части?

— Думаю, могут,— ответил Гайдар.— Видел я тут недавно двух мальчишек. Правда, постарше. Они пробрались в село, где стояла немецкая часть, испортили несколько мотоциклов, вынули замки у пулеметов на колясках. Перерезали телефонный кабель. И сведения принесли такие, что немцы потеряли потом целый батальон... А вашим ребятам замки вынимать ведь не надо...

В землянку Марина и Саша вошли настороженные, понимая, что пригласили их неспроста.

— Домой возвращаться... не передумали? — спросил их капитан.

Дети замотали головами. Не передумали.

— А заодно помочь нам... не возьметесь?.. Вот писатель, товарищ Гайдар, говорит: на вас можно положиться.

Девочка, быстро взглянув на Аркадия Петровича, сразу согласилась.

Брат ее, он был меньше, помедлил и кивнул.

— Я пойду с вами,— пообещал Гайдар.

Марина обрадованно переспросила:

— Нет, правда?

А Саша снова кивнул.

До вечера оставалось много времени. Аркадий Петрович устроился с ребятами под деревом. Он еще раз объяснил, в чем будет состоять задание, а потом прутиком на земле показал, как обозначать в донесениях танки, пулеметы, пушки и как рисовать планы.

Стемнело, когда десять разведчиков спустились к броду. Гайдар и Саша с Мариной шли с ними. На плече Аркадия Петровича висел трофейный автомат, добытый накануне. Получилось это так. Гайдар с товарищами, тоже корреспондентами, приехал в Малин, в батальон Прудникова.

А батальон вел бой. Все остались возле машины. А Гайдар сказал:

— Я пойду.

Ждали его долго.

Потом он появился: бледный, весь в пыли, новые брюки на коленях до тела протерты.

— Я уж думал, буду на том свете,— с горькой усмешкой произнес он, усаживаясь на землю и кладя рядом немецкий автомат.

— Ничего себе,— засмеялся один из корреспондентов,— из-за автомата в такое пекло лезть.

— А вот мы вернемся в «Континенталь», и я посмотрю,— озорно сказал вдруг Гайдар,— у кого еще из журналистов такой автомат есть. А у меня есть.

Теперь его трофей был как нельзя кстати.

Подвесив на шею патронташи, держа над головой винтовки и гранаты, бойцы двинулись к другому берегу. За ними — Марина. Замыкали цепь Гайдар и Саша.

На немецкой стороне вспыхивали ракеты. Изредка доносились очереди. Саша ступил в воду. Затем выскочил и замер.

— Ты чего? — шепотом спросил Аркадий Петрович.

— Ни-чего! — с трудом ответил мальчик. Голос его дрожал, и слышно было, как стучали зубы, хотя вечер был теплый, даже душный.

Гайдар тихонько толкнул мальчика к реке. Разведчики уже перешли. Марина тоже, но Саша не двинулся с места.

— Боишься?

Мальчик ничего не ответил.

— Давай перенесу.

— Я умею плавать.

— Тем более нечего бояться.— Гайдар быстро снял с плеча и повесил ему на шею автомат.

Мальчик удивленно посмотрел на Аркадия Петровича и, высоко поднимая ноги, зашагал по воде.

На середине Гайдар все-таки взял его на руки и опустил у самого берега. Разведчики уже нервничали.

Неприметными тропинками ребята провели бойцов к своей деревне. По дороге условились, где будет тайник. Прощаясь, Аркадий Петрович обнял Марину, а Саше ласково поерошил волосы. Мальчик улыбнулся. Страх уже проходил.

Теперь каждый вечер пробирались разведчики на другой берег. Они приносили тетрадные страницы с неумелыми планами и перечнем: сколько и где стоит машин, в каком месте замаскированы пушки. Все совпадало.

О ночном этом рейде в тыл врага Гайдар написал потом очерк «Ракеты и гранаты». Только о Саше и Марине он не писал.

Это была военная тайна.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СКАЗКИ

Поздно вечером Гайдар с Козаковым возвращались в Киев. В стороне от дороги, возле распряженных телег, у костра, они приметили беженцев-колхозников. Люди недвижно сидели на земле и смотрели в огонь, который отбрасывал красноватый свет.

Любой шальной немецкий самолет, пролетая, мог кинуть в этот круг огня бомбу или ударить из пушек. Испугавшись этого, Гайдар попросил остановить машину и подошел к колхозникам.

Он умело и быстро замаскировал костер, чтобы не так был приметен, а потом удобно устроился на траве. Козаков расположился рядом.

Перед гостями молча поставили ведро вспененного молока и две кружки: колхозники гнали стадо.

Абрам Наумович вернулся к «эмке» и принес большой белый каравай: его дали в дорогу красноармейцы. Гайдар достал из полевой сумки «Комсомольскую правду», аккуратно расправил, расстелил на земле, нарезал складным ножом хлеб и положил его у ведра на газету.

По темному небу шарили прожекторы. Далекий горизонт на мгновение ярко краснел и потухал. Отдаленным громом доносилось эхо залпов и разрывов, перебиваемое близким позвякиванием колокольчиков.

После первой выпитой кружки — кружки были большие, сразу не выпьешь — Гайдар с Козаковым уже знали по именам всех, кто сидел с ними у костра: и деда Захария, и безногого — попал в детстве под поезд — Митрофана Ильича, и бабу Матрену, что была бригадиром, а теперь ведала всем горьким беженским хозяйством, и молодых женщин, всего

неделю назад отправивших на войну своих мужей, и мальчишек.

Мальчишки сидели степенные, важные: остались за мужиков. На всех были лучшие, чтобы не бросать, отцовские пиджаки и сапоги.

И хотя знакомство состоялось, разговор не получался. Люди сидели, обессиленные дневным переходом и подавленные тем, что лишились сразу всего, а теперь идут неизвестно куда, и никто не знает, сколько еще так идти.

Аркадий Петрович долго молча сидел у огня. Потом, глянув куда-то поверх голов, в сторону вспыхивающих зарниц, вполголоса, словно пересказывая старую боевую песню, произнес:

— В те дальние-дальние годы, когда только что отгремела по всей стране война, жил да был Мальчиш-Кибальчиш,— по памяти, вслух читал он свою «Сказку о Военной Тайне», сказку о покое, царившем над землей, о воздухе, внезапно запахшем «то ли дымом с пожаров, то ли порохом с разрывов», о беде, которая пришла, «откуда не ждали», о ржи, которую отцы густо сеяли, а убирать уже сыновьям придется, о «горящих за горами зорях от зарева дымных пожаров», о мужественной смерти настоящих людей, о гибели бесстрашного Мальчиша, преданного Плохишем.

Написана сказка была десять лет назад, на Дальнем Востоке. Но сейчас, в поле у дороги, при свете гаснущего костра, казалось: Аркадий Петрович рассказывает о том, что произошло у всех на глазах, что все они только что пережили.

И потому, когда он кончил, воцарилась уважительная тишина. Только баба Матрена, не в силах остановиться, продолжала тихонько плакать, вытирая глаза и морщинистые щеки концами накрахмаленного головного платка.

— Германа цего, буржуина, как правильно вы сказали,— произнес дед Захарий,— мы, понятное дело, одолеем. И хаты, и дворы, какие у нас там чи сгорели, чи що, живы будем — новые построим. Не это обидно.

А то я вам, добрый человек, скажу, обидно, что каждую вот такую жменьку,— старик вырвал с корнем пук травы,— обратно отвоевывать придется.

---

[1] Худо́ба — по-украински домашнее животное, скот.

А ведь это значит не худобой[1] какой — кровью людской за родную нашу землю платить будем. Это ж понять надо, как обидно.

Так что вы Матрену нашу, что плачет, извините. Это она по бабьей своей слабости. А что погостювали с нами и за рассказ ваш душевный от бригады всей, от общества спасибо.— Старик встал, подошел к Гайдару и пожал ему руку.— И вам, гражданин, спасибо тоже,—обратился он к Козакову.

— А я не согласен с концом вашей сказки,— произнес вдруг Алеша, парнишка лет четырнадцати, в новых хромовых сапогах, которые были ему велики, и в синем бостоновом костюме с закатанными рукавами.

— Как ты смеешь, Лешка, взрослому человеку такое говорить? — обиделся дед Захарий, а женщины неодобрительно посмотрели в сторону парня.

— Не надо, пусть скажет,— остановил деда Гайдар.— Что же тебе, Алешка, не понравилось?

— Лучше б вы написали так,— Алеша поднялся с земли и быстро заговорил, опасаясь, что его снова перебьют,— лучше б так: ринулась в бой Красная Армия, выручила она Мальчиша-Кибальчиша. Обнял его перед всем строем за храбрость самый большой командир. Обнял, сел на коня и уехал.

А Мальчиш вернулся домой: тихо на широких полях, на зеленых лугах, где рожь росла, где гречиха цвела... И нет ни отца, ни брата. Грустно ему стало одному дома. И отправился тогда он в город, поступил в ремесленное училище.

Выдали ему там форму, и фуражку с молоточками выдали тоже. Учится он там со всеми, и никто не знает, кто он такой. И сам он тоже не знает, что наградили его орденом, ищут, ищут, а найти не могут. Он ведь, уходя в город, никому ничего не сказал. А когда не нашли, то прикололи этот орден на знамя комсомола...

Вот какой бы я написал конец,— очень тихо, вдруг смутившись, произнес Алеша.

Гайдар посадил мальчишку рядом. Обнял его за плечи. Леша сидел взъерошенный, возбужденный только что произнесенной речью и уважением, оказанным ему при всех настоящим писателем.

— Многим кажется,— вздохнув, сказал Гайдар,— что писатель волен распоряжаться судьбами своих героев, как

ему вздумается. И ошибаются, потому что люди в книгах должны поступать так, как они поступили бы в жизни. И случаться с ними должно то же, что случается в жизни. Иначе они перестанут быть живыми и в них никто не поверит.

Я понимаю, тебе хочется, чтобы Мальчиш остался жив. Скажу тебе, Леша, как другу: мне, когда я писал, тоже очень хотелось... Но если бы я приделал счастливый конец, ребята, которые прочли бы сказку, мне бы этой неправды не простили. И ты бы, верно, не простил тоже.

Мальчиш погиб. Но погиб героем. Он погиб за Родину. Пусть его смерть будет примером для живых...

КАК ГАЙДАР КРАСНОАРМЕЙЦЕВ ЧАЕМ НАПОИЛ

Аркадий Петрович зашел в редакцию газеты «Красная Армия», которая издавалась для войск Юго-Западного фронта. Находилась она в подвальном помещении, недалеко от Лавры.

В одной из комнат за столом сидел широкоплечий, всегда издали приметный поэт Александр Ильич Безыменский. Увидев Гайдара, он стремительно поднялся. Радостно обнялись.

— Очень хорошо, Аркадий, что мы с тобой увиделись. Я давно хотел рассказать тебе одну вещь,— начал Александр Ильич, по привычке закуривая.— Едем мы в теплушке в штаб фронта... Мы — это: Крымов, Розенфельд, Аврущенко и я. Добираемся до Проскурова. В дороге нас, как и положено, бомбят. А тут вся станция забита товарными, и состав наш застревает, и когда выберемся, никому на свете не известно.

— Знаю, проезжал,— кивнул Аркадий Петрович.

— И вот я обращаю внимание, что между составами снует целая армия мальчишек. Сколько их там было -- сто или триста,— я не берусь тебе сказать.

Они пробегали мимо нашего эшелона, пролезали под колесами. И не какие-нибудь там бездельники. Нет. А видно, что они заняты. Куда-то спешат. На что-то сердятся.

Бежит один — потный, в футболке, с галстуком. Подзываю его.

— Слушай, говорю, друг. Вас очень много здесь, мальчиков. А знаете ли вы, кто такой Гайдар?

— А как же,— отвечает он мне,— мы же тимуровцы.

— А что же вы, тимуровцы, делаете?

— Да вот кому что надо: если вещи перенести — вещи перенесем. В медпункт проводить — в медпункт проводим. А если объяснить что — объясним: и где военный комендант, и как к диспетчеру пройти...

— Молодцы,— говорю я ему.— Только почему же вы не обратили внимания, что здесь, на станции, нет кипятка? Ведь для солдата кипяток — первое дело. Солдат может обойтись без чего угодно, но без табака и кипятка он обойтись не может.

— Понимаю,— отвечает он мне. Отдает салют и бежит. И вижу, он уже собирает ребят и что-то им объясняет.

В Тернополь не попали. Сам понимаешь. (Гайдар кивнул.) Вернулись обратно в Проскуров. И что же ты думаешь?.. Куда ни посмотрю, везде бойцы, кто в чем, несут кипяток.

— Где, спрашиваю, брали?

— Да вон там, говорят. И там тоже. Одним словом, везде.

Так ты, Аркадий, в Проскурове всех горячим чаем напоил. И когда я увидел все это,— закончил Безыменский,— то решил: непременно расскажу другу моему, золотому человеку Аркаше.

«РАДИ ТАКИХ МИНУТ СТОИТ ЖИТЬ»

— А тут я приезжаю в Киев,— продолжал Александр Ильич, когда они вышли из редакции.— Жара сумасшедшая. Только-только до «Континенталя» добежать и под холодный душ там залезть.

Вижу — целая улица забита машинами и повозками. И всё раненые. Представляешь?.. Где-то образовалась пробка. Раненые оказались на самом солнцепеке, и отовсюду:

— Доктор, пить!..

От машины к машине, от повозки к повозке мечутся врачи, санитары с фляжками... Но что они, несколько человек, могут поделать, если от жажды изнемогают сотни и ко всем сразу не поспеть? Что?

И вдруг:

— Дяденьки! Кому водички? Дяденьки раненые, кому водички холодненькой испить?!

Гляжу — из переулков, из ворот, из подъездов несется мальчишня с ведрами, чайниками, с суповыми кастрюлями на веревочках, молочными бутылками. Они рассыпаются вдоль всей колонны и поят раненых свежей, из-под крана, водой.

И бойцы, потные, измученные, с повязками, лубками, иные даже голову не могут поднять, возвращают ребятам кружки и говорят им, брат Аркадий, такие слова...

От волнения Безыменский остановился и повернулся к Гайдару.

Глаза у Аркадия Петровича блестели. То ли очень ярко светило солнце. То ли еще отчего.

— Что же было дальше? — спросил Гайдар.

— А дальше я подозвал двух мальчишек с пустыми ведрами. Они мне объяснили, что в Киеве действует целая тимуровская организация.

И тогда я им сказал, что знаком с тобой, и обнадежил: если Гайдар появится в Киеве, то непременно с вами встретится. Взял у них адрес. Дал им свой. И велел, чтобы они ко мне наведывались.

— Это ты хорошо сделал,— сказал Аркадий Петрович.— С такими ребятами нужно встретиться.

Вечером двое связных постучали к Безыменскому.

— Не приехал? — безнадежно спросили они прямо с порога.

— Приехал! Приехал! — ответил Александр Ильич.

...Возвратясь из батальона Прудникова в гостиницу (вместе с батальоном Гайдар попал в окружение и лишь часа три назад, прорвав немецкую оборону, им удалось выйти к своим), Аркадий Петрович обнаружил, что у дверей его номера сидят какие-то мальчишки.

Заметив его в коридоре, они встревоженно пошептались, затем бросились ему навстречу и, перебивая от волнения друг друга, стали объяснять, что прислала их городская тимуровская команда и что все ребята очень-преочень хотят с ним встретиться...

— И товарищ Безыменский обещал, что вы с нами встретитесь,— на всякий случай сказал старший.

— Хорошо,— ответил Гайдар, всем по очереди на прощание пожимая руки,— мы с Александром Ильичом непременно у вас будем.

...Тимуровцы ждали писателей в пустом вестибюле кинотеатра «Смена», где был их штаб.

В огромном зале с натертыми полами и тяжелыми гардинами на окнах собралось человек пятьдесят.

— Нас мало сегодня,— сказал, извиняясь, Норик Гарцуненко — Тимур отряда.— Все в разгоне. Много очень работы. А утром получили еще особое задание от истребительного батальона... Конечно, ребята, которые посланы в наряд, будут жалеть... Но вы не думайте — мы им все расскажем...

— Еще как расскажем,— эхом подтвердили его товарищи.

Начали рассаживаться. Стулья были поставлены полукругом. И два — для гостей — отдельно.

Все это время ребята не сводили глаз с Гайдара — с его лица, ордена, трофейного, дулом вниз, автомата на плече.

Один мальчуган не удержался и осторожно, когда Аркадий Петрович проходил мимо, провел по его рукаву ладошкой.

Гайдар с начала встречи не проронил почти ни слова. Он был растроган не меньше ребят.

Наконец расселись. И в наступившей тишине отчетливо было слышно, как негромко звякнул, задев о пряжку сумки, автомат Аркадия Петровича, когда он стал снимать его, чтобы повесить на спинку стула.

Гайдар заговорил. Начал он, по обыкновению, немножко издалека — с того, что вот когда он писал повесть «Тимур и его команда», то в глубине души, конечно, надеялся: многие ребята, прочитав книгу, наверное, тоже захотят, чтобы и у них были свои команды. И все-таки он не думал, что они, тимуровцы, в первые же недели войны успеют столько сделать. И он не только рад — он горд сегодняшней встречей.

Пионеры, поначалу стеснявшиеся в его присутствии, радостно заерзали на стульях — это ведь не каждый день бывает, что тебя похвалит сам Гайдар.

— Когда ваши связные ждали меня в гостинице,— продолжал Аркадий Петрович,— я как раз только что вернулся с передовой. Я видел, как героически сражаются, защищая прекрасный ваш город, ваши отцы, ваши братья.

Но в свободную минуту, если такая выдается, они очень много думают и беспокоятся о своем доме, о своих семьях. И надо, чтобы вы за многими неотложными своими обязанностями и делами не позабыли, что забота о семьях ложится и на вас. И что от вашей заботы зависит спокойствие и уверенность бойцов там, в окопе.

А теперь рассказывайте, как вы тут,— закончил Аркадий Петрович.

Ребята переглянулись. Вскочили с мест. И заговорили все разом. Минуты две стоял такой гвалт, какой бывает в лагере, на реке, если целый отряд пускают сразу в воду.

Аркадий Петрович, слабея от смеха, замахал руками:

— По очереди, по очереди!..

Ребята поняли. Остановились. Тоже рассмеялись. И стали рассказывать по очереди.

Они говорили, что у них целых четыре звена. Первое как раз для помощи семьям красноармейцев и командиров, так что Аркадий Петрович может не беспокоиться — и звезды к заборам прибиты, и за малышами присмотр есть: целый тимуровский детский сад у них при штабе теперь имеется, и переписка с товарищами фронтовиками налажена.

Второе звено собирает деньги в фонд обороны (уже сдали в сберкассу тысячу рублей), металлический лом и подарки для бойцов, которые на передовой и которые раненые.

Третье — это разведка. Раньше командиром звена был Норик Гарцуненко. Потом его выбрали Тимуром. И звеном теперь командует Шуня Коган.

Последнее, четвертое, занимается школами, больницами, жилыми домами. Наших ребят все управхозы боятся. Особенно если на чердаках у них всякий хлам и мусор...

— А мы трех шпиёнов поймали,— не удержался мальчуган, тот самый, который незаметно гладил Гайдара по рукаву.— Одного фотографа. Тетку одну, которая с палочкой ходила и все притворялась, что слепая. И парня. Здорового. Почти дяденьку... А его прямо вот здесь, в кино поймали...

— Как же ты узнал, что они шпионы? — удивился Гайдар, поворачиваясь к мальчугану.

— Это не я,— печально вздохнул мальчуган.— Это вот они.— И он показал на старших ребят.

— Пусть Норик расскажет. Норик, расскажи...— подсказали с мест.

Норик поднялся. Было ему лет шестнадцать. И теперь, когда волнение первых минут встречи прошло, худощавое лицо его глядело спокойно и даже чуть сурово.

— Дежурили мы тут в кинотеатре,— начал он,— чтоб ребята хорошо себя вели, ногами во время сеанса не топали, семечки не грызли и малышей не обижали. А то хоть сейчас и война, а все равно многие не понимают и нарушают дисциплину.

Вижу — сидит в пятнадцатом ряду большой уже парень, настоящий битюг. А на голове у него фуражка без козырька. Как у нищего.

На втором сеансе — опять сидит.

Я понимаю, показывали бы «Чапаева» или «Мы — из Кронштадта». А то «Конек-горбунок». Чего, думаю, он там не видел? Как Иванушка-дурачок в кипящее молоко вниз головой ныряет?..

Тимуровцы засмеялись. Им нравилось, что командир хорошо рассказывает.

— Велел дежурным из третьего звена последить за ним. Прибегают — на экран, говорят, во время картины он даже и не глядит. На дверь все глядит.

Перед четвертым сеансом подошли к нему ребята и будто невзначай спросили:

— Ты, парень, откуда? Приезжий, что ли?

— А вам что за дело? — огрызнулся он и пересел на другой ряд.

Снова начался фильм. Как у нас было условлено, подкрался незаметно к нему Коля — а он немецкий знает дай бог — и на чистейшем шпрехен зи дойч шепчет этому, в фуражечке:

— Берегись, они тебя подозревают,— и бросается к двери, будто за ним гонятся.

Парень как рванет за ним...

— Тут вы его и схватили? — не удержался Гайдар.

— Нет,— смутился Норик,— упустили... Мы у дверей поставили ребят... Думали, он один — нас много. А он, оказывается, в гестаповской школе учился. Для шпионов. И он ребят наших расшвырял — и на улицу... Приемы у него такие специальные... Как джиу-джитсу. Здорово у него, гада, это получилось... Мы оглянуться не успели, а он уже выбежал. Мы за ним. Убежать-то, думаем, не убежит. А вот

схватить его как?.. И только он выскочил на улицу — налетел на лейтенанта (тот шел по Крещатику). А лейтенант как увидел его, так прямо от удивления закричал:

«Ты опять здесь?!»

Оказывается, его красноармейцы еще возле передовой задерживали. Но он плакал, и его жалели, отпускали.

А теперь в истребительном батальоне его обыскали. И фуражечку его осмотрели. Козырек, оказывается, был нарочно внутрь загнут, и на нем все секретные сведения записаны...

— А «слепая», про которую хлопчик говорил? — поинтересовался Безыменский.

— Она стояла прямо в центре, на перекрестке двух улиц, и торговала карандашами... Карандашей этих и в магазинах полно... Ну, думали люди, может, раз она слепая, то ей на жизнь теперь не хватает, а красноармеец какой — ему, положим, некогда по магазинам ходить,— он возьмет и купит. Только заметили ребята — район-то наш,— что сегодня у нее в руках два карандаша, завтра — три, а еще через день — четыре. А главное, меняются сочетания цветов...

Послал я Володю последить. Вернулся он мокрый до нитки. Дождь лил, а он все шел за ней, пока не узнал, где живет. Эта «слепая», только отошла она от угла, оглянулась по сторонам, «прозрела» и так зашагала по улицам, что он едва за ней поспевал...

— Фотографа мы возле Ботанического сада приметили,— рассказывал Алик.— Он будто бы снимает дом, а на самом деле объектив у него назад повернут, и он то, что за спиной у него, снимает. Мы говорим ему: «Вы зачем, это, дяденька, военный объект снимаете?» А он... Одним словом, откупиться хотел... Деньги совал. У него все сотнями... Угощение сулил. «Я, говорит, вас всех досыта шоколадом и пирожными накормлю. И домой еще дам...» Но мы его все равно доставили... Нам его фашистского шоколада не надо. Да и отравленный у него, наверно. Отец вон с фронта пишет, чтобы я ничего с земли не подымал. Немцы всякую отраву подбрасывают.

...Аркадий Петрович о многом спрашивал. Тут же что-то советовал. Снова спрашивал. И Безыменскому, который тихо, на цыпочках, отошел к распахнутому окну, чтобы покурить, и глянул со стороны на необычное это совещание, подумалось, что здесь собрались товарищи-единомышленники.

Часа через полтора писатели вышли на улицу. Аркадий Петрович, о чем-то думая, молчал. Затем негромко, вполголоса, произнес:

— Ну, Саша, друг, спасибо тебе. Я не знаю ничего светлее тех минут, когда неожиданно видишь, что успел что-то сделать на земле, что ребятня, которая выросла совсем в другое время, понимает величие того дела, которому мы отдали лучшие годы.

Ради таких минут стоило каторжно работать. Ради таких минут стоит жить.

* * *

9 августа в республиканской газете «Советская Украина» (она выходила в Киеве) под общим заголовком «Тысячи тимуровцев помогают своей стране одержать победу над подлым и хищным врагом» была напечатана целая полоса, посвященная деятельности героев-пионеров.

Здесь же были помещены «Странички из дневника» Норика Гарцуненко.

5 августа,— писал Норик.— *Большая радость. Вся команда взволнована. На линейку пришел писатель Аркадий Гайдар — автор «Тимура и его команды». Он только что вернулся с фронта. У него есть трофейный немецкий автомат. Как я ему завидую.*

В «Пионерской правде» печатается «Клятва Тимура». Это и о нас.

А рядом газета поместила обращение самого Гайдара.

Ребята!

Прошло меньше года с тех пор, как мною была написана повесть «Тимур и его команда».

Злобный враг напал на нашу страну. На тысячеверстном фронте героически сражается горячо любимая Красная Армия. Новые трудные задачи встали перед нашей страной, перед нашим народом. Все усилия народа направлены для помощи Красной Армии, для достижения основной задачи — разгрома врага.

Ребята, пионеры, славные тимуровцы! Окружите еще большим вниманием и заботой семьи бойцов, ушедших

на фронт. У вас у всех ловкие руки, зоркие глаза, быстрые ноги и умные головы. Работайте безустанно, помогая старшим. Выполняйте их поручения безоговорочно, безотказно и точно. Поднимайте на смех и окружайте презрением белоручек, лодырей и хулиганов, которые в этот час остались в стороне, болтаются без работы и мешают нашему общему священному делу.

Мчитесь стрелой, ползите змеей, летите птицей, предупреждая старших о появлении врагов — диверсантов, неприятельских разведчиков и парашютистов.

Если кому случится столкнуться с врагом — молчите или обманывайте его, показывайте ему не те, что надо, дороги. Следите за вражескими проходящими частями, смотрите: куда они пошли? какое у них оружие?

Родина о вас позаботилась, она вас учила, воспитывала, ласкала и часто даже баловала.

Пришел час доказать и вам, что вы ее бережете и любите. Не верьте шептунам, трусам и паникерам.

Что бы то ни было — нет и не может быть такой силы, которая сломала бы мощь нашего великого свободного народа. Победа обязательно будет за нами.

Пройдут годы. Вы станете взрослыми. И тогда в хороший час, после радостной мирной работы вы будете с гордостью вспоминать об этих грозных днях, когда вы не сидели сложа руки, а чем могли помогали своей стране одержать победу над хищным и подлым врагом.

Арк. Гайдар

ГЛАВА XIII

ПОЕДИНОК НА КРЕЩАТИКЕ

*Из рассказов бывшего фронтового оператора
Абрама Наумовича Козакова*

Возвращались мы с Гайдаром из госпиталя.

По радио только что передали отбой воздушной тревоги, и мы возвращались в «Континенталь» на моей «эмке».

Не знаю, как Гайдар, а я ехал домой, то есть в гостиницу, очень довольный. Дело в том, что ездить нам с ним было

не впервой: мы бывали и на позициях, и в штабах, где его, кстати, хорошо очень знали — и по книгам, и так.

Попадая всякий раз на передовую, я снимал и бойцов, и командиров, и технику, и линию укреплений (разумеется, что было можно), а снять Гайдара не удалось ни разу.

Он просто не позволял: отводил рукой аппарат и говорил одну и ту же фразу: «Нечего тратить на меня пленку — ее и так у тебя мало...»

И никакие мои рассуждения, что он такой же защитник Киева, как и другие, на него не действовали, а тут я его просто перехитрил.

Мы приехали с ним в госпиталь, и Гайдар стал беседовать с выздоравливающими бойцами. Аркадий Петрович каждого спросил, кто он, откуда, при каких обстоятельствах его задело (он не говорил «ранило» — именно «задело»), рассказал, как первый раз (он был тогда еще совсем мальчишкой) «задело» и его, да так «задело», что он слетел с лошади, и хотя случалось ему падать с лошади и до этого, тут он упал неудачно, а что упал он неудачно, обнаружилось много позже...

Бойцы слушали его внимательно. Во время разговора подошли тимуровцы. Девочки принесли цветы. У них, я догадался, была подготовлена художественная программа, но никто, конечно, не прерывал беседы. Просто ребята плотным кольцом окружили Гайдара и выздоравливающих и стали слушать тоже.

Пользуясь удобным моментом, я вынул из футляра камеру и нажал спуск.

Я отснял уже несколько планов: Гайдар — крупно; Гайдар в окружении ребят и раненых; ребята и раненые внимательно слушают Гайдара, когда завыли сирены.

Я боялся, что другой такой возможности снять Аркадия Петровича мне уже не представится, и хотел на всякий случай сделать еще один-два дубля, тем более что никто не трогался с места. И даже медсестры, которые выбежали, чтобы помочь раненым, остановились в небольшом отдалении, выжидая, пока я закончу.

Но Гайдар движением руки велел убрать аппарат, потому что раненым нужно было в укрытие. И ребятам тоже.

И теперь, когда мы ехали в «эмке», я думал, что и раньше, на передовой, нужно было сделать то же самое — снять

его незаметно, и все; и еще я думал, что излишняя деликатность в нашей профессии порою просто вредит делу.

У площади Калинина водитель сказал, что ему надо подскочить к Софийскому собору заправиться.

Нам с Гайдаром в ту сторону ехать не захотелось, и мы пошли по Крещатику пешком, благо тут уже было близко.

На Крещатике шла почти довоенная жизнь: катили автобусы и даже троллейбусы, из магазинов и центрального универмага выходили покупатели и вообще на улице было полно всякой публики. Повсюду висели рекламы старых, давно полюбившихся фильмов, которые снова выпустили на экраны.

И только плакаты «Болтун — находка для врага», да закрытые мешками с песком окна первых этажей, да зашитые досками витрины и заклеенные беленькими бумажками стекла, да еще непрерывный гул артиллерийской канонады напоминали о том, что передовая рядом...

Мы уже находились недалеко от улицы Карла Маркса, когда заметили, что люди впереди нас почему-то стали испуганно пятиться и вдруг кинулись врассыпную: кто через дорогу, кто в ближайшее парадное, а какая-то женщина чуть не сбила Гайдара с ног.

Сколько-то времени в этой панике и суете, сопровождавшейся криками, вообще ничего нельзя было разобрать, пока тротуар перед нами немного не расчистился и мы не поняли всё сами.

Метрах в двадцати пяти от нас, качаясь и едва удерживаясь на ногах, стоял молодой парень-сержант и сжимал в руке наган.

Сержант наводил наган то на одного, то на другого прохожего и весело хохотал, даже слегка приседая от смеха, когда видел, что люди пугаются и бегут куда попало, и крикнул даже двум или трем вдогонку: «Улю-лю-лю!..»

Если кто на бегу оборачивался, пьяный тут же делал зверское лицо и вскидывал наган, словно собираясь стрелять, а когда вокруг него образовалась наконец пустота, с довольным видом огляделся.

Сзади, и слева, и справа от него не было ни души. Только на другой стороне улицы, будто на пожаре, стояли люди, которым хотелось посмотреть, что будет дальше.

Были среди них и военные.

Одни, возможно, здесь, в Киеве, служили, другие, наверно, прибыли на два-три часа сюда, в тыл, с передовой (все-таки по сравнению с передовой Киев был глубоким тылом).

Эти люди, особенно которые с передовой, каждый день видели смерть, в город приехали по делам или чтобы немного отдохнуть, и никому, поверьте, никому не хотелось рисковать собой, чтобы здесь, на Крещатике, где еще ходят троллейбусы и висят рекламы любимых кинокартин, умереть от пьяной пули.

Я почему знаю — мне тоже не хотелось.

И я так думаю, что и Гайдару не хотелось.

Но, когда мы остались на тротуаре вдвоем и нам уже некуда деваться и поздно бежать, Гайдар пошел этому сержанту навстречу.

У Гайдара тоже был револьвер, если не ошибаюсь, немецкий парабеллум, но он пошел навстречу пьяному прогулочным, спокойным шагом, не думая даже доставать оружие из кобуры, потому что, если бы сержант заметил, что Гайдар прикасается к кобуре, сержант мог бы выстрелить первым и опередить его было бы невозможно.

И Гайдару в этом положении оставалось одно — идти навстречу.

И он неторопливо шел.

Пьяный заметил, что Гайдар идет ему навстречу и недовольно нахмурился.

Он выставил левую руку локтем вперед, положил на нее, как артист Абрикосов в картине «Высокая награда», свой наган и стал водить длинным стволом, целясь Гайдару прямо в голову.

Вокруг все замерло.

Мне, например, теперь кажется, что на Крещатике остановилось движение. Во всяком случае, стало необыкновенно тихо, потому что любой шум или просто звук мог спугнуть пьяного и раздался бы выстрел, которого все так боялись и против воли своей ждали.

Оставалось метров десять.

Гайдар продолжал идти — все так же прямо, все так же спокойно.

— Не подходи!.. Застрелю!..— крикнул пьяный. Он почему-то начинал нервничать.

Гайдар молча продолжал идти. В воздухе стоял только мягкий стук его каблуков, как будто была ночь и кто-то возвращался домой пустынной улицей.

Сержант уже не улыбался. Он напряженно, исподлобья смотрел на Гайдара,— возможно, по-хмельному обидевшись, что нашелся человек, который его не испугался.

Сержант уже не паясничал. Он вытянул руку с наганом прямо перед собой.

— Не подходи!..— крикнул он с угрозой.

Я видел теперь только спину Гайдара. Она была прямой, словно ему ровным счетом ничто не угрожало, и он продолжал идти, и только на его поясе сзади вздрагивала при каждом шаге темная, застегнутая на ремешок трофейная кобура.

Между ними оставалось метра четыре, когда Гайдар слегка пригнулся, прыгнул вперед и сильным ударом справа вышиб из руки сержанта наган, который тут же шлепнулся на асфальт.

Сержант потерял равновесие и, закачавшись, сел на панель.

Гайдар сделал несколько шагов, нагнулся, поднял наган, положил его к себе в карман галифе и пошел дальше, к гостинице.

И пока сержант, бранясь, пытался подняться, я нагнал Гайдара.

Лицо у него было совершенно белым, и он часто, как после долгого бега, дышал.

Отовсюду, будто кончилась тревога, стали появляться люди, но к нам они приблизиться боялись, и поэтому вокруг нас еще некоторое время сохранялась пустота.

Сзади послышались неровные, спотыкающиеся шаги.

Наклонив корпус вперед и петляя из стороны в сторону, за нами бежал сержант.

— Эй ты, не балуй, отдай пушку!..— крикнул он Гайдару.

Гайдар не повернул головы.

Сержант обошел его с правой стороны — приблизиться совсем он, видимо, не решался.

— Послушай, товарищ, отдай!..

За потерю оружия, да еще при таких обстоятельствах, полагался трибунал и штрафная рота.

Мы свернули с Гайдаром на улицу Карла Маркса.

— Как человека тебя прошу!..— неслось за нашей спиной.

Голос делался все неувереннее и тише. Он уже не грозил и даже не просил — он упрашивал.

Гайдар не оборачивался, словно относилось это совсем даже не к нему.

Сержант замолчал, и только по шагам его, которые я ощущал всей своей кожей, мы знали, что он идет за нами.

У подъезда «Континенталя» Гайдар остановился и обернулся. Я тоже.

Перед нами стоял измученный, истерзанный, абсолютно трезвый человек, который успел пережить уже всё: трибунал, позор разжалования и горе близких, где-то ждавших его с победой...

И по тому, как он исподлобья смотрел на Гайдара, было видно, что он понимал, от чего только что спас его этот рядовой с орденом, но не знал, что рядовой предпримет дальше.

И Гайдар понял, что он понял, и, вынув из кармана брюк наган — еще совсем новый и от новизны своей почти синий,— щелкнул скобкой у барабана, вытряс в ладонь все патроны и, держа за ствол, протянул сержанту.

Сержант схватил наган огромными своими ручищами, а Гайдар вошел в подъезд.

На втором этаже он простился со мной, и мы разошлись.

Из окна своего номера я время от времени выглядывал на улицу — сержант стоял у подъезда. А когда я выглянул в последний раз, то увидел, как он медленно бредет вниз, к Крещатику.

О чем он думал, неизвестно...

ЗАТЕРЯННЫЙ РОЛИК

Через три дня в тяжелом состоянии я был доставлен в госпиталь. Все мои кассеты — а их набралось немало — товарищи без меня отослали в Москву, но никто из них не знал, а потому в сопроводительном письме и не пометил, что в одном из эпизодов снят писатель Аркадий Гайдар.

И вот четверть века лежит где-то в киноархивах, среди миллионов метров пленки, присланной фронтовыми операторами, маленький безымянный ролик...

Совсем недавно вместе со старейшим работником Центральной студии документальных фильмов Кириллом Владимировичем Аксютиным мы предприняли поиск этого ролика.

Просмотрев каталоги и многие ленты военных лет, мы обнаружили, что снятые мною в Киеве материалы вошли в «Союзкиножурнал» № 66-67 и в «Союзкиножурнал» № 86.

К сожалению, пока не удалось установить, вошел ли в эти выпуски и тот сюжет, где Гайдар беседует с выздоравливающими бойцами в окружении тимуровцев, поскольку в московских киноархивах имеется только первая часть «Союзкиножурнала» № 66-67, а № 86 сохранился лишь в дефектной копии.

Может, эти киножурналы отыщутся в фильмотеках других городов?..

ГЛАВА XIV

НЕОТПРАВЛЕННОЕ ПИСЬМО

...Под кирпичами, ты знаешь где, я спрятал сумку, печать и записку про тебя. Отдай красным, когда бы ни пришли.

Аркадий Гайдар, «Р.В.С.»

На большом аэродроме в Броварах стояло два последних самолета. Ольхович подрулил к ним сколько мог и выключил зажигание.

Гайдар вышел из кабины. Михаил Котов и Владимир Лясковский легко перемахнули через борт и мягко спрыгнули на укатанную землю.

— Вот, Саша, я и улетаю,— сказал Котов Ольховичу.

Стали прощаться. Потом тяжелая дверца самолета захлопнулась. Вздрогнули и слились в прозрачный диск винты.

Аркадий Петрович не отрываясь смотрел, как набирала высоту и разворачивалась, беря курс на Москву, тяжелая машина.

— Вот так, Саша,— произнес он,— и остались мы с тобой одни.

В гостинице выяснилось, что номер Аркадия Петровича занят. Кто-то сказал, что он улетел тоже. Гайдар обиделся. Во всяком случае, от другой комнаты отказался и пошел ночевать к Ольховичу.

Сашина мать их накормила. Приготовила постель. Но Гайдар не ложился. Ходил по комнате. Трогал и осторожно ставил на место вещи: рамки с фотографиями, ножницы, стеклянные безделки. Потом сел за стол. Приподнял, чтоб не испачкать, скатерть.

Стал писать.

Писал долго. Неожиданно сказал:

— Дай, Саша, прочту. Это Тимуру.

Письмо было грустное: полное раздумий, заботы и скрытой тревоги. Но особенно поразил Сашу конец: «По всей вероятности, в ближайшие дни нам придется Киев оставить. Но я обещаю тебе, что рано или поздно мы сюда вернемся опять. И тогда с тобою встретимся».

— Хорошее письмо,— похвалил Ольхович.

Гайдар сложил листки. Достал из сумки свою фотографию. Он был снят в гимнастерке, с наганом на поясе. Вложил все в конверт. Заклеил. Четко вывел адрес.

— Если мы отступим,— сказал Аркадий Петрович Сашиной матери,— то вы это спрячьте. А когда придут наши,— отошлите, пожалуйста, сыну. Адрес тут есть.

Женщина не поняла.

— Если Аркадий Петрович больше в Киев не вернется,— объяснил Саша,— вы, мама, когда разобьют немцев, отошлите это письмо в Москву.

Мать взяла письмо и заплакала.

Затем опустилась к небольшому сундуку на полу — в нем издавна хранились семейные документы — и спрятала синий конверт для Тимура.

Утром отправились в гостиницу: там, во дворе, они оставили машину.

На улице Энгельса, у театральной тумбы, обогнали женщину с тяжелой хозяйственной сумкой. Рядом с ней, держась за сумку и стараясь не отставать, шагал малыш лет пяти. Гайдар взял его на руки и сказал:

— Смотри, Саша, вылитый Тимур, когда был таким,— и осторожно поставил мальчика на землю.

Тот вдруг испугался и бросился к маме.

* * *

— Какова же дальнейшая судьба этого письма? — спросил я Александра Куприяновича.

— Наверное, и сейчас в сундучке лежит. Я, признаться, о нем просто забыл. Теперь только и вспомнил.

— А как бы сундучок этот... поискать?

— А зачем его искать? Он и сейчас у матери стоит.

— А маму вашу повидать... можно?

— Хоть сию минуту. Это ж рядом. Она где жила, там и живет. И комнату посмотрите заодно. Наверное, вам это для работы нужно.

Ольхович повел меня теми же улицами и переулками, которыми — ровно двадцать два года назад — вел Гайдара.

Тогда тоже стоял сентябрь и тоже, как и теперь, каштаны роняли гладкие темно-коричневые плоды. Их тут же подбирали мальчишки.

Я не удержался и поднял один.

— Мама,— спросил Ольхович, когда мы пришли,— помните писателя Гайдара? Во время войны он приходил к нам еще ночевать... Я тогда шофером работал, журналистов возил.

Женщина задумалась. Когда тебе восьмой десяток, вспоминать трудно.

— Разве, Сашенька, всех упомнишь? — произнесла она наконец.

— Но он письмо оставлял, мама. Для сына своего.

— А вы, простите, сын будете? — не то обрадовалась, не то встревожилась женщина.

— Нет, не сын.

— Письмо?..— переспросила она.— Да, правильно, было письмо. Помню.

— Где же оно, мама?..

— Я его вот сюда положила,— и она показала куда.

У стены, на полу, стоял маленький, аккуратный сундучок.

— Оно там? — спросил Ольхович, счастливо улыбаясь и глядя на крышку без замка, которую только нужно было откинуть.

— Я ж тебе, Саша, говорила. Угнали меня тогда на работу. А когда вернулась — все разорено. Сундучок перевер-

нут и пуст. Печку, что ли, они, ироды, теми бумагами топили...

Мною овладело то странное чувство, которое впервые пришло в хате Степанцов: та же комната, те же вещи, те же люди, что были при Гайдаре.

Нет лишь самого Гайдара.

И письма тоже.

ГЛАВА XV

ЖИВОЕ ШОССЕ

В гостинице узнали: получен приказ оставить Киев. Аркадий Петрович спустился во двор передать Ольховичу, чтоб готовил машину.

— Машина готова,— ответил Саша.

Полуторка медленно катила по убранным, политым с утра улицам. Ехать быстрее было стыдно. Хотя в любую минуту, как объяснили Гайдару, могли появиться немецкие танки.

Ветер разносил дым затухающих костров: горели документы учреждений — горы бумаг, которые нельзя было вывезти. Суетились саперы. Спешили беженцы: с чемоданами, самодельными заплечными мешками; сквозь тонкое полотно выпирали острые ребра сухарей. Щемящим укором полны были взгляды тех, кто никуда не спешил. Полуторка несколько раз, пока не набился полный кузов, останавливалась.

В стороне блеснула золотом куполов Лавра. И горько, очень горько было всем, кто стоял и сидел в машине.

Но только близ Цепного моста, к которому устремились и отступающие части и беженцы, а затем и на шоссе, что вело к Борисполю, можно было представить подлинные размеры катастрофы.

Шоссе, насколько хватал глаз, было живым. В изменчивом, движущемся потоке слились беженцы, автомашины с контейнерами, пехотинцы, орудия на конной тяге, санитарные фургоны, дети из пионерских лагерей, тачанки, автобусы с радиостанциями, легковые автомобили, возы с мебелью, самоварами, узлами.

На самой вершине этих возов, крепко держась за веревку и озирая испуганными глазами все вокруг, сидели и лежали дети.

Все это с гудением, бренчанием, плачем, окриками, шорохом, треском, стуком безостановочно двигалось вперед.

Живое шоссе медленно уходило от еще не видимой, но как бы в самом воздухе ощущаемой опасности. Такое бывает перед грозой: еще не слышно раскатов, не видно молний, но все живое чувствует: вот-вот грянет.

Люди двигались теперь не только по шоссе, но и по его обочинам, в тщетной надежде обогнать бесконечную колонну. Казалось, у них нет сейчас иного желания, кроме одного — вперед, без еды, без питья, по жаре и в духоте, но только вперед.

Внезапно колонна остановилась.

Время шло. Шоссе не трогалось.

— Посмотрю, что там,— сказал Аркадий Петрович.

Беженцы тоже покинули машину. Ольхович остался совсем один.

У полуторки вырос человек—в гражданском, с винтовкой.

— Чья машина? — спросил он.

— Военных корреспондентов.

— Документы есть?

— Есть.— Проверил и тоже исчез.

Наконец колонна тронулась, но Ольхович остался, подогнав грузовик к самой канаве, чтобы не мешать движению. Когда началась бомбежка, спрятался в воронке. Затем снова вернулся. Гайдара не было.

Саша подумал. Достал из кузова бочонок. Плеснул из него на мотор и кабину. Чиркнул спичку, отбежал. Пламя объяло машину.

Вынул из кармана наган — все, что у него теперь оставалось.

...Как-то встретили с Аркадием Петровичем трехтонку с пленными. Сопровождал ее лейтенант с медалью «За боевые заслуги» и двое бойцов.

Кивнув в сторону немецких солдат, что настороженно сидели в кузове, Гайдар спросил лейтенанта, где сдались.

Тот объяснил, а потом неожиданно пожаловался, что ему, командиру боевого взвода, приказано доставить пленных в штаб фронта. А у него от злости на них руки дрожат, по-

тому что в том же селе, за день до боя, немцы политрука нашего пытали. Всего, словно чучело какое, штыком искололи... А теперь вези их в штаб и пальцем тронуть не смей, не то трибунал и штрафная рота...

Гайдар слушал, понимающе кивал и записывал.

И лейтенант, растроганный тем, что встретился ему прямо на дороге душевный человек, который так искренне посочувствовал, снял вдруг с пояса своего парабеллум и благодарно протянул вместе с запасной обоймой Гайдару.

— Возьмите, пригодится,— сказал лейтенант.— Машинка хорошая. Что-что, а это они делать умеют.

Аркадий Петрович поблагодарил и взял. А в кабине полуторки, когда снова тронулись, произнес:

— Нá тебе, Саша, мой наган.— И потом добавил: — Если достанешь нож, то я тебе на память даже кое-что вырежу.

Ольхович достал. И вот теперь он стоял с наганом в руке. На деревянных щечках рукоятки, с обеих сторон, было вырезано: «Гайдар».

Аркадий Петрович вернулся к тому месту, где оставил Ольховича, вечером. У края дороги темнела полуобгоревшая полуторка. Гайдар узнал ее только по номеру.

Случилось это 18 сентября.

ГЛАВА XVI

СЮЖЕТНЫЙ ПОВОРОТ

Эта книга была уже написана, то есть все факты изложены, главы расставлены, основные эпизоды еще раз проверены, когда в редакции «Юности» мне передали письмо.

Оно было с Украины. Подпись: Е. Белоконев... Евгений Белоконев...

Фамилию эту я знал. Мне ее называли. Однако после войны Белоконева никто не встречал, и молчаливо считалось, что его нет.

Читаю письмо...

И еще одна ошеломляющая новость: Евгений Федорович виделся с Гайдаром в Киеве девятнадцатого или двадцатого сентября.

Белоконев был комиссаром и представителем Военного совета Юго-Западного фронта на киевских переправах. И с Аркадием Петровичем они познакомились у Цепного моста.

Пишу Белоконеву. Спрашиваю, правильно ли я его понял, что с Гайдаром они впервые виделись после того, как город был оставлен.

«Да, вы поняли меня правильно»,— ответил Евгений Федорович.

Но Ольхович говорил, что из Киева они выехали восемнадцатого сентября, миновали Цепной мост, добрались до Борисполя, и только здесь Ольхович потерял Аркадия Петровича из виду. То же самое утверждал и Борис Абрамович Абрамов из «Красной Звезды», который вместе с Гайдаром покидал город, только на своей «эмке».

Как же Аркадий Петрович снова очутился в Киеве, у последней, не взорванной еще переправы, соединявшей окруженный, опустевший город с другим берегом?

Как?!

Очень просто — Гайдар вернулся.

ГЛАВА XVII

ГАЙДАР УХОДИТ ПОСЛЕДНИМ

— Ну,— сказал он, вскакивая на коня,— не поминайте лихом, товарищи. Жив буду, вернусь через два часа.

Аркадий Гайдар,
«У белых»

Взрыв переправ был подготовлен давно: в первые недели обороны города, когда гитлеровцы рвались к мостам, понимая, что захват любого из них ускорит и захват Киева.

Никто из защитников столицы Украины еще не знал, что пройдет сравнительно немного времени и фашистский генерал Бутлар признается: на подступах к древнему Киеву немцы потеряли те «несколько недель», которые были им

нужны «для подготовки и проведения наступления на Москву». А начальник Генерального штаба гитлеровских сухопутных войск Гальдер назовет сражение у стен этого города «величайшей стратегической ошибкой в восточном походе».

А пока что, пропустив отступающие части, взлетели в воздух переправа близ урочища Наталка, Дарницкий и Петровский железнодорожные мосты, деревянный Наводницкий. Оставался последний, Цепной, для войск прикрытия и гражданского населения, которое оставляло город вслед за армией.

Под каждой опорой моста было заложено по тонне взрывчатки. Замаскированные, тянулись к фугасам тонкие нити проводов.

Те же саперы, которые после каждой бомбардировки терпеливо заделывали пробоины в настиле и очищали его от разбитых телег, отвечали теперь за то, чтобы мост в нужную минуту был уничтожен.

Уже не было заторов и пробок. Не слышалось безостановочного рева перегретых моторов, гудения клаксонов, лошадиного ржания, криков, треска, стука — этих печальных звуков отступления.

Лишь изредка со стороны города появлялся грузовик, иногда легковая машина. Они проносились на большой скорости. И брели по двое, по трое наши бойцы. И беженцев тоже становилось все меньше.

Наступила та странная, полная тревожных ожиданий пора, когда город был уже оставлен, а противник, опасаясь ловушки, все еще не решался в него войти, памятуя, какими ударами встречал его Киев, стоило только к нему приблизиться.

В это самое время близ моста и появился человек, который сразу привлек к себе внимание.

Он был в гимнастерке и пилотке. С пистолетом на поясе, полевой сумкой в руке. Ни в том, как он был одет, ни в его походке не было ничего странного, если не считать одного обстоятельства: человек шел не из Киева. Человек направлялся в Киев.

Его задержали. Проверили документы. Проводили на командный пункт.

Это был Гайдар.

На командном пункте он нашел начальника переправ, полковника Match Кознова, и старшего политрука, по фамилии Белоконев. Аркадий Петрович попросил у них разрешения остаться на переправе, обещав, что уйдет, когда все уйдут.

— Оставайтесь,— ответили ему командиры и вернулись к своему разговору.

Суть его сводилась к тому, что связь со штабом фронта прервалась. В последнем полученном приказе говорилось: с отходом наших войск уничтожить мост. К взрыву все было готово. И даже вторая, дублирующая нитка проводов на всякий случай протянута тоже. Поворот рукоятки подрывной станции — и переправы нет.

Но как знать, когда эту рукоятку повернуть?.. Что, если окажется: на окраине идет бой и там дерется наш полк, уверенный, что до последней минуты их будут ждать саперы? А когда бойцы, отстреливаясь на ходу и неся раненых товарищей, приблизятся к Днепру, то увидят, что моста нет, потому что саперы, по которым никто не стрелял и которых никто не бомбил (теперь уже немцы берегли мост для себя), поторопились повернуть рукоятку?..

С другой стороны, в любой момент могут появиться немецкие танки. Мост, он, положим, все равно взлетит. Но вот саперный взвод... Куда денется взвод?

Сошлись на том, что нечего ждать приказа, которого, по всей видимости, уже и не будет, а просто нужно послать в город своего разведчика.

Но кого?..

Сами они пойти не могли. Саперы, их было десятка полтора, охраняли мост, подрывную станцию и автомашины. Круглые сутки находились они в состоянии полной боевой готовности. Каждый отвечал за свой участок. И получалось, что послать некого.

— Разрешите мне,— произнес вдруг Гайдар.

— То есть что именно? — недоуменно переспросил его начальник переправ.

— Пойти в Киев. Делать-то мне все равно ведь нечего.

Начальник переправ достал портсигар. Вынул папиросу. Долго стучал ею по крышке. Наконец закурил.

— Будь вы боец какой-нибудь соседней части, мы бы с благодарностью вас послали,— ответил он.— Откровенно говоря, только вы и могли бы нас теперь выручить... Но вы

не боец... Вы писатель... Представитель центральной прессы... И рисковать вами мы не имеем права... Нам его никто не давал.

— Я и прошусь не как боец, а как писатель,— сказал Аркадий Петрович.— Иначе я потом никогда себе не прощу, что упустил возможность побывать в Киеве перед самым вступлением в него немцев... А заодно разведаю обстановку.

— Если вы пойдете, мы вас, конечно, подождем,— сказал начальник переправ.— Но ведь может случиться и такое: только вы ушли — с тыла ударят танки...

— Понимаю... Но ведь другого выхода сейчас нет?

— Другого выхода нет.

— Я пошел собираться.

Гайдар принес шинель, запасные обоймы к «ТТ» и несколько лимонок.

Гранаты и обоймы разложил по карманам брюк. Достал из кобуры, проверил и опустил в карман шинели пистолет. Затем раскрыл и вынул из своей сумки три тетради. Две сунул в широкие голенища своих сапог. Третью спрятал, как мальчишки прячут, под гимнастерку за пояс.

— Я готов,— сказал Гайдар.

— Подойдите, пожалуйста, сюда,— попросил его Белоконев и развернул карту.— Вот наш мост. Если придется его взорвать, то здесь, в северной части города, вас будет ждать катер... Один катер у нас еще остался.

— На всякий случай простимся,— ответил Гайдар. И трое почти незнакомых людей обнялись.— Если все-таки я не вернусь... ни сюда... ни к тому месту, где будет ждать катер, доложите при случае в Москву, что я остался в Киеве.

И он вышел. С КП видели: по мосту, а потом по дороге быстро шагал человек.

Прошел час... Два... Четыре... Шесть...

Гайдар не появлялся.

Совсем стемнело. Там, за рекой, неизвестной теперь жизнью жил полупустой город. И в долгом отсутствии Гайдара мерещилось что-то тревожное и недоброе.

И если поначалу весь маленький гарнизон моста с нарастающим нетерпением ждал его прихода, то сейчас вера в то, что ему удастся вернуться, становилась все слабей...

Гайдар вынырнул из темноты в нескольких метрах от дозорного, охранявшего мост. Шинель на нем была распахнута.

И хотя он устал и заметно было, как осунулось его лицо, выглядел он бодрым и даже довольным.

— Наших в городе нет,— доложил Гайдар, переступив порог командного пункта. Он подошел к столу, где лежала карта.— Я был вот здесь, в Голосеевском лесу, потом прошел сюда, сюда и сюда... Везде окопы наши пусты. Спрашивал всех, кого встретил. Наших, отвечают, нет. Ушли... Немцы не появлялись пока тоже... Так что...

— Так что,— заключил начальник переправ,— можно взрывать.

— Так что,— повторил Гайдар,— можно взрывать...

Аркадий Петрович снял шинель. Сел на лавку. Больше всего ему хотелось сейчас уснуть.

* * *

Гайдар был одним из последних наших солдат, покидавших Киев. Каким он увидел этот любимый им с детства город, как выглядели люди, которых он встречал, о чем они его спрашивали, о чем просили, может быть, думая, что это разведчик возвращающихся наших частей, что отвечал и что обещал он им,— поведать об этом могут только тетради Гайдара, в которых он записывал, которым доверял все, что узнал в те трагические дни...

* * *

Взрыв был назначен на утро. На рассвете к мосту опять потянулись беженцы.

— Немцы! — повторяли они.

Переправа снова опустела. Командиры долго всматривались в бинокль, не спешит ли к мосту на другом берегу кто еще. Никого не было. Бойцы, в последний раз проверив, всё ли в порядке, отошли в укрытие.

Начальник переправ повернул рукоятку. Но этого уже никто не видел. Все смотрели в сторону реки. Громадный, дотоле недвижный мост вдруг, будто от боли, вздрогнул. Настил и фермы его медленно приподнялись, как приподнимается живая грудь, замерли и затем бессильно опустились вниз, в Днепр.

Взрыв длился доли секунды. Но для тех, кто его наблю-

дал, время словно остановилось, настолько отчетливо они видели, как умирал мост.

Когда обломки уже рухнули в воду, до саперов долетел дробный грохот оживших фугасов. Все были потрясены этим грандиозным и трагическим зрелищем.

Молча сели в машины. Гайдар ехал в легковой. За ней следовал грузовик с красноармейцами. Бойцы беспрестанно оглядывались назад. Так оглядывается человек, который только что оставил дом и не знает, скоро ли он в него вернется.

Но никто не догадывался, что Гайдару в эту минуту тяжелее вдвойне: он за свой короткий век оставлял город второй раз...

Впервые это было в гражданскую.

ГЛАВА XVIII

«МЫ ОПЯТЬ ЗДЕСЬ БУДЕМ!»

Август в 1919 году выдался жарким. С утра и до вечерней зари нещадно палило солнце, выматывая последние силы.

Пятый день, переменив уже пятую позицию, дралась «Железная бригада» курсантов — последний заслон на пути белых к Киеву.

Уже замолчали на флангах пулеметы. Уже не слышно стало последней батареи, уже, заглушив на мгновение всё, ахнул необъятным облаком пара бесстрашный, пойманный в ловушку белыми бронепоезд.

А курсанты дрались. Немало их, в новых командирских гимнастерках, полегло, немало, томясь от жары и боли, металось на тряских телегах и стонало в беспамятстве в случайных избах.

Все тоньше вытягивалась линия обороны, пока и ее не прорвал белый кавалерийский эскадрон. Оставалось одно — отойти.

Приказ Подвойского — любой ценой задержать Петлюру — был выполнен. Время, необходимое для эвакуации города, выиграно. Большего никто не требовал.

Но Аркадий Голиков, вступая с остатками шестой своей роты на окраину Киева, испытывал острую тоску.

Чем ближе был центр, тем чаще встречался торопящийся народ — беженцы, в основном бедняки, мелкие ремесленники, рабочие, которые не ждали ничего хорошего от Петлюры.

Остатки роты двигались не останавливаясь. Вот и бывшая обитель курсов. Молчал черными пятнами распахнутых окон покинутый корпус. С чердаков изредка раздавались трусливые выстрелы по отступающим. Бухали колокола — где тревожным набатом, где праздничным перезвоном.

Голиков с товарищами переправлялся по Цепному мосту. Люди текли по нему сплошной рекой, тесно прижавшись друг к другу...

Красноармейцы миновали слободку и свернули в лес. Было совсем темно. Сотни груженых подвод тащились по дороге. Повсюду, спотыкаясь, брели беженцы, курсанты, красноармейцы. Многие дремали на ходу.

Голиков с бойцами своей роты остановился на высоком лесистом бугре, всматриваясь в сторону Киева.

— Ну, прощай, Украина! — сказал один.

— Прощай! — эхом повторили товарищи.

— Мы опять здесь будем!

— Будем!..

«Точно последний, прощальный салют уходящим, ослепительно ярким блеском вдруг вспыхнуло небо. Потом могучий гул, точно залп сотен орудий, прокатился далеко по окрестностям. Еще и еще...

Это рвались пороховые погреба оставленного города», — так писал об этом трагическом дне 1919 года в своей повести «В дни поражений и побед» Аркадий Гайдар.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

В *тылу врага*

ГЛАВА XIX

АБРАМОВ ИЗ «КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ»

О «Континентале», его суматошном и суровом быте, об отступлении из Киева мне впервые рассказал Борис Абрамович Абрамов, бывший специальный корреспондент «Красной звезды».

Телефон его разыскала и сообщила Лия Лазаревна Соломянская. Но Абрамов долгое время не мог меня принять: сердечные приступы случались с ним почти ежедневно, а разговор о сорок первом годе требовал сил, и немалых.

Наконец, когда я позвонил Абрамову в очередной раз, он решительно сказал: «Давайте приезжайте... *Это* может повторяться без конца, а вам надо работать...»

— Довелось мне бывать с Аркадием и на передовой,— вспоминал Борис Абрамович,— и я никогда не забуду испуга на лицах мальчиков-лейтенантов, разумеется, недавних его читателей, когда они видели, что Гайдар норовит попасть туда, где всего опасней.

— Аркадий Петрович, пожалуйста, не надо,— упрашивали они его.

— Есть, есть,— шутливо брал он под козырек своей каски. И в самом деле больше под огонь не лез. Разумеется, до следующего раза.

Но это не было бравадой, смею вас уверить... Понимаете, в нем чувствовался профессиональный военный, опытный,

бывалый командир. И потому отношение к происходящему у него тоже было особое, командирское.

И в самое пекло он порой лез, чтобы увидеть интересное, может быть, ему одному. У меня сейчас такое ощущение, что Аркадий там, в окопах, что-то все время для себя решал...

— А вы знали полковника Орлова? — спрашиваю Абрамова напоследок.— Существует мнение, что из Киева Аркадий Петрович выходил с его группой...

— Я вам уже рассказывал, что восемнадцатого сентября Гайдар выехал из Киева вместе с нами. Потом мы с ним потерялись под Борисполем. Что касается Орлова, то лично я его не встречал. Аркадий мне тоже ничего не говорил. Может, они встретились после? Во всяком случае, тут я вам помочь уже не могу.

...Мы расстаемся с Борисом Абрамовичем друзьями. Уславливаемся о новых встречах.

А в январе 1964 года звоню по телефону, и мне вдруг говорят: «Абрамов скончался...»

ГЛАВА XX

ЗАБЫТОЕ ПИСЬМО

Снова ищу... В небольшом кабинете с двумя непрестанно звонящими телефонами перебираю копии писем о Гайдаре, присланных в Союз писателей.

И вдруг... Что это?!

Правлению Союза писателей СССР. Нет сомнения,— читаю я,— *что в Союзе советских писателей СССР есть люди, проявляющие большой интерес к жизни и деятельности, в особенности к последним дням жизни писателя Аркадия Гайдара.*

Мне кажется, что период со второй половины сентября... 1941 года мало известен тем, кто пишет о Гайдаре... А поэтому... если это представляет интерес, то краткие сведения об Аркадии Гайдаре за период с 22 сентября... могу сообщить... С ним мне пришлось совершить путь от Борисполя...

От Борисполя — но ведь это значит, что автор письма встретил Аркадия Петровича там, где его потерял Абра-

мов, где с ним расстался Ольхович. А раз это произошло 22 сентября, то, значит, встретились они уже после взрыва Цепного моста. Автор письма предлагает рассказать о событиях, связанных с Гайдаром после ухода из Киева и до прихода в партизанский отряд.

Кто же этот человек?

Почерк крупный, буквы угловатые, словно выведенные дрожащей рукой. Подпись — Коршенко Виктор Дмитриевич, бывший батальонный комиссар, гвардии майор запаса, член КПСС с 8 февраля 1919 года. Адрес. Телефоны — рабочий, домашний. Дата — 24 февраля 1957 года.

Спрашиваю:

— Когда пришло письмо, человеку ответили?

— Кажется, ответили... Да, точно ответили... Поблагодарили за внимание.

— А написать, как все было, попросили?

— Зачем просить? И так все ясно...

«Мы ленивы и не любопытны»,— сказал Пушкин о своих современниках, прошедших мимо жизни и смерти тоже погибшего в 37 лет Александра Грибоедова.

Читаю дальше: *С ним* [то есть с Гайдаром.— *Б. К.*] *мне пришлось совершить путь от Борисполя через село Рогозов до северной окраины села Ерковцы, а затем на село Подолье, Волгнов, Московцы, Борщёв, переправляться через реку Трубеж и реку Недра... участвовать примерно в десяти боевых схватках с немецкими оккупантами. Много пришлось при этом разговаривать на разнообразнейшие темы.*

Заканчивалось письмо так: *Если у кого-либо из писателей либо иных собирателей... данных об этом славном человеке — патриоте — борце будут ко мне вопросы, то в меру возможности буду отвечать.*

Письмо отправлено в феврале 1957 года.

Сейчас ноябрь 1962-го.

Пять с половиной лет!

За это время человек мог получить новую квартиру, назначение в другой город, мог выйти на пенсию, переехать к детям, отправиться в путешествие по родным местам и там остаться. Да мало ли как может повернуться судьба за пять с половиной лет!

Заранее уговариваю себя, что из этого ничего не выйдет, и пишу Коршенко письмо.

Приходит ответ.

Виктор Дмитриевич по-прежнему готов ответить на любые вопросы и встретиться со мной, если я буду в Киеве. Аркадий Петрович не тот человек, о котором с годами можно забыть.

Второе письмо — на десяти страницах — прибывает с извинениями: Виктор Дмитриевич был нездоров и не мог написать мне сразу. Тут же, у почтового ящика, все прочитываю: совершенно неизвестные эпизоды, размышления Гайдара, его шутки в такой обстановке, когда не до шуток.

...Виктор Дмитриевич приглашает меня в комнату, гостеприимным жестом показывает на широкий диван.

Я смотрю, какой он, бывший батальонный комиссар Коршенко,— невысокий, седой, в очках. Правая рука — выше кисти — пробита осколком и потому плохо слушается. Так что писать Виктору Дмитриевичу совсем не просто.

Говорит чуть медленно, с украинским акцентом. Он и сейчас не вполне здоров. Вчера только вышел впервые на улицу, но разговору о Гайдаре болезнь не помеха.

Виктор Дмитриевич рассказывает пять часов подряд.

Каждые восемнадцать минут я меняю кассету магнитофона.

ГЛАВА XXI

ПОД БОРИСПОЛЕМ

А кругом всё горит: деревня горит, костел горит... Это от снарядов. А дальше у матери все смешалось: как отступали, как их окружали...

Аркадий Гайдар,
«Военная тайна»

ЗНАКОМСТВО

Батальонный комиссар Коршенко — он носил на петлицах две шпалы — стоял возле своей машины и с тревогой глядел вперед, пытаясь понять, отчего застопорилось движение на шоссе и долго ли придется торчать так вот, под открытым небом, ожидая налета бомбардировщиков.

Перед ним вырос военный с автоматом и полевой сумкой. Козырнув, незнакомец сказал:

— Я корреспондент «Комсомольской правды». Не позволите ли занять свободное место в вашей машине?

Коршенко рассеянно кивнул, а сам продолжал стоять, поглядывая то на небо, то на дорогу, пока не заметил, что все снова тронулось.

В машине познакомились. Коршенко долго и обрадованно тряс руку случайному своему попутчику, когда узнал, что это Гайдар.

— Вы только представьте, какое совпадение,— удивляясь случившемуся, рассказывал Гайдару Виктор Дмитриевич.— Совсем недавно приходит из библиотеки мой сын, Феликс, и приносит книжку «Тимур и его команда». «Нá, говорит, папа, прочти...» У нас так заведено: если попала в дом хорошая книга, то читают ее уже все. Прочел, знаете ли, сразу. По-моему, настоящая вещь. А главное, не было у нас такой. Сколько знаю, не было.

— Велик ли сын? — улыбнулся Гайдар.

— Да уж большой... Пятнадцать ему.

— Где он сейчас?

— Эвакуировался. Был курсантом военно-морской спецшколы. Началась война — спецшколу расформировали. Ребят эвакуировали.

— А Тимуру моему пятнадцать в декабре будет,— неожиданно произнес Гайдар.— Тоже на флот собирается. Я его незадолго перед отъездом видел. На войну просился... Кажется, пока отговорил.

Разговор о детях здесь, на Бориспольском шоссе, когда люди только и думали, что об окружении и бомбежках, был Гайдару приятен.

— Знаете, Виктор Дмитриевич,— сказал Гайдар.— Раз уж так получилось, что мы встретились и сыновья у нас сверстники, то давайте крепко держаться друг друга, чтобы вернуться живыми с войны.— И потом добавил: — Хотя сыновья наши уже большие, мы им, наверное, еще пригодимся...

«Эмка», в которой ехали Коршенко и Аркадий Петрович, поминутно останавливалась, Гайдар всякий раз выходил из машины и возвращался озабоченный.

— Боюсь, не к немцам ли в лапы мы с вами едем? — сказал он Виктору Дмитриевичу.— Лейтенант, которого я

только что видел у автобуса с радиостанцией, говорит, что впереди, в Переяславе, никто не отвечает ни на шифрованный текст, ни на открытый...

Донесся приглушенный высотой одинокий прерывистый гул. Аркадий Петрович высунулся из окна и глянул вверх. Над колонной повис немецкий двухфюзеляжный самолет-разведчик — «рама». За ним должны были появиться бомбардировщики.

И когда между деревьями с правой стороны показалась проселочная дорога, как потом выяснилось, на Ерковцы, Гайдар сказал шоферу:

— А ну-ка, Ваня, сворачивайте!..

И Ваня свернул. Впереди по проселку, мягко покачиваясь на выбоинах, шло несколько грузовых и легковых машин.

«Эмка» весело покатила, обгоняя другие «эмки», «ЗИСы», полуторки, словно радуясь, что не надо тащиться, как на похоронах.

Гайдар и Коршенко сразу повеселели. Впервые за несколько часов появилась надежда, пусть и окольным путем, добраться до передовых частей, а то и до линии фронта, которая не могла уйти далеко.

Впереди оставалось не более двух-трех машин, и уже свободно можно было разглядеть Ерковцы — с крепкими деревьями и беленькими хатами, огороженными плетнями.

С дороги село просматривалось насквозь. Единственное, что настораживало,— пустынность села.

Деревня была совсем рядом, когда из-за плетней и с чердаков раздались автоматные очереди. Прежде чем машины успели затормозить, перед самыми колесами взлетели фонтанчики пыли.

Очереди тут же смолкли.

— Рус, бросай оружие! Иди к нам! — донеслось из-за плетней.

Реакция Гайдара была мгновенной. Отбросив дверцу, так что она сразу стала щитом, Аркадий Петрович через открытое окно полоснул из автомата.

Но стрелять из окна было неудобно, и Гайдар кулем вывалился из кабины и пополз к канаве.

Коршенко и Ваня бросились за ним. Неровной цепью по обеим сторонам дороги рассыпались командиры и бойцы из других машин. Началась перестрелка.

Рядом с Аркадием Петровичем очутился молодой красноармеец. В руках у него была винтовка, но стрелял он, не поднимая головы. Дрожащими руками боец переводил затвор, нажимал спусковой крючок и переводил снова.

— Что же ты палишь, дружище, в белый свет? — насмешливо спросил Аркадий Петрович.

Боец вздрогнул, повернулся и посмотрел на Гайдара, но головы в большой каске от земли не поднял.

Аркадий Петрович выбрался из канавы и подполз к нему.

— Дай-ка на минутку,— попросил он, беря винтовку.

Боец, так же настороженно косясь, протянул. Аркадий Петрович, лежа на боку, отвел затвор. Звенькнув, выскочила и упала в траву гильза, но желтый новый патрон не появлялся: магазин был пуст.

— Обойму!

Боец протянул. Гайдар легким ударом загнал ее в магазин и закрыл затвор.

— А теперь...— Гайдар приподнялся на локтях.— Э, да у тебя и прицел не поставлен.— Метнув глазом, Аркадий Петрович передвинул прицельную планку.— Смотри.

Боец чуть приподнялся и стал смотреть: то на странного военного, который к нему вдруг привязался (нашел время когда учить!), то на плетень, куда был наведен ствол винтовки.

Перестрелка продолжалась, а незнакомец лежал неподвижно, словно не имел к ней никакого отношения.

Но вот над плетнем появилась голова в каске.

Выстрел.

Каска словно в изумлении замерла, а потом медленно и как-то боком исчезла за изгородью.

— Вот как надо стрелять,— произнес Гайдар, возвращая винтовку и беря свой автомат.— Понял?

Парень кивнул. Руки его по-прежнему дрожали, но он приподнялся на локтях, поправил каску и стал целиться.

Виктор Дмитриевич, который был невольным свидетелем необычного урока, только и подумал: «Ну и ну!»

И когда другой фашист, высунувшись с чердака, крикнул: «Рус, бросай оружие!» — Гайдар вскинул автомат, плавно нажал гашетку и чуть повел стволом.

Солдат уронил голову и в неловкой позе, правым плечом вперед, застрял в окне.

Гитлеровцы не ожидали сопротивления, да и было их немного, и они отступили.

Но путь оказывался все равно закрытым. Нужно было возвращаться обратно, на шоссе, и попытаться выйти к линии фронта в другом месте, тем более что ходили слухи, будто у села Скопцы крепко стоят части 37-й армии.

«БУДЕМ ДО КРАЙНОСТИ БИТЬСЯ»

К селу Скопцы подошли под вечер. За день только и удалось что выпить по кружке молока с куском белого хлеба, но есть не хотелось.

У села неожиданно открылась ошеломляющая панорама. В полный профиль рылись окопы. И там, где они были закончены, бойцы обживали их, как землянку: отдельно полочки и ямки для автоматных и пулеметных дисков, отдельно — для винтовочных обойм и гранат.

Из-под веток и лопухов, на случай появления танков, выглядывали поллитровые бутылки с горючей смесью (к ним обычно давалась серная, как от спичечного коробка, дощечка: перед броском этой дощечкой полагалось чиркнуть о головку бутылки); связки гранат, скрепленных желтой трофейной проволокой, а также немецкие — на длинной деревянной рукоятке. Бойцы их быстро освоили, но предпочитали наши.

Обживались пулеметные гнезда, выкапывались небольшие котлованы для пушек. Орудия по самый ствол уходили в землю, но в любое мгновение могли быть повернуты или вовсе отсюда вывезены.

Невдалеке дымились полевые кухни, подъезжали грузовики. С них тут же снимали ящики, мешки, цинковые коробки, а то и просто в спешке наваленные, наверное где-то подобранные, гранаты.

Озабоченно ходили командиры. Кому-то что-то приказывали. Кого-то в крепких выражениях ругали.

И хотя эта картина мало чем отличалась от виденных прежде на любой передовой, только что занятой для продолжительной обороны, в том, как выслушивались приказания, в том, с какой готовностью они выполнялись, в том, с каким остервенелым скрежетом врубались в землю лопаты

и почти бегом переносились тяжелые ящики, бревна разобранных изб, стальные плиты минометов,— во всем ощущался такой подъем, словно люди готовились не к бою, а к празднику.

Впервые за несколько суток Гайдар и Коршенко видели бойцов, неизвестно каких и неизвестно какими судьбами попавших сюда полков и батальонов, которые готовились к нешуточному сопротивлению.

Лишь тот, кто все эти месяцы оборонял Киев, а потом перенес мучительный стыд отступления, кто брел по пыльному Бориспольскому шоссе, бессильно сжимая кулаки, когда появлялись вражеские бомбардировщики, или с горя стреляя по ним из винтовки,— лишь тот мог понять воодушевление тех, кто теперь вгрызался в землю.

И хотя с точки зрения большой стратегии эта линия обороны могла показаться бессмыслицей: если поломался весь фронт, если прервана связь со штабами, если не приходится рассчитывать на помощь, то удержать этот «пятачок» сколько-нибудь долго будет невозможно,— никто не думал, что́ может получиться из этой обороны через три-четыре дня.

Каждый жил сегодняшним днем и ожиданием близкого боя, когда всю скопившуюся отвагу и ненависть можно будет вложить в удобный изгиб курка, в короткий и сильный бросок гранаты.

И внезапно донесшиеся откуда-то звуки гармони, звуки старинной матросской песни о бесстрашном крейсере «Варяг», неожиданно и так вовремя зазвучавшей в этой сухой украинской степи, несли в себе то настроение и ту решимость, которая жила в каждом.

У Гайдара и Коршенко сразу нашлись знакомые. И все-таки, попав в эту обстановку, Аркадий Петрович поначалу растерялся.

Он растерялся не оттого, что сразу понял весь драматизм создавшегося положения, когда люди готовились, может быть, к последнему в своей жизни сражению. Он растерялся оттого, что поначалу не мог решить, кем ему сейчас быть — писателем или бойцом?

Ему хотелось всюду поспеть, поговорить с людьми, все увидеть, запомнить — и кровавый этот закат, и яростный лопатный скрежет, и молчаливое напряжение лиц, когда руки сильно и быстро делают свое дело, а глаза устремлены

далеко в прошлое, к близким, то ли вспоминая то лучшее, что было, то ли прося прощения, что иначе поступить нельзя.

Подобное даже на войне увидишь не часто. Гайдар это знал. И ему хотелось вобрать в себя картины и звуки наступающей ночи. И если удастся, записать.

Но вынуть из сумки тетрадь и карандаш значило бы стать созерцателем в то самое время, когда была дорога каждая пара здоровых, незабинтованных рук. Это значило отделить себя от всех, кто жил ожиданием завтрашнего, может быть, последнего дня.

И хотя ему утром, подобно всем, тоже предстоял бой, и хотя, как журналист, как писатель, наконец, как военный историк, он был бы абсолютно прав: каждый должен заниматься своим делом,— в глазах остальных людей (так, во всяком случае, казалось Гайдару и так он потом объяснял Виктору Дмитриевичу) это не могло иметь оправдания.

Аркадий Петрович снял с шеи автомат, расстегнул пояс и, оставив на себе, чтоб не затерялась, только брезентовую, из-под противогаза сумку, в которой у него теперь хранились рукописи, забрал у пожилого уставшего солдата заступ.

— Ты, папаша, покури,— сказал он ему просто.

На рассвете сначала ударили немецкие минометы и пушки. Синеву неба пропороли желто-красные дуги огня, который угрожающе полз по земле, скатываясь в окопы, но его тут же засыпали. Это гитлеровцы подтянули огнеметы.

Пока было непонятно: немцы пугают или готовятся к атаке. Когда же при свете догорающих стогов стали видны перебегающие солдаты, по цепочке передали:

— Огня до времени не открывать!

Гитлеровцы подходили все ближе, пока над окопом не взметнулась фигура с наганом.

— Вперед! — крикнул командир.

И люди, без единого выстрела, рванулись за ним врукопашную.

Гайдар и Коршенко бежали со всеми. Вместе со всеми с криком «Ура!» выбили немцев из села. Вместе со всеми, не выдержав плотного огня и железного напора танков, отступили. Вместе со всеми, стиснув зубы, в тот же день пошли в новую атаку и опять вышибли немцев из Скопцов, уничтожив два танка...

На фоне грандиозных событий войны это, конечно, был бой местного значения, как именовался бы он в сводках, если бы отсюда сводку удалось передать.

Но для многих окруженцев — а что все они в окружении, ни для кого не составляло уже секрета — это было генеральное сражение, то есть они попросту поняли, что немцев можно бить.

После боя Виктор Дмитриевич увидел в руках Гайдара винтовку с примкнутым штыком.

— Привычнее, прицельней и дальнобойней,— ответил Аркадий Петрович на удивленный вопрос товарища, почему он бросил автомат.— Да и в атаку когда идешь — удобней,— добавил Гайдар.

ДОБРОТА

Будь у нас время, я бы вам разъяснил, что, в сущности, дисциплина— это проявление доброты.

Эрнест Хемингуэй,
«Пятая колонна»

Виктору Дмитриевичу повезло: он встретил своих однополчан. Около четырехсот человек двигалось в сторону фронта под командой бригадного комиссара Моторного — начальника тридцать первого района авиационного базирования. Аркадий Петрович присоединился к ним.

Товарищи Коршенко из батальона аэродромного обслуживания были людьми сугубо штатскими: инженеры, мотористы, рабочие.

Прямо с заводов их приставили к самолетам. И теперь в полевых условиях по неумелости своей они совершали много нелепых поступков.

Сам Коршенко, например, во время минометного обстрела неизвестно зачем высунулся из укрытия. Его тут же царапнуло осколком. Пришлось делать перевязку.

Аркадия Петровича такая неосторожность сперва огорчала, а потом даже начала сердить.

— Да поймите же вы, товарищи,— говорил он,— из-за распущенности и младенческой беззаботности своей вы сложите головы ни за понюшку табаку.

Немцы по натуре своей авантюристы,— продолжал Аркадий Петрович.— Мне доводилось их видеть на других участках. Но в общем это опытные вояки. И мы должны находить у противника слабые его места, побеждать его умением, выдержкой, хладнокровием, а не радовать своей глупостью, не лезть под мины и бомбы, не подставлять свою грудь под пулеметные очереди, к тому же раскрывая, где прячутся остальные товарищи... Где бы вы ни были,— маскируйтесь. Опасная ситуация — не теряйтесь. Думайте, непременно думайте — и найдете выход. Только думайте не о смерти, думайте о победе, думайте о своих детях, к которым вы обязаны вернуться живыми!..

Но особенно запомнился всем один случай.

В ожидании темноты бойцы остановились на опушке леса. Кто неторопливо ел, кто варил на костре из остатков концентрата кашу, кто просто лежал и думал.

Меж деревьями, от одной группы к другой, ходил парень. Гимнастерка на нем была грязная. Ремень плохо затянут, так что пряжка сбилась куда-то к бедру. Обмотки сползли. Винтовки при нем не было. И только на плече болтался холщовый мешок.

Лицо у парня было испуганное и молящее.

— Братцы, послушайте, братцы,— униженно и робко просил он красноармейцев.— Может, не будем больше немца дразнить? Может, не будем больше в него стрелять? — Он смотрел широко раскрытыми глазами на бойцов, ища поддержки, но все от него отворачивались.

Их немало бродило тут, потерявших человеческий облик трусов, готовых к предательству паникеров. Иные находили и торопливо прятали сброшенные с «Юнкерсов» листовки, где был изображен толстомордый детина в красноармейской гимнастерке и крошечной пилотке.

Улыбаясь во весь рот, детина держал в руках деревянную ложку и котелок с кашей.

«Мне хорошо. Я сдался в плен»,— гласила надпись под снимком.

На обратной стороне листовки по-русски и по-немецки был напечатан пропуск с объяснением: кто сдастся в плен с этим пропуском в руках, тот проявит уважение к германскому командованию, которое, в свою очередь, гарантирует медицинскую помощь и хороший паек...

Отыскивались и такие, кто, начитавшись листовок, начинал вдруг уверять: плен не страшен, особенно если ты беспартийный.

Разговоры с теми, кто искал примирения с врагом и находил оправдание предательству, нередко завершал винтовочный залп.

И когда на опушке появился этот парень, один красноармеец бросил ему вслед:

— Прихлопнуть бы эту зануду!..

И никто ему не возразил.

А слышали многие.

Легко поднявшись с земли, к парню подошел Гайдар. Положил ему руку на плечо и резко повернул к себе. Лицо у Аркадия Петровича было хмурым, почти злым. Глаза настороженно прищурены.

Окружающие подумали, да и парень тоже, что ему за эти разговоры сейчас несдобровать, и он весь сжался, приготовясь к худшему.

...Неизвестно, что передумал Гайдар за те несколько мгновений, что он стоял и смотрел на молодого красноармейца, совсем еще мальчишку, которому просто было очень страшно.

Только Аркадий Петрович сделал совсем не то, чего все от него ждали.

— Подтяни ремень,— спокойно и устало сказал Гайдар.— И обмотки перемотай тоже: нянек здесь нет и пеленать тебя некому.

Парень медленно поднял голову и ожившими, изумленными глазами, в которых внезапно пропал страх, посмотрел на Аркадия Петровича.

Потом сел тут же на землю и стал перематывать обмотки. И пока он, уже по-иному волнуясь и суетясь, приводил себя в порядок, Гайдар узнал, что сам он из-под Киева, что там, в Никольской слободке, у него остались мать и две сестры.

— И ты думаешь,— спросил Аркадий Петрович,— если мы перестанем в немцев стрелять здесь, то другие немцы там, в Никольской слободке, сразу начнут целовать руки твоей матери и гладить по головке твоих сестер?.. Да они, чувствуя безнаказанность, еще хуже озвереют!.. Вот что, друг, я тебе скажу,— произнес Гайдар, когда боец, подтянутый, собранный, стоял с ним рядом.— Если ты не хочешь, чтобы враг

уничтожил нас,— мы должны уничтожить его. Нужно бить фашистов днем и ночью, в лесу и в поле, не давая ему передышки ни на час... И ты должен найти свою винтовку, а не скулить: «Не стреляйте в него, братцы, а то он перебьет всех нас, братцы!» — Аркадий Петрович с такой мальчишеской издевкой в голосе и так верно передразнил красноармейца, что боец вдруг покраснел и смущенно улыбнулся.

И все увидели, какая у парня хорошая улыбка.

РАЗГОВОР С ГЕНЕРАЛОМ ВЛАСОВЫМ

Вместе с группой дивизионного комиссара Моторного Гайдар продолжал отступать по шоссе.

Внезапно донесся рев мощного мотора и лязг гусениц.

— Танки!..— крикнул кто-то.

Это было самое страшное: по обеим сторонам дороги росли редкие кустики, а за ними простирались неубранные поля, и скрыться от этих грохочущих машин было негде — только в пшенице...

Но обнаружилось, что танков всего лишь один, да и тот наш «Т-26».

На башне его, высунувшись по пояс, сидел командир в кожаном шлеме. На френче белели ордена.

Поравнявшись с легковыми машинами, танк остановился. Командир в шлеме, не слезая с башни и свободно перекрывая голосом шум приглушенного мотора, стал о чем-то спрашивать других командиров, которые поспешили выйти из «эмок».

Только здесь окружающие разглядели, что на танке генерал.

— Командующий!.. Власов... Власов...— понеслось по колонне.

Это действительно был генерал Власов, командующий 37-й армией.

Танк окружили плотным кольцом. Люди давно не читали газет, не слушали радио, и близость командующего, который наверняка имел связь с Москвой, рождала надежды на близкие перемены. Перемены к лучшему.

Не обидно, но уверенно отстраняя бойцов, к танку стал пробираться Гайдар.

Все надеялись: командующий непременно скажет сейчас что-нибудь ободряющее. И ждали.

Но Власов ничего не говорил. Он лишь озабоченно спросил, какие части тут проходят, и не сдержался, нахмурился, когда узнал, что солдаты здесь все больше из разных.

Аркадий Петрович тоже терпеливо подождал, пока генерал выяснил, что ему хотелось (Гайдар стоял уже возле самой гусеницы), а потом произнес:

— Товарищ командующий, разрешите обратиться?

Власов удивился:

— Кто вы такой?

Красноармейцы расступились, и Аркадий Петрович подошел совсем близко.

— Я военный корреспондент «Комсомольской правды» на Юго-Западном фронте,— словно не замечая бестактности генерала, ответил Гайдар.

— Да, я вас слушаю, товарищ корреспондент.— Командующий слегка откинулся, задумчиво склонив голову и глядя в небо. Всем своим видом он показывал, что хотя сейчас, разумеется, малоподходящая обстановка, но он все-таки готов дать короткое интервью представителю большой прессы.

— Да, я вас слушаю,— повторил Власов.

— Я хотел бы, товарищ генерал,— спокойно и четко произнес Аркадий Петрович,— получить у вас ответ, чтó в настоящее время делается штабом вашей армии, чтобы привести в боевую готовность всех вот этих людей,— Гайдар повел головой, показывая, каких именно,— которые уже не первые сутки бредут вслепую, как беженцы.

Вокруг все замерло.

Гайдар спросил о том, о чем Власова хотели спросить все, но не решались. Одни из робости, другие из искреннего убеждения, что задавать такие вопросы старшим по должности не положено ни при каких обстоятельствах, потому что начальство, если найдет нужным, сообщит все само.

Власов повернул голову и впервые внимательно посмотрел на Гайдара, будто удивляясь тому, что этот газетчик с простоватым усталым лицом и в смешных, с широченными голенищами, сапогах не так уж прост, как подумалось вначале.

Отвлеченный этими невольными мыслями, генерал не сразу заметил, какая тишина воцарилась вокруг.

И тогда в глазах его забегали бешеные огоньки, а лицо и шея налились кровью. В другом месте он бы показал этому газетчику...

Но вопрос слышали все, и на него нужно было отвечать.

— Мой штаб,— сказал Власов,— заканчивает разработку этих вопросов. Соответствующие распоряжения будут разосланы в штабы частей, где вы и сможете с ними познакомиться.

Гайдар хотел было спросить, а куда, собственно, эти распоряжения будут посылать, если армия вся — вот она, здесь.

Но тон ответа был таков, что исключал дальнейшие расспросы.

— Благодарю вас за разъяснение,— сказал Гайдар.

Власов нагнулся и что-то негромко сказал в люк водителю. Танк заскрежетал шестеренками передач. И рванул с места. Гайдар едва успел отскочить и долго вместе с другими бойцами смотрел вслед лязгающей, поднимающей пыль машине.

К Аркадию Петровичу приблизился красноармеец. Достав кисет и протягивая его Гайдару, сказал:

— Нашел с кем разговаривать.

За сутки ничего не изменилось...

...Это был тот самый генерал Власов, который переметнулся потом на сторону немцев.

СЛУЧАЙ НА ОСТРОВЕ

Остановку сделали на острове.

После долгих скитаний по степи, где с любой стороны могли появиться немецкие танки, остров выглядел крепостью — его ограждало болото.

Фашисты знали, что здесь люди. Они аккуратно, по часам, били по этому куску суши из минометов и небольших пушек. Но приблизиться боялись: топь.

Гарнизон островка ежедневно менялся. Одни по ночам уходили, другие, наоборот, приходили, чтобы уйти в следующую ночь. Но, видимо, от первых окруженцев остался тут некий полупорядок.

Для защиты от мин везде нарыты были щели. Все наличные запасы продовольствия делились поровну. Существова-

ли дозоры, своя разведка, хотя и не было общего командования.

Народ собирался тут разный. Одним нужно было отдохнуть, чтоб идти потом дальше. Иным — отсидеться в малодушной надежде: вдруг все возьмет и переменится.

Приходили сюда и командиры. Случалось, потеряв почти всех своих бойцов, они уже не рисковали брать на себя какую-нибудь ответственность, и когда пехотинцу-майору предложили стать на острове комендантом, майор даже рассердился:

— Тут есть начальники постарше...

На рассвете, по шею мокрый — брел по горло в воде,— прибежал боец-разведчик.

— Немцы...— задыхаясь, произнес он.— В специальных комбинезонах... Болотные сапоги... Около роты... А то и больше...

Гитлеровцы появились со стороны леса, который был виден с острова. До них оставалось не более шестисот — семисот метров.

— Приготовиться к бою,— по-будничному спокойно велел сержант-пограничник.

О сержанте этом новичкам говорили, что идет он с боями от самого Буга, где погибли его товарищи, целая застава. Там, похоже, погибла и его семья. Сам о себе он ничего не рассказывает, но дерется умело и люто.

С тех пор как появился он на острове, за всеми распоряжениями красноармейцы шли уже не к майору или кому еще, а к сержанту. И распоряжения он всегда давал толковые и смелые.

И теперь, когда он приказал готовиться к бою, красноармейцы быстро разместились в воронках и траншеях.

— Отставить! — крикнул, внезапно появляясь из кустов, майор.— Это дурость — открывать огонь. Если мы убьем хоть одного человека (он так и сказал «человека»), противник перепашет пушками весь остров.

Сержант повернулся в его сторону... и насмешливо улыбнулся.

Так он, верно, улыбался еще мальчишкой у себя во дворе, завидя труса. И ничего не ответил. Тем более все знали: майор сам отстранился от командования, когда ему предлагали...

Немцы в серых комбинезонах уже брели по воде, держа над головой автоматы и сумки с запасными дисками и гранатами.

— Подпустить еще ближе,— негромко произнес сержант.

— Товарищ сержант, я вас предупреждаю,— угрожающе зашептал майор.

Больше ждать было нельзя, и сержант скомандовал:

— Огонь!

— Отставить! — почти одновременно крикнул майор.

Бойцы растерялись. Первый залп прозвучал неуверенно и дробно.

Тогда сержант, который тоже был в цепи, обернулся, вскинул винтовку и с колена, почти в упор, выстрелил в майора.

Тот упал. А сержант, выпрямившись, чтобы все его видели, срывающимся голосом закричал:

— По немецким оккупантам огонь!.. Огонь!.. Огонь!..— Казалось, он сейчас заплачет.

Гитлеровцы тоже начали стрелять, но бежать ни вперед, ни назад не могли. Их держала вода. Засасывала топь. Они больше не думали о захвате острова. Они мечтали только выбраться из трясины, но им это не удавалось. Заглушаемый выстрелами, над болотом стоял душераздирающий рев: это кричали обезумевшие от ужаса, погружавшиеся в трясину гитлеровцы.

Спаслись немногие. Лишь те, которые шли последними. Около роты фашистов было перебито в несколько минут. Это была настоящая победа.

...Когда начался бой, Гайдар находился на другом конце острова. Пока он, услышав выстрелы, добежал, все было кончено. Красноармейцы, подолгу прицеливаясь, стреляли гитлеровцам вдогонку.

Аркадий Петрович недоуменно посмотрел на убитого майора. Других потерь с нашей стороны не было. Тогда ему все рассказали.

Гайдар оглянулся, думая увидеть сержанта-пограничника. Бойцы глазами показали ему, куда ушел их командир, и Аркадий Петрович разыскал сержанта.

Тот сидел на земле, под кустом, машинально бросая в темную воду сосновые шишки, подавленный тем, что он сделал и чего не сделать не мог.

Завидя Гайдара, сержант встал, вытянулся, как бы готовый дать ответ за дерзкий и суровый свой поступок.

— Я все знаю,— произнес Гайдар. И обнял пограничника. Говорить никто из них не мог.

Вечером обсуждали события дня. Было темно. Огня не разжигали. Деревья и кустарники плотной стеной обступали маленькую опушку. И только далекие яркие звезды на синем небе чуть освещали слабым светом силуэты людей и бледные пятна их лиц.

— Победили вы сегодня, товарищи, потому,— говорил Гайдар,— что, сжавшись в комок, подпустили немцев совсем близко, потому что послушались не перетрусившего майора, а сержанта-пограничника.

Есть у нас еще необстрелянные, неумелые командиры. Другой, глядишь, кинув беглый взгляд на бокал, скажет, какое в нем налито вино; по первому кругу пластинки узнает лихую, боевую песню, а карту читать не умеет. И тактики современного боя не понимает. И в кольцо это мы попали отчасти из-за них... Но мы воюем — значит, учимся. И скоро многими нашими полками и дивизиями будут командовать сегодняшние сержанты и лейтенанты.

«ДА, ЕЩЕ В КИЕВЕ»

— ...А что, Толька, если бы налетели аэропланы, надвинулись танки, орудия, собрались бы белые со всего света и разбили бы они Красную Армию?.. Мы бы с тобой тогда как?.. Ушли бы мы с тобой в горы, в леса. Собрали бы отряд, и всю жизнь, до самой смерти, нападали бы мы на белых и не изменили, не сдались бы никогда.

Аркадий Гайдар,
«Военная тайна»

Остров покинули на следующую ночь. Вопреки опасениям, немецких заслонов поблизости не оказалось. До рассвета удалось пройти километров десять. Миновав село Студеники, бойцы вышли в поле, где стояли скирды необмолоченного хлеба.

И вдруг одна копна, что была ближе к дороге, зашевелилась.

Ее тут же окружили. Навели винтовки и пистолеты.

— Выходи, кто тут есть,— крикнул высокий красноармеец с трофейным автоматом и для убедительности добавил: — Хенде хох!

Копна словно от испуга замерла. А затем из нее, навстречу всему наведенному оружию, высунулись две грязные босые ступни, мальчишеский зад в суконных штанах, и перед бойцами появился парнишка лет двенадцати. Он недовольно щурился от дневного света и был явно смущен оказанной ему встречей.

Грохнул хохот.

— Ой, не могу! — бросив на землю автомат и держась от смеха за живот, стонал красноармеец, кричавший «хенде хох».— Ой, братцы, не могу... Мы-то на него чуть ли не с бомбами... А он-то на нас грязными своими пятками...

— Бать, выходи, не бойся, свои,— негромко сказал мальчишка.

И тогда копна зашевелилась снова. Из нее вылез мужчина лет тридцати пяти.

Выяснилось, что это председатель соседнего колхоза. До последней минуты спасая артельное добро, закапывая то, что не удалось вывезти, председатель не успел уйти сам. В село пришли немцы. Оставили гарнизон: мотоциклиста, пулеметчика и связиста.

Тут же объявились «местные власти» — четверо полицаев из дезертиров. И теперь председатель отсиживался в копне.

Им дали хлеба. Гайдар со дна своей сумки достал и протянул мальчику полоску шоколада, завернутую в свинцовую бумагу.

— Пойдемте с нами,— предложил Аркадий Петрович председателю.— Выберем лесок. Создадим отряд. Вы человек местный, хозяйственный, будете у нас начпродом. А сын ваш... Тебя как зовут?

— Васька...

— Ну, вот, а Вася будет у нас связным и разведчиком. Знаете, как в гражданскую: сначала, смотришь, мальчишка-разведчик. Потом, глядишь, он уже пулеметчик, а там и командир взвода... Ну, как?..

— Нет, у нас свои планы,— ответил отец.— Мы будем бить немцев здесь...

— А ты что думаешь, Василий?

— Я — как батька,— сказал мальчик басом.

Гайдара отказ председателя крепко огорчил. Уж очень ему понравился Вася.

Аркадий Петрович не впервые заговаривал о партизанском отряде, не впервые пытался найти товарищей для борьбы во вражеском тылу.

Разговор Гайдара с председателем напомнил Виктору Дмитриевичу случай, который произошел несколько дней назад. Им встретился старый коммунист, партизан гражданской войны Божок. Коршенко хорошо его знал. Божок снова создавал отряд.

Услышав об этом, Гайдар заволновался, как маленький. Он спрашивал старого партизана, где будет база отряда, каким они располагают оружием, имеются ли у них гранаты и мины.

Божок уверил, что недостатка в припасах у них нет, в винтовках и пулеметах тоже; что касается базы, то сейчас это, разумеется, секрет, но место хорошее. Выбирали люди знающие

По виду Гайдара заметно было, что он готов уйти в отряд.

— А сколько среди вас военных? — спросил Аркадий Петрович напоследок.

— А военных среди нас нет,— ответил Божок.— На кой они нам нужны? Мы ж партизаны... Обходились в девятнадцатом. Обойдемся и теперь.

— Ошибаетесь,— разочарованно произнес Гайдар.— Без военных специалистов теперь нельзя. Это вам не девятнадцатый год.

И когда Божок, поняв, что имеет дело со сведущим человеком, предложил Аркадию Петровичу пойти к ним в товарищи, Гайдар искренне поблагодарил, но отказался.

В беседах с Коршенко Аркадий Петрович теперь все чаще вспоминал о том, что знал он хорошо в 1919 году экипаж одного бронепоезда.

Состоял экипаж из моряков Черноморского флота, которым пришлось затопить свои суда, чтоб не захватили белые. Черноморцы принесли в войну на рельсах все присущее им

лихое спокойствие и хладнокровную дерзость. Отвага их поражала даже курсантов из «Железной».

Бронепоезд этот потом попал в «капкан» — белые разобрали путь с обеих сторон,— и «крепость на колесах» пришлось взорвать.

Что стало с экипажем, Гайдар не знал.

К воспоминаниям этим Аркадий Петрович возвращался не раз, и Виктор Дмитриевич недоумевал, с чего бы это, пока Гайдар не признался, что вот неплохо бы повстречать краснофлотцев и теперь.

И тогда Коршенко все понял.

В дни обороны Киева передавались восторженные рассказы о матросах Днепровского отряда Пинской флотилии, которые на своих мониторах, канонерских лодках, сторожевых катерах охраняли переправы, разрушали наведенные фашистами понтонные мосты, поддерживали огнем судовых пушек пехоту, доставляли продукты и боеприпасы, забрасывали в тыл врага разведчиков и забирали их обратно.

С падением Киева флотилия лишилась основных баз. Многие суда пришлось затопить. Экипажи стали воевать на суше. Как в гражданскую...

Всех, кто встречался теперь Гайдару, он непременно спрашивал про краснофлотцев.

Ему отвечали, что действительно они воюют где-то поблизости, но где именно, сказать трудно.

И вот однажды Аркадий Петрович приметил в стороне, у леса, несколько человек в черных шинелях и бескозырках с ленточками. Он сразу бросился к ним.

Матросы отнеслись к нему сдержанно.

Гайдар, неприятно пораженный холодностью, вдруг спохватился и достал свое удостоверение.

Краснофлотцы по очереди документ прочли, за подозрительность свою с достоинством извинились и потом объяснили, что их две группы, человек тридцать. Выходить из окружения они пока не собираются, а, наоборот, рассчитывают пробраться в Приднепровские плавни и устроить немцам «веселую жизнь». Если товарищ корреспондент имеет такое желание, он может к ним присоединиться.

Гайдар попросил их подождать, отыскал Виктора Дмитриевича и предложил ему пойти с матросами.

Возможно, Коршенко и последовал бы совету, но он за-

мещал в тот момент раненого командира и обязан был довести бойцов до линии фронта.

— А вы решили в партизаны? — спросил Коршенко.

— Да, еще в Киеве,— ответил Аркадий Петрович.

Расцеловались. Не выпуская руки Виктора Дмитриевича, Гайдар говорил напоследок:

— Вы порой бываете тороплива и неосторожны. Верите непроверенным слухам. Идете, не зная, что впереди. Очень, Виктор Дмитриевич, вас прошу: уделяйте больше внимания разведке. Не выскакивайте прежде времени из щелей и окопов, когда обстрел. Думайте о своей семье, думайте о своем Феликсе и помните, что мы с вами должны еще встретиться на пиру Победы!

Еще раз обнялись. И Гайдар побежал по неровному полю к лесу, где его ждали краснофлотцы.

* * *

У меня на всю жизнь остались о Гайдаре самые теплые воспоминания. И я сейчас глубоко сожалею, что не проявил настойчивости, не склонил Аркадия Петровича на выход из окружения вместе с нами.

Мне кажется, что, пойди он с нами, у этого славного человека была бы совсем иная судьба. (Из письма В. Д. Коршенко автору книги.)

ГЛАВА XXII

НЕДОСТАЮЩЕЕ ЗВЕНО

Политбоец Орлов и командир роты Голиков, оказывается, вместе воевали на Польском фронте. Было это в 1920 году, под Полоцком.

Полковник авиации Орлов и писатель Гайдар узнали, что они сражались в одних и тех же местах, уже осенью 1941 года, в Семеновском лесу, совершенно случайно.

После ночного, километров в тридцать пять, перехода группа Орлова (было в ней сотни полторы бойцов и командиров) остановилась на привал. Полковник расстелил на земле черное, еще новое кожаное пальто.

Гайдар устроился рядом. Но короткой шинели своей не снял, а, наоборот, запахнул ее. Аркадий Петрович простудился, и его знобило.

Надо было хоть час поспать. Но не спалось. Едва закроешь глаза, как где-то в глубине сознания вспыхивают ракеты и разорванные нити трассирующих очередей. В ушах звучит нервирующий треск беспорядочной и потому особенно неприятной в ночи перестрелки, когда кажется, что бьют со всех сторон.

— Помню,— сказал Гайдар, обращаясь к полковнику,— был со мной под Полоцком, в 1920 году, такой же случай... Остановились мы...

— Простите, Аркадий Петрович,— перебил Орлов,— вы разве были на Польском фронте?..

Так вот и узнали.

Гайдар, помолчав, почему-то сказал, что он бы тоже сейчас был кадровым командиром, если бы его не демобилизовали в двадцать четвертом году (как это получилось, он распространяться не стал).

Орлов же, вздохнув, признался, что мечтал о писательской профессии, что доводилось ему в одних обстоятельствах долго работать бок о бок с первоклассными нашими журналистами... Иных уже нет... (что́ это были за журналисты, где привелось с ними работать и почему их сейчас уже нет, полковник тоже распространяться не стал). И что самому ему издавна думалось: пусть не писателем, но хоть каким ни на есть газетчиком он когда-нибудь да станет. Однако увлекся авиацией, кончил школу летчиков, служба, новое назначение, переезды...

Оба грустно улыбнулись, как улыбаются несбывшимся мечтам.

...Разговор на привале стал мне известен совсем недавно. Следы полковника, как я уже говорил, затерялись еще в 1942 году.

Фамилия его привычно упоминалась в биографических очерках о Гайдаре. Постепенно он стал фигурой скорее легендарной, нежели реально существующей.

Но где же он на самом деле этот полковник Орлов?..

По свидетельству Виктора Дмитриевича Коршенко, Гайдар ушел в Приднепровские леса с краснофлотцами из военной речной флотилии.

От Ивана Сергеевича Тютюнника, начальника штаба партизанского отряда, было известно, что в лагере близ Леплявы Аркадий Петрович появился, однако, не с речниками, а с группой полковника Орлова.

Значит, встреча с Орловым произошла после того, как Аркадий Петрович простился с Коршенко.

Путь до Леплявы оказывался следующим звеном в той цепи событий, которую требовалось восстановить. Для этого нужно было немногое — найти Орлова...

Я начал с того, с чего начинал всякий раз, когда поиск приводил меня в тупик,— с сомнения в очевидном.

— Кто может подтвердить, что Орлова уже нет? — спросил я себя. И сам же ответил: — Из людей мне знакомых, а также о Гайдаре пишущих — никто.

— Но если человека даже нет, может ли он исчезнуть бесследно? — продолжал я диалог с самим собой.

— Нет, не может.

— Значит, надо искать, хотя об Орлове, кроме воинского звания и фамилии, ничего не известно. Даже как его зовут.

В письмах к бывшим партизанам я теперь непременно спрашивал:

«Что вы знаете о полковнике, что вы можете о нем сообщить?»

Я ожидал, что узнаю об Орлове достаточно много. Тем более, что все его, конечно, помнили: «Как же, как же, носил еще черное кожаное пальто...»

Но я ошибся. Более конкретные детали его облика, обстоятельства его биографии, где родился, где жил, что часто бывает, от внимания людей ускользнули.

В конце концов удалось установить, что был он, действительно, летчик, лет сорока, орденоносец; говорил, что есть сын, показывал даже фотографию: улыбающийся парнишка в гимнастерке и летном шлеме.

Говорили, что полковник бомбил фашистов в Испании.

Однажды Захар Максимович Бугаев, бывший батальонный комиссар (он выходил из окружения осенью 1941 года вместе с полковником), вспомнил, что встретил Орлова после войны, в 1945 году.

Случилось это в Киеве, в трамвае или автобусе.

Обрадовались.

Обнялись.

Перебрали друзей — живых и мертвых. Погрустили. Где-то на бульваре расстались. И забыли обменяться адресами.

После этого, — писал Захар Максимович, — *я больше с товарищем Орловым не встречался, где он живет, не знаю, но думаю, что он живет в г. Киеве.*

Это была уже нить.

И я решил вернуться к подлиннику письма полковника, присланному в 1942 году, которое у меня имелось в машинописной копии.

На чудом сохранившемся конверте со штемпелем «Просмотрено военной цензурой» были четко выведены имя, отчество и фамилия: *Орлов Александр Дмитриевич.*

После этого оставалось только обратиться в офицерский отдел Киевского горвоенкомата, откуда немедленно прислали адрес.

И вот в декабре 1962 года — ровно двадцать лет спустя — я вынимаю из почтового ящика письмо, написанное знакомым почерком: письмо живого полковника Орлова.

С большим желанием откликаюсь на Вашу просьбу рассказать об Аркадии Петровиче, — читаю я. — *Память о нем — мужественном, славном человеке, товарище и воине, мне особенно дорога.*

Еду в Киев. Из гостиницы звоню Александру Дмитриевичу. Уславливаемся о встрече. Жду его, а потом вижу перед собой — в шинели с погонами, в фуражке, каким я его себе и представлял. Только уже седого.

Устраиваемся так, чтобы нам никто не мешал. И говорим до поздней ночи.

— Да не надо, не пиши, — отговаривает меня Александр Дмитриевич. — Это же не последняя наша встреча.

Но я не слушаюсь. Я пишу. И потом до рассвета расшифровываю ворох своих заметок — пока ничего не забылось.

Из воспоминаний, специально присланных для этой книги, а также из моих заметок и магнитофонных записей и сложились «Рассказы полковника Орлова».

ГЛАВА XXIII

ПЕРВЫЙ РАССКАЗ ПОЛКОВНИКА ОРЛОВА

ТАРАН НАД МОСТОМ

Моя первая встреча с Гайдаром произошла при обстоятельствах, я бы сказал, трагических.

Конец августа 1941 года. Раннее утро. Мы стоим с командиром нашей дивизии на вышке командного пункта и наблюдаем за истребителями, патрулирующими над киевскими мостами.

Тихо! Лишь гудят в небе моторы наших «И-16», изредка загремит разболтанным кузовом грузовик да где-нибудь на окраине ударит тяжелый разрыв снаряда.

Тихо!

И вдруг на фоне слепящего солнца из-за редких облаков появляются шесть «Мессершмиттов-109» и с ходу атакуют звено наших самолетов.

Шесть против трех!..

Два патрульных истребителя, связанных боем, сразу исчезают из поля зрения. Остается один против двух.

«Мессершмитты» пытаются взять машину в «клещи». Кажется, это совсем не трудно: у них заметное превосходство в скорости, не говоря о вооружении. И в тот момент, когда думалось, что гибель нашего самолета неизбежна, летчик блестящим маневром выводит машину из-под огня и точной очередью бьет по вражескому истребителю.

«Мессершмитт» переворачивается через крыло и камнем падает на Предмостную слободку. Мы видим столб черного дыма.

Вздох облегчения. Командир дивизии вытирает платком пот с побледневшего лица: теперь справится.

Но что это? Второй фашист уверенно переходит в атаку. Мы слышим стук его скорострельных пушек. А наш молчит. Израсходовал боезапас!..

— Вниз! — зажав в руке платок, который он так и не успел спрятать, кричит командир дивизии, как будто пилот там, в небе, может услышать его голос.— Давай вниз!.. Тебе говорят!..

Но летчик, круто развернувшись, направляет машину прямо в лоб фашисту.

Истребители сближаются с огромной скоростью. Вот-вот им не хватит неба!

...Фашисты в воздухе обычно не выдерживали лобовых атак, как не выдерживали на земле штыкового боя.

Но это был, видно, опытный пилот. (Мы потом нашли на Предмостной слободке его труп — на земле лежал еще молодой человек с тремя крестами на френче. Один крест рыцарский.)

И все-таки в последнюю секунду фашист рванул штурвал на себя... Но поздно!

Удар!.. И самолеты, разваливаясь на куски, словно игрушечные, падают.

Надеясь на чудо, ждем белый зонт парашюта... Напрасно.

Через несколько минут звонит командир полка — докладывает результаты боя.

— Кто этот... погибший летчик? — спрашивает у него комдив.

— Комсорг полка... лейтенант Хлястач,— отвечают ему.

...И тогда я его вспомнил.

Весной, по окончании майского парада, я вручал подарки за отличную технику полета. Держа в руках список награжденных, вызываю лейтенанта Хлястача.

К столу очень четко, но краснея от смущения, подходит совсем юный паренек, чем-то похожий на моего сына, тоже летчика...

...Опять зазвонил телефон. На этот раз зенитчики. Они тоже наблюдали бой.

Я сказал, что мы всё видели. Трубка замолчала, а потом я услышал незнакомый голос:

— С вами говорит корреспондент «Комсомольской правды». Я хочу передать свое восхищение подвигом вашего летчика, достойного посмертно самой высокой награды Родины. Могу ли я познакомиться с его товарищами по эскадрилье?..

— Приезжайте завтра утром, часов в десять-одиннадцать на наш командный пункт, в Бровары,— приглашаю его.— Только повторите, пожалуйста, вашу фамилию.

— Гайдар,— ответила трубка.

ИЗ ДВУСТВОЛКИ — ПО САМОЛЕТАМ

Я ждал Гайдара в Броварах, в просторном деревянном доме. Тут размещался КП командующего Военно-Воздушными Силами Юго-Западного фронта. Дом стоял в саду, где давно поспели груши и сливы и уже начала отходить вишня.

Познакомились мы с Гайдаром в политотделе. Сдержанный, немногословный, подтянутый — это все, признаюсь, произвело на меня хорошее впечатление. Но я сразу приметил, что при нем нет оружия, только полевая сумка.

— Где же ваше оружие, товарищ корреспондент? — спрашиваю его.

Он смутился, потом быстро ответил:

— Я сегодня воюю пером, товарищ полковник.

— А что, удается вам сменить перо на что-нибудь... подальнобойнее?

— Бывает... если удается удрать на передовую,— ответил он и тут же перевел разговор: — Вы обещали познакомить меня с товарищами лейтенанта Хлястача...

— Я как раз еду на аэродром в Семиполки. Если вы располагаете временем, пожалуйста.

Сели в мою «эмку» и выехали на шоссе Киев — Чернигов. Это была основная дорога, которая связывала осажденный Киев с тылом. По ней круглые сутки в обе стороны двигались потоки машин. Немцы бомбили шоссе ежедневно.

Но пока ничто не предвещало опасности. И мы с Аркадием Петровичем увлеклись беседой, потому что, к изумлению нашему, обнаружилось, что мы с ним почти ровесники (я только на два с половиной месяца старше его), оба мальчишками бежали на фронт, оба окончили курсы красных командиров, оба участвовали в подавлении мятежей: он — Антоновского на Тамбовщине, я — Кронштадского, и оба в двадцать первом году...

— Вот мы и попались, товарищ полковник! — слышу я вдруг голос шофера Фестюка.

«Эмку» сотрясает грохот близких разрывов. Фестюк резко сворачивает на обочину. Выскакиваем из машины и бросаемся в канаву. Над шоссе — десятка два бомбардировщиков «Юнкерс-88». Впереди — столбы огня, земли, дыма, свистят осколки.

Фестюк, смешливый хлопец, кое-чего повидавший на войне, кричит Аркадию Петровичу:

— Ну, як настрий, товарищ письменник?

— Ничего, живем,— в тон ему отвечает Гайдар.

Недалеко от нас пламя охватывает полуторку, груженную продолговатыми ящиками. Из канавы выскакивает молодой парень — старшина, ловко откидывает борта, потом забирается в кузов, пытается сбросить верхний ящик. Но у него ничего не получается. Ящик слишком тяжел, к тому же за что-то зацепился. А кабина горит уже вовсю...

— Хлопцы, помогите сгрузить мины! — в отчаянии просит парень.

Но при одной мысли, что́ сейчас произойдет с этой машиной, все только глубже прижимаются к земле в своих воронках и канавах.

А тут снова свист, взрыв.

Гляжу, в полный рост встает Гайдар и в несколько прыжков оказывается возле... моей «эмки».

Я ничего не понимаю.

Опять взрыв. Наконец подымаю голову и вижу Аркадия Петровича с моей двустволкой в руках.

А надо сказать, что Фестюк, заехав как-то на мою пустующую квартиру, приметил на стене ружье. Оставить на произвол судьбы такую вещь он, заядлый охотник, конечно, не мог и потому, забрав двустволку, возил ее повсюду с собой, и вот теперь она в руках у Гайдара.

Аркадий Петрович подбегает к грузовику, у которого пламя лижет не только кабину, но и кузов, и, обращаясь к тем, кто лежит в канаве и воронках, кричит:

— А ну, хлопцы, быстрей к машине, а я этим асам сейчас покажу,— и целится из ружья в пикирующий «Юнкерс-88», который с жутким воем приближается к земле.

Я был потрясен бесстрашием этого человека.

И не успел я еще подняться, как уже вскочил с земли один боец, другой, рванулся из канавы осторожный Фестюк, а Гайдар, отбросив ружье, начинает им помогать, перенося и складывая в стороне ящики с боеприпасами.

Кончился налет. Сели мы опять в машину, и я упрекаю Аркадия Петровича за неоправданный риск. Он отвечает:

— Я понимаю, что, наверное, выглядел смешным. Но это

мне и было нужно. Смех, да еще в такую минуту, возвращает людям силы. Еще кто-то из классиков сказал: что бы ни стряслось — не теряйся...

Пришлось согласиться.

У ЛЕТЧИКОВ

На аэродроме в Семиполках я познакомил Гайдара с личным составом дежурной эскадрильи.

Устроились на траве, возле истребителей. И летчики сразу перешли «в атаку». Больше всего их интересовало, как пишут книги. Аркадий Петрович, в свою очередь, просил объяснить, как происходит таран. Его тут же посадили в кабину и показали всю систему управления боевой машиной. Он включал тумблеры, нажимал педали, трогал штурвал и был очень доволен.

А когда снова спрыгнул на землю, попросил рассказать о лейтенанте Хлястаче, который погиб накануне.

Тихо стало на поле... Командир полка негромко, словно диктуя наградной лист, перечислил все операции, в которых отличился лейтенант. За ним взяли слово друзья погибшего. Гайдар записывал.

Откуда-то появился чистый бланк «Боевого листка», и летчики попросили Аркадия Петровича написать что-нибудь в их газету. Он достал из сумки разноцветный карандаш и написал строчек двенадцать. Это было стихотворение, и заканчивалось оно словами Максима Горького: «Безумству храбрых поем мы славу!»

Через несколько дней, как просил Аркадий Петрович, я поехал с ним на аэродром в Святошино, где находилась эскадрилья воздушной засады, выполнявшая особое задание. Командовал ею капитан Солдатов, лучший летчик дивизии. Многие его товарищи имели на счету по нескольку сбитых машин, и каждому было что рассказать. Для маскировки истребители стояли в старом, запущенном саду. Здесь росли груши, вишни, сливы.

Я раньше не очень близко знал Солдатова. А тут, под деревьями, где мы устроились, нечаянно выяснилось, что командир эскадрильи большой любитель побродить по лесу с ружьем, поудить рыбу, ну и мы с Гайдаром тоже. Начались

охотничьи рассказы. Помню, Аркадий Петрович очень рекомендовал ловить зайца на лимон...

Коснулись литературы. Солдатов, попросив разрешения, достал из планшета стихи, напечатанные в «Красной звезде», и стал читать их вслух. Гайдар кивал в такт головой. Командир эскадрильи ему нравился.

Завыла сирена. Солдатов быстро поднялся. Мы за ним. Сняв фуражку, капитан передал ее Аркадию Петровичу и, отстегивая на ходу от планшета шлем, попросил обязательно его дождаться, чтобы вместе пообедать. Мы обещали.

Солдатов сел в самолет. Задвинул фонарь кабины. Помахал нам рукой. И пять истребителей ушли в воздух.

Ждем двадцать минут, тридцать... Всё. В баках бензина нет.

Крутым пикированием идут к земле один за другим три истребителя. Садятся. Командир звена подходит ко мне и докладывает:

— Задание выполнено. Сбито четыре самолета противника...— И вдруг, почти шепотом: — Капитан Солдатов и его ведомый погибли...

Гайдар слушает рапорт. Бледнеет. И говорит вполголоса то ли мне, то ли самому себе:

— Как же так? Ведь они оба сейчас были здесь. Вот фуражка Солдатова. Я еще чувствую тепло его руки, а его уже нет...

Я подхожу. Пробую успокоить. Он качает головой.

— Нет, товарищ полковник, к этому привыкнуть нельзя...

Я отвез его в «Континенталь». В Киеве мы с ним больше не виделись.

ГЛАВА XXIV

ВТОРОЙ РАССКАЗ ПОЛКОВНИКА ОРЛОВА

«ЧЕГО СТОИТ МОЯ ЖИЗНЬ?»

Второй раз я повстречал Аркадия Петровича уже в иной обстановке. Было это в последних числах сентября близ станции Борисполь.

Сотни людей, которые только что выбрались из топких

болот близ села Борщёв, снова были окружены фашистами и загнаны в лес.

Кого тут только не было! Женщины, красноармейцы, дети, которых куда-то хотели вывезти, но не успели, раненые, какие-то полувоенные-полуштатские дядьки без оружия, пугливо опускающие глаза при виде командира в форме, беспомощные старики... Все растеряны, подавлены, испуганы.

Людей надо накормить, организовать в небольшие группы, чтобы с наступлением темноты они могли выбраться из леса. Надо позаботиться о раненых и больных, которых становится все больше. Необходимы разведка и контрразведка, чтобы знать, где немцы, и вылавливать переодетых автоматчиков. Их полно в лесу. А заодно паникеров. Их тоже достаточно.

Кричу: «Командиры, ко мне!»

Некоторое время никто не отзывается. И я понимаю почему: немцы так близко, что можно ждать любой провокации. Потом по очереди подходит человек восемь.

Проверяю документы и говорю: как старший по званию, обязанности командира беру на себя. И объясняю каждому его задачу.

Дня через два в моей землянке появляется несколько краснофлотцев Днепровского отряда Пинской флотилии и с ними Гайдар.

Удивленно спрашиваю:

— Аркадий Петрович, как вы здесь очутились?

Он отвечает, что был на каком-то острове, выбрался оттуда, по дороге прослышал о моей группе и пришел в лес, как он выразился, в «лесное это пекло».

Я не знал, что ему ответить. Пробраться к нам можно было только с огромным риском. Но он уже пробрался, и я мог лишь благодарить его за этот риск, потому что мне были очень нужны смелые и верные люди.

Аркадий Петрович стал деятельным моим помощником. Он уходил в дозоры. Охотился за переодетыми автоматчиками. Следил за тем, чтобы костры разводили только днем.

Гайдар собрал два-три пулемета, отыскал несколько ящиков с патронами. Набил все пулеметные ленты, сколько их было. Принес откуда-то миномет, а к нему несколько комплектов мин.

Он почти ни о чем меня не спрашивал. Делал все сам, начиная с планировки щелей, которые рылись по его указанию (лес бомбили по нескольку раз в день), и кончая разделкой конских туш. Не хватало продовольствия, и конина, часто без хлеба и соли, сваренная в котелке или зажаренная, как шашлык, на шомполе, была порой основным и единственным нашим блюдом.

Аркадий Петрович проявил себя отличным разведчиком. Ежедневно пробирался он в соседние деревни. В первую же ночь, вернувшись из-под Яготина, он принес трагическую весть о гибели большой группы генералов и офицеров. Это был штаб командующего фронтом генерал-полковника Кирпоноса.

Но где фронт, Аркадию Петровичу узнать не удалось.

...Не забыть одного случая.

С продуктами становилось все хуже. Особенно страдали раненые. Тогда военврач Нина Петровна (фамилии ее, к сожалению, не помню) с моего разрешения отправилась в соседнюю деревню чего-нибудь для них раздобыть.

Она сняла свою шинель с кубиками, облачилась в чье-то пальто, голову повязала платком, позвала в помощь себе какого-то железнодорожника и отправилась с ним в деревню Семеновку. Говорили, что в Семеновке немцы, но были они кругом, и выбирать не приходилось.

В селе Нина Петровна велела своему спутнику обождать ее под деревьями, а сама вошла в дом.

В хате обедали гитлеровские офицеры.

Извинившись, Нина Петровна хотела уйти, сделав вид, что ошиблась дверью. Но из-за стола поднялся старший из них, капитан, гауптман по-немецки, и вежливо, указывая на свободное место, пригласил: «Битте, фрау». Оставалось подчиниться этому приглашению.

Ее усадили за стол.

Гауптман весьма вразумительно говорил по-русски, а Нина Петровна по-немецки тоже кое-что понимала.

Стали угощать. Кусок застревал у нее в горле, но она все-таки что-то съела и отодвинула тарелку, ожидая, что будет дальше. Офицеры поблагодарили Нину Петровну за то, что она составила им компанию (гитлеровцы, особенно в начале войны, любили поиграть в рыцарей, если им это ничего не стоило).

И тогда гауптман, поглядывая на хромовые сапоги Нины Петровны и защитную ее юбку, произнес:

— Мы понимаем, что фрау — офицер... Нет-нет, мы не сделаем ничего плохого... Мы также понимаем, что фрау пришла из того леса, где прячется много народа. Всем этим народом командует оберст, полковник. От своих людей (извините, в лесу у нас есть свои люди) мы знаем, что человек он разумный. И мы бы хотели,— продолжал гауптман,— если, конечно, это вас не затруднит, чтобы вы вернулись в лес и передали вашему оберсту (немец замолчал, видимо подбирая нужное слово)... наше приглашение сдаться в плен. Лес окружен. Лошади ваши, которых вы кушаете... как это говорится по-русски?.. на исходе. И мы не хотим ненужных жертв...

Нина Петровна слушала и не понимала: говорит он всерьез или издевается. На ее руках умирали искалеченные осколками дети. На ее глазах горели машины с нашими ранеными. Фашистские летчики бомбили и расстреливали их с бреющего полета, хотя отлично видели красные кресты на фургонах.

А гауптман продолжал:

— Прошу передать от меня вашему оберсту вот это.— И он протянул пачку французского печенья.— Я верю в благоразумие вашего полковника.— Гауптман проводил Нину Петровну до двери и, щелкнув каблуками, поклонился.

Совершенно измученная гостеприимством по-фашистски, Нина Петровна вернулась в лес. Передала мне всю беседу. И в подтверждение того, что это ей не приснилось, протянула печенье.

Гайдар сидел в землянке рядом со мной. Когда женщина вышла, Аркадий Петрович потрогал карту на столе, переложил с места на место мой браунинг и сказал:

— Товарищ полковник, позвольте мне пойти в эту деревню.

— Зачем?

— Я возьму с собой гранаты. Зайду в хату. Раз они так «гостеприимны», сяду с ними за стол. А при удобном случае гранаты выну. Одним словом, судя по обстоятельствам... А когда начнется переполох, вы тем временем вырветесь из леса.

— Но вам, товарищ Гайдар, в этом случае уже не придется вырываться вместе с нами...

— Я знаю... Но ведь если подумать, то чего стоит моя жизнь по сравнению с жизнью стольких людей, согнанных сюда, в лес?

Идти в Семеновку я ему не позволил.

«ТОЖЕ МНЕ, НАШЛИ ЗА ЧТО БЛАГОДАРИТЬ»

Он из тех людей, которым можно доверить жизнь.

Николай Асеев
об Илье Ильфе

Положение было безвыходным. Оставаться в лесу мы больше не могли. Надо было прорываться к своим. А на пяти подводах лежали раненые: батальонный комиссар, несколько командиров, рядовые красноармейцы — всего около двадцати человек. Сопровождали их молоденькие медсестры.

И вот одна из них просит: «Товарищ полковник, не бросайте нас» — и смотрит на меня.

Раненые тоже смотрят. У каждого командира возле самого изголовья пистолет лежит. А у комиссара батальонного — он был слабее всех — бельгийский браунинг бинтом к руке привязан.

А с обозом таким куда мы денемся? К тому же бинтов у нас, скажем, много, а йоду ни капли нет. И хлеба тоже.

Говорю девочке этой, медсестре:

— Узнайте, может, колхозники возьмут...

Качает головой:

— Боятся... Немцы кругом, да и подозрительных шныряет богато.

Подзывает меня батальонный комиссар. Показывает рукой, чтобы наклонился: громко говорить ему трудно.

— Вы меня, товарищ полковник, простите,— шепчет он,— но я застрелюсь... Пока в сознании... застрелюсь...

— Что ты, что ты?! — отвечаю ему.— И думать не смей. Пока всех вас не пристроим — не уйдем.

— Но ваше положение я ведь тоже понимаю,— говорит он.— Вам надо заботиться... о живых.

Кладу ему руку на плечо:

— Пристроим. Обещаю — пристроим.

А сам не знаю, что и делать. Как их вывезти?.. Куда?..

Идет мимо переводчик наш, Миша Пенцак. Золотой парень. Я прошу его: «Пришли, если увидишь, Гайдара».

Приходит Аркадий Петрович.

Советуюсь, тем более что он бывал уже в окрестных селениях.

— Разрешите,— просит,— отлучиться. Есть одно соображение.

Кончился день. Проходит ночь, Аркадия Петровича нет. Я тревожусь.

Утром является. Докладывает:

— Все в порядке, товарищ полковник.— И, оборачиваясь, бросает в темноту: — Ребята, идите сюда.

Из-за кустов появляются трое: два хлопчика и дивчина с узелком. В узелке, вижу, хлеб и еще что-то.

— Комсомольцы,— объясняет Гайдар.— Они увезут и спрячут раненых на дальних хуторах. Там немцев нет и вряд ли будут... Что им на хуторе делать?..

— Вы, товарищ командир, не беспокойтесь,— вмешивается дивчина.

— Мы спрячем,— говорят мне хлопцы.

Хочу сказать им несколько слов и не могу... Только молча жму им руки.

На утренней поверке — раненых уже увезли — объявляю Аркадию Петровичу за проявленную инициативу благодарность.

— Служу Советскому Союзу! — отвечает Гайдар, а у самого недовольное лицо, словно сердится.

Спрашиваю потом:

— Аркадий Петрович, в чем дело?

— Тоже мне, нашли, товарищ полковник, за что благодарить...

МОТОЦИКЛИСТ НА АРКАНЕ

Послал я как-то Гайдара за продуктами. Возвращается он, и все, кто был поблизости, сбежались на него смотреть.

Шагает как ни в чем не бывало, только слегка посмеиваясь, Аркадий Петрович. За спиной — стволом вниз —

немецкая винтовка. В руках — на изготовку — наша трехлинейка. А впереди него — метрах в трех — шествует длинный, как столб, немец в черном эсэсовском мундире с крестом. За плечами его по-деревенски завязанный узел с хлебом. И приторочен узел этот к немцу телефонным кабелем. В одной руке солдата плетеная корзинка с кукурузными початками и печеными яйцами. В другой — вещевой мешок Гайдара, тоже доверху полный и на тесемки завязанный. Под глазом у гитлеровца синяк.

Пока товарищи развьючивали пленного, Аркадий Петрович доложил, что, возвращаясь из села к нам в лес — с узлом, корзинкой и мешком,— он долго не мог перейти шоссе, потому что сновали по нему взад и вперед машины и мотоциклы. А когда шоссе опустело и он перебрался на другую сторону, то стало ему вроде бы жалко, по его словам, «возвращаться с пустыми руками». И решил он, если повезет, «заарканить мотоциклиста» (что, нужно сказать, делывал Аркадий Петрович и до этого).

Спрятал продукты. Достал из сумки моток телефонного провода (это когда еще он шел на задание, то перерéзал линию связи), перетянул провод через дорогу и сел ждать «клёва». Теперь, как назло, ни одной души на шоссе не появлялось.

Наконец затарахтел мотоцикл.

Темнело.

Однако немец все-таки разглядел провод, резко затормозил и свалился с мотоциклом в канаву. Гайдар кинулся к нему.

Солдат, видимо, ушибся не очень, потому что стал сопротивляться и не давал себя связать. Пришлось Аркадию Петровичу его легонько пристукнуть, оттащить в кусты и ждать, пока он придет в себя.

— Остальное вы видели,— добавил Гайдар.

После ужина Аркадий Петрович спустился ко мне в землянку. Мы как раз заканчивали допрос. Пленный оказался связным роты СС. Гайдар «заарканил» его, когда мотоциклист возвращался к себе в часть.

Был немец молод и белобрыс. Черная форма ему совсем не шла, словно обрядили парня в этот мундир с болтающимся крестом силой.

Но когда он отвечал, высокомерие на его лице с голубовато-фиолетовым «фонарем» под глазом сменялось страхом.

А страх — высокомерием, которое вбивалось в него годами и которое он не умел теперь скрыть.

Наконец пленного увели. А Гайдар продолжал сидеть и молчать.

— Аркадий Петрович, вы о чем? — спрашиваю его.

— Ни о чем. Просто думаю: мальчишка, а уже фашист...

САХАР

...Продолжаем наш марш по немецким тылам. Пересекаем шоссе у Переяслава и торопимся уйти из этого района, где полно гитлеровцев и полицаев.

Второй день льет дождь. Под ногами хлюпает грязь. Вязнут ноги. С каждым часом идти все трудней. Но останавливаться нельзя. И я еле-еле бреду и чувствую, что двигаться дальше не могу.

Все это время мы скверно питались. К тому же я несколько суток не спал. А тут со вчерашнего дня во рту не было совсем ничего. Иду последним. Начинаю отставать. А товарищи уходят все дальше и дальше...

Вдруг рядом со мной оказывается Аркадий Петрович. Молча снимает с моего плеча карабин, потом летный планшет, полный документов, бумаг, противогазную сумку. Отстегивает пояс с патронташами, пистолетом и гранатами. Вешает и пристегивает все это на себя.

Потом вынимает что-то из кармана и протягивает мне:

— Возьмите, товарищ полковник, все легче будет.

На ладони его лежат два кусочка, два квадратика пиленого сахара.

Мы несколько дней не видели хлеба. Не держали в руках ни одной картошины. Полусырую конину ели без соли. И вдруг сахар. Целых два куска.

Наотрез отказываюсь:

— Я у вас, Аркадий Петрович, не возьму. Ешьте сами.

— Нет, возьмете,— жестко отвечает он мне.— Вы — командир... Вы обязаны...— И добавляет: — У меня есть еще.

Признаться, не очень этому верю, но... беру.

Не знаю, от двух ли кусочков сахара или от потрясшей меня доброты, только появились откуда-то силы. И нагнали мы с Аркадием Петровичем остальных.

СТРАННАЯ ВСТРЕЧА

В первых числах октября мы остановились в лесу близ села Озерище.

От местных колхозников нам было уже известно, что где-то поблизости находится партизанский отряд. Правда, найти нам его пока не удалось. Зато повстречалась группа майора Алферова, начальника связи ВВС 5-й армии.

Было их четверо. Жили они в шалашах. Соединиться с нами не захотели: майор считал, что выходить надо поодиночке, и они как раз собирались в путь. О партизанах Алферову ничего не было известно.

— Но есть тут,— сказал он,— верный человек, лесник кордона номер пятьдесят четыре, который в случае нужды сумеет помочь.— И майор вызвался к нему проводить.

Пошли с Алферовым Гайдар и еще двое. Вернулись они с лесником Михаилом Ивановичем Швайко, который принес нам листового табаку и хлеба. О партизанах Швайко нам ничего не говорил: то ли по неведению, то ли из осторожности. Не сказали о них и сыновья лесника, Вася и Володя.

Комсомольцы, студенты педагогического техникума (старший, Вася, уже закончил, а младший перешел на третий курс), они были нашими помощниками. Вместе с маленькой сестрой своей Олей, стоя на часах, они трижды предупреждали нас о приближении немцев. Разумеется, Аркадий Петрович с ребятами быстро подружился. В особенности с Володей, который не отходил от Гайдара ни на шаг. И мы прозвали его «адъютантом».

Невозможно подсчитать, сколько их было, «адъютантов» Гайдара, за время нашего с ним пути. Стоило наведаться в какое-нибудь село, как возле Аркадия Петровича (других в его присутствии мальчишки не признавали) вырастал, словно гриб после дождя, какой-нибудь Сашкó или Гришкó, который с готовностью сообщал, чтó за обстановка в деревне и много ли немцев, словно сидел и ждал, когда мы наконец появимся. Я не переставал удивляться этому дару Аркадия Петровича мгновенно завоевывать доверие ребят — от пятилетних малышей до комсомольцев. Никаких добреньких слов он им не говорил. Но тянулись к нему гурьбой.

В карманах Гайдара всегда отыскивался какой-нибудь замысловатый волчок. Из куска трофейного провода конст-

руировался самолет. Или, как по волшебству, распахивалась сумка, где хранился огромный запас цветных карандашей. После каждой встречи этот запас ощутимо уменьшался.

Был у меня перочинный ножик со многими лезвиями. Стал я замечать, что Аркадий Петрович часто очень его хвалит. Раз, думаю, нравится — подарю. И подарил.

А тут понадобилось мне шило ремень проколоть, и попросил я у Гайдара на минутку ножик. Он смутился, даже покраснел, а потом сказал, что отдарил его одному парнишке: «Уж больно смышленый хлопчик. Хотелось доставить ему радость. Да и зовут его, как вас, Сашко. Так что вы уж не обижайтесь, Александр Дмитриевич».

В любой избе, куда бы мы ни заходили, Аркадий Петрович через пять минут знал по имени и отчеству всю, часто многочисленную, семью и никогда потом не ошибался. Любой разговор за столом превращался в страстную беседу. В глубоком немецком тылу, не зная, как обстоят дела на фронте, он с такой убежденностью говорил о нашей победе, что дед один мне сказал:

— Бачу, дюже гарна людына твой комиссар,— и, указывая на мои шпалы, добавил: — Ишь сколько у тебя кирпичиков на воротнике. А чего у него нема? Или комиссарам не дают?..

Но я отвлекся.

Майор Алферов со своей группой ушел. Мы заняли их шалаши, расставили дозоры.

Утром близ лесной опушки, где мы ночевали, вдруг раздались два винтовочных выстрела.

Вскоре появился Гайдар. Он вел под конвоем мужчину в гражданском — грузного, круглолицего, испуганного. Когда приблизились, я понял: задержанный пьян.

Аркадий Петрович доложил: стоял в наряде. Приметил на дороге подводу с подводчиком и верхового рядом. Велел остановиться. Подводчик бросился в кусты, а верховой повернул обратно и пустил галопом.

— Пришлось стрелять... Лошадь из-за этого чуть не повредил,— сердито закончил Гайдар.— На телеге несколько мешков муки и неполная канистра спирта.

— Кто вы такой? Ваши документы? — обращаюсь к арестованному.

— Не имеете права меня задерживать...

Стараюсь быть корректным.

Объясняю ему, что мы давно ищем отряд, который находится в этом лесу.

— Много вас, дармоедов, тут по лесу шатается... Всех, что ли, думаете, партизаны в отряд возьмут?..

— Вы разговариваете с полковником Красной Армии!

— Не блести своими шпалами... Я тоже большой начальник...

Гайдар, который стоит позади арестованного, делает мне знак: мол, я сейчас приведу его в чувство.

— Товарищ полковник,— взяв под козырек и незаметно подмигивая, обращается он ко мне,— разрешите вывести задержанного вражеского лазутчика в расход,— и щелкает затвором.

Арестованный моментально трезвеет.

— Не расстреливайте меня!.. Я все скажу...

И он сказал, что зовут его Погорелов, что он заместитель командира партизанского отряда по снабжению. Муку вез в отряд с мельницы.

— А спирт вы тоже на мельнице мололи? — спрашиваю его.

Молчит. И тут я догадываюсь: Погорелов не хотел вести нас в лагерь не потому, что соблюдал конспирацию, а по какой-то иной причине.

Я приказал отконвоировать Погорелова в лагерь.

Вернулся Аркадий Петрович с командиром партизанского отряда Федором Дмитриевичем Гореловым и комиссаром Моисеем Ивановичем Ильяшенко. Они пришли познакомиться с нашей группой.

Командир отряда тут же предложил нам перебраться из шалашей в домик лесника, что поблизости от их лагеря. Мы согласились.

— Будете в тепле и вроде как заслоном для нас,— добавил Федор Дмитриевич.

Отвожу в сторону Горелова и спрашиваю:

— Зачем вы отпускаете снабженца своего пьяным?

— Как — пьяным?

Тогда я ему все рассказываю. Командир отряда задумывается:

— Интересно, почему это подвода оказалась здесь?..

ГЛАВА XXV

В ПАРТИЗАНСКОМ ЛАГЕРЕ

Партизанский лагерь, куда Ильяшенко и Горелов привели группу Орлова, располагался в негустом лесу близ Леплявы, на маленькой, даже тесной опушке, под крутым обрывом. Лишь несколько дубов и сосен да главным образом густой кустарник защищали лагерь от любопытных глаз.

Жили бойцы в землянках, наспех вырытых еще летом, когда никто не думал, что война будет долгой. А теперь землянки надо было утеплять: ставить печки, приделывать вместо пологов двери,— одним словом, готовиться к зиме.

В центре лагеря у подножия древнего, лукой изогнутого дуба сидело человек тридцать: кто в гражданском, кто в военном, а полный светловолосый человек в шинели проводил политбеседу.

Заключалась она в том, что человек (фамилия его была Бугаев) «с выражением» рассказывал о Семене Котко, который бесстрашно дрался с немцами на Украине в тяжелом 1918 году, и о разных событиях личной Семена Котко биографии, вычитанных в книге Валентина Катаева «Я — сын трудового народа».

С приходом гостей политбеседа прервалась. Начались расспросы, поиски земляков и товарищей из своих частей.

Среди партизан оказалось немало окруженцев, которые недавно сюда прибыли и уже помышляли о дальнейшем пути.

Между тем завхоз Иван Ваченко, по указанию командира, доставал со склада чтó повкусней, а заодно полотенца, белье, комплекты верхнего обмундирования, сапоги. Гостям с дороги надо было умыться и переодеться.

И когда начался обед, вновь прибывшие выглядели именинниками: побритые, вымытые, в чистых рубашках и гимнастерках.

На радостях выпили за встречу и грядущую победу.

Аркадий Петрович, не дожидаясь конца обеда, поднялся, чтобы получше осмотреть лагерь.

Невдалеке от землянок он приметил грузовую машину, бочки с бензином, штабеля заколоченных ящиков, груду

лопат: заступов, совковых, саперных в чехлах, которые можно было носить на поясе.

Возле этой груды, старательно выбирая, чтобы и острая, и легкая, и на крепком черенке, стоял темноволосый мужчина с хитроватым лицом молдаванина, командир партизанского взвода Иван Васелака.

— Землянку рыть? — спросил Гайдар.

— Да нет,— ответил Васелака.— Хочу по лесу пойти чего пошукать. Много всякого добра там покидано. Что сгодится — принесу, что не нужно — прикопаю. И герману не достанется, и у нас под рукой.

Аркадий Петрович отправился с ним.

В нескольких километрах от лагеря, где проходили отступающие наши части, действительно было брошено много добра: вещевые мешки, повозки без лошадей, автомобили с нарочно поврежденными двигателями и старательно изрезанными шинами, ящики и цинковые коробки с патронами и пулеметными лентами, винтовки без затворов, а то и с затворами, станки от пулеметов «максим» (стволы, надо полагать, ржавели в болоте), разного калибра снаряды и минометные мины.

Винтовки и ящики с патронами нести в лагерь не было смысла: в отряде их пока хватало, и потому, тщательно измерив, сколько шагов до придорожного, сохнущего дуба или до сдвоенной сосны, Аркадий Петрович с Васелакой выкапывали яму, куда все и складывали.

— Ох, сколько всего понакидано! — сокрушался Васелака.

— Ничего, немцы когда побегут, бросят больше,— успокоил Гайдар.

На обратном пути, недалеко от лагеря, Аркадий Петрович приметил что-то в стороне от дороги и, ни слова не говоря, исчез.

Васелака, немного подождав, медленно двинулся дальше, уже не опасаясь, что Гайдар заблудится.

Вскоре Аркадий Петрович его нагнал.

На плече у него висел ручной пулемет Дегтярева — с диском и затвором.

— Где вы такой автомат нашли? — удивился партизан.

— Это ручной пулемет,— поправил его Аркадий Петрович.

ГЛАВА XXVI

ПАРТИЗАН АРКАДИЙ ГАЙДАР

ДОМ ЛЕСНИКА

Орлова и его товарищей Горелов привел к большому, перед самой войной отстроенному дому лесника. Сам лесник в нем давно не жил.

По дороге командир отряда объяснил, что стоит дом в полутора километрах от лагеря. (Только не надо путать тропинки, а то получится и все пять.) И в полукилометре от лесопильного завода.

— Собственно, никакого завода там нет,— уточнил Горелов.— Просто стоят на опушке две избы и сарай с пилорамой. Но так уж повелось, что зовем заводом. От лесопилки во все стороны расходятся дороги — на Хоцки, на Комаровку и Лепляву. Так что в смысле связи с населением жилье ваше стоит удобно.

Орлов, который шел рядом с Гореловым, и Гайдар согласились. В Лепляве Аркадий Петрович бывал дважды: летом, когда ездил в Канев, на Тарасову гору, где похоронен Шевченко, и недавно, перед самым приходом в отряд.

За поворотом лес расступился. И на фоне синего, в звездах, неба стали видны сарай и вытянутый, с крыльцом во весь фасад, дом. Жилье, отведенное Гореловым, состояло из темных сеней с пустым чуланом и двух несуразно узких комнат. Перегородкой им служила огромная печь. Для всех тут было, конечно, тесновато. Но бойцы так устали ночевать в холодных шалашах или у костра под открытым небом, просыпаясь каждые четверть часа и попеременно грея то один, то другой бок, что рады были и этим запущенным, покинутым хозяевами комнатам с давно выстывшей печкой. Миша Пенцак сказал, что не уйдет отсюда, даже если ему придется спать под табуреткой.

Посмеялись. Принесли из сарая сухих дров. Гайдару, который, случалось, разводил огонь и в проливной дождь, ничего не стоило растопить русскую печь. И скоро в хате, освещаемой неровным огнем горящих поленьев, стало тепло и, всем показалось, даже уютно.

«ВАС БЫ НА ЧАСОК ПОД БОРИСПОЛЬ»

Впервые за долгие дни пришло чувство покоя. Не надо особо опасаться немцев: они в этой части леса еще ни разу не появлялись. Не нужно думать, где придется ночевать завтра. Не надо искать партизан. Можно наконец-то отдохнуть, собраться с мыслями и силами для дальнейшего похода. Можно...

Но Гайдар на следующее утро встал очень рано, когда все спали.

Лишь близ дороги ходил часовой.

Аркадий Петрович отправился в Комаровку. Словно из магазина, принес к завтраку две буханки хлеба и белую круглую лепешку — печеный на соде коржик. Вскипятил в ведре чай, нарезал хлеб. Позавтракал со всеми и снова ушел — на этот раз к партизанам.

Свободного времени в отряде, к сожалению, оставалось предостаточно, и командование старалось заполнить его политбеседами.

На этот раз молодой лейтенант разъяснял, почему в войне с фашистами, хотя у нас и получились неудачи, мы все равно победим.

Рассказывал неумело. Видно, привык человек бездумно повторять, что написано в газетах.

А случай подвернулся особый: почтальон по утрам газет не приносил. И нужны были свои слова, свои соображения. Но лейтенант их не находил. И объяснения его выглядели беспомощными.

— Враг будет разбит. Победа будет за нами,— закончил он.

— Понятно,— произнес партизан в шинели без петлиц и в кепке.— Значит, победа будет *за* нами: сначала нас не будет, а потом и победа придет?..— И он невесело засмеялся.

Лейтенант испугался. Он привык: если идет политинформация, все слушают, все соглашаются и никто ничего такого не спрашивает. Разве какую мелочь: сколько, скажем, лет Гитлеру и правда ли, что он сумасшедший и без одной руки, а тут...

— Вы не должны, вы не смеете так говорить! — возмутился лейтенант.

— А ты мне объясни, в чем же я ошибаюсь,— продолжал партизан.

Оба замолчали. Лейтенант лихорадочно думал, чем бы его пронять, а человек в шинели без петлиц, прищурясь, ждал: вывернется парень или не вывернется.

— Дай-ка, друг, я ему отвечу,— произнес Гайдар, дотрагиваясь ладонью до плеча лейтенанта. Аркадий Петрович подошел, когда беседа уже заканчивалась, и слышал весь короткий неумелый спор.— А ну, хлопцы,— добавил он, обращаясь к остальным,— зовите давайте всех. Объясню, как надо понимать: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами».

Долго ждать не пришлось. Послушать писателя собрались все, кто был свободен.

— Я знаю, о чем вы сейчас все думаете,— начал он.— Фронт далеко. Немцы близко. И всем нам приходится круто... Так?

Партизаны одобрительно зашевелились: так.

— Могу вас утешить: в гражданскую было еще хуже. Но ведь победили? — Гайдар остановился и оглядел бойцов.— Победили. А почему победили — вы думали? — Аркадий Петрович снова остановился.— И вот здесь надо разобраться.

Расскажу я вам случай.

Кончил я только что Киевские командные курсы. И бросили нас всех в прорыв, удержать Петлюру. А дрались мы, надо признаться, крепко.

И вот тревога. Бежим мы все, чтоб выбить белых. И тут убивают командира. И все это видят. И в бойцах не то что страх, а как бы сомнение появилось. И стало мне обидно. И такое на меня отчаяние нашло, что я закричал... Неважно, что я закричал. Одним словом, заменил командира.

А командир из меня был тогда так себе. И все, в общем, это знали. Был я моложе всех. Да и командовать тут особенно нечего. Сначала, правда, поднялись в атаку. Потом залегли, и с двух сторон пока что перестрелка идет.

Только замечаю — глядят на меня товарищи: цел? Цел. Ну и стреляют себе дальше. И даже подбадривающе улыбаются: держись, мол, командир.

Выбили мы белых, и всё потом было в порядке. А рассказал я это, чтобы показать: ведь ничего такого не сделал.

Просто инициативу проявил, но вовремя. И не сделай этого я, сделал бы кто другой. Уж очень самостоятельный был народ.

Один человек, бывало, дрался за целый взвод: он тебе и пулеметчик, он тебе и гранатометчик, он тебе из нескольких винтовок сразу стреляет, чтобы видимость большого отряда создать.

А все почему? Была в нас злость. Трудно ли, легко ли,— мы дрались. А вы, простите, сидите и ждете, что кто-то станет драться вместо вас.

Партизаны смущенно закашлялись и полезли за кисетами.

— Вас бы на часок под Борисполь,— с болью произнес вдруг Гайдар.— Вас бы на часок в то село, где колодцы забиты трупами женщин и детей. Вам бы посмотреть на тех семерых, что плавали мертвыми в пруду, потому что немцы связали их колючей проволокой и бросили живыми в воду. Вам бы глазом одним все это увидеть — вы бы сейчас спокойно цигарок не курили и к мальчику-лейтенанту — прости, браток! — с идиотскими вопросами не приставали. И когда появится в каждом из вас такая злость, когда научитесь бить врага и в хвост и в гриву всем, что под руку подвернется, тогда вы и без политинформации поймете, почему победа будет за нами!

ПЕРВЫЕ ОПЕРАЦИИ

— А давайте, братцы, я попробую достать эту дислокацию... пропуск — «ракета». Конь — рядом. Погоны на убитом. Донесение в кармане...

Аркадий Гайдар,
«У белых»

Через полчаса, основательно обсудив маршрут, Гайдар направлялся с несколькими партизанами в сторону Хоцек.

Мин в отряде не было. Гранаты имелись, но мало. Повздыхав, согласились: пока нет взрывчатки и всего, что к ней положено, подбивать одиночные машины. Лучше всего штаб-

ные. В них, верно, будут документы, да и пленные кое-что сообщат...

Жаль, нет связи с Большой землей, а то бы развернули работу.

Остановились у изгиба дороги, где машины волей-неволей притормаживали. По обеим сторонам рос густой кустарник. Стиснув зубы, пропустили грузовики с солдатами. Соблазн стегануть по ним был велик. Но когда бойцы умоляюще посмотрели на Гайдара, он медленно покачал головой — нет. Да они и сами понимали, что нет: полторы сотни гитлеровцев, вооруженных автоматами, против пятерых — с одним пулеметом и одним «ППШ»,— это было многовато.

И тогда стали ждать, пока на размытой дождями дороге не появились две легковые машины. Партизаны приготовились. Аркадий Петрович, показав на свой пулемет, дал понять: стреляет первым.

До бронированного, с брезентовым верхом вездехода — он шел впереди — оставалось не более десяти метров, когда Гайдар полоснул длинной очередью по ветровому стеклу. Товарищи ударили по скатам и кабине второй машины.

Вездеход, не сворачивая, ткнулся в сосну и остановился. Крытый «оппель» затормозил, но мотор его продолжал работать, пока не заглох.

Подождали. Это казалось невероятным, но в ответ не раздалось ни одного выстрела и никто не пытался выбежать из машин. Гайдар махнул рукой. Вдвоем с Михаилом Кравченко Аркадий Петрович осторожно приблизился к «своему» вездеходу.

Остальные направились к «оппелю».

Водитель вездехода и сидевший рядом с ним майор были мертвы. В «оппеле» шофер тоже был убит. А два офицера — лейтенант и обер-лейтенант (они находились на заднем сиденье), как только Андриан Степанец открыл дверцу, подняли руки. Их вывели из машины. Забрали оружие, портфели, вынули из багажника чемодан.

В портфелях нашли карты, на которых ничего не было обозначено. Зато офицеры рассказали много важного. И Гайдар пожалел даже, что неосторожно убил майора, который, надо полагать, знал еще больше. А в чемоданах обнаружили новое, с орденами обмундирование.

Партизаны, правда безуспешно, охотились за ним давно. Их соблазняла возможность бывать в соседних селах, не привлекая к себе внимания. И мундиры подвернулись весьма кстати. Аркадий Петрович примерил один. Он оказался слегка тесноват, но, в общем, был впору.

Гайдар теперь появлялся в отряде каждое утро. Завтракал. Усаживался у подножия дуба, что рос возле самой командирской землянки. Аркадия Петровича окружали бойцы. Он спрашивал, какую, по их мнению, надо провести операцию сегодня. Выбирали новый маршрут и приглашали добровольцев. Они всегда находились.

Продумав план, шли к Горелову за разрешением. Против операции он никогда не возражал, но Гайдара всякий раз отпускал неохотно, после долгих, обычно бесплодных отговоров.

Да и как тут отговоришь, если во всем партизанском отряде опытней никого нет?.. И потому, изрядно понервничав и только понапрасну разволновав перед заданием Гайдара, командир в конце концов назначал его старшим диверсионной группы.

А возвратясь в лагерь, Аркадий Петрович усаживался в сторонке на широком сосновом пне, доставал из сумки, всегда висевшей на боку, тетрадь и вновь принимался за дело, словно пришел не с операции, где его, как и всех, могли убить, а с предобеденной прогулки в Доме творчества в Старой Рузе.

...Однажды Гайдар отправился на задание в немецкой форме. Сожалея, что он в первую свою операцию «по неосторожности» застрелил майора, Аркадий Петрович придумал другой план.

Заключался он в том, что Гайдар, завидя немецкую легковую машину, должен был выйти на дорогу, поднять руку, предлагая остановиться якобы для проверки документов. Когда машина остановится,— из кустов выйдут партизаны, и все пассажиры какого-нибудь вездехода на сей раз останутся живы.

Неизвестно, удалось ли Аркадию Петровичу осуществить свое намерение. Но вот связанный с этим планом случай.

...Вынырнув из чащи леса, на крыльцо дома, где жил лесник Михаил Иванович Швайко, стремительно поднялся немецкий офицер.

Жена лесника, Анна Антоновна, заметила его уже в полутемном коридоре: в фуражке с высокой тульей, в плаще с пелериной и автоматом на шее.

Немец уверенно направлялся в комнату.

В комнате сидело двенадцать человек. Двенадцать наших военнопленных, которые бежали из концлагеря в Жерноклевах. Были они рваные, грязные и такие голодные, что картошку из чугуна ели прямо с кожурой.

Женщина не выдержала. Заплакала. Выбежала в коридор. И увидела этого немца!..

От ужаса теряя силы, Анна Антоновна прижалась спиной к двери и крикнула:

— Нет, нет, сюда нельзя! Здесь заразные больные!..

— Анна Антоновна, это же я, Аркашка! — так же испуганно закричал немец и сорвал с головы фуражку, словно только из-за фуражки его нельзя было узнать.

— Подумать только,— огорченный случившимся, сказал Гайдар, уже сидя в хате.— Стóит нормальному человеку дела ради надеть вот эту,— Аркадий Петрович потряс за карман с железным крестом свой френч,— форму, как он уже становится пугалом даже для друзей.

В отряде Гайдар снова достал застиранную свою гимнастерку и шинель. В немецкой форме его больше не видели.

ДЕРЗОСТЬ

Скоро выяснилось, что Аркадий Петрович необыкновенно удачлив. И партизаны полюбили ходить на задание вместе с ним. Не было случая, чтобы Гайдар вернулся ни с чем. Придя в лагерь, он докладывал Горелову о подбитых машинах, сожженных обозах, уничтоженных гитлеровцах. А в подтверждение выкладывал на стол трофейное оружие, удостоверения фашистских офицеров и солдат, письма, топографические карты, перехваченные секретные документы.

И бойцы, которых он брал с собой, возвращались слегка ошеломленные тем, как стремительно все получилось.

У костра, продолжая удивляться и чуточку не веря самим себе, перебирали они подробности операции, вспоминая отважные действия Гайдара и неожиданные его приказания, отданные в самый разгар схватки.

Были эти приказания всегда находчивы и точны, словно Аркадий Петрович всю свою жизнь только и делал, что партизанил.

Но самое интересное начиналось, когда про операцию рассказывал Аркадий Петрович. Как бы им на дороге ни пришлось туго, в передаче Гайдара все выглядело необыкновенно смешно.

Он чертил на земле изгиб дороги и кусты, где они прятались. Беленькая щепка, которую он передвигал, изображала машину или обоз. Иногда одной щепки было мало, и он брал две-три и переставлял их потом по ходу разговора, как фишки в детской игре «Кто первый?».

Прутом же Гайдар обозначал, где сидел он, где Васелака или Тютюнник, Ваченко Денис или Кравченко. Когда все, что надо, было уже обозначено, начинался рассказ в лицах.

Сначала Аркадий Петрович показывал, как уверенно и важно партизаны выходили из лагеря, а потом деловито, по-хозяйски располагались у обочины дороги.

Но вот появились машины, и лица — Гайдар демонстрировал, как вытягивались лица,— становились такими. И дальше очень точно, но всегда до колик смешно, Аркадий Петрович описывал, например, партизана, который, вместо того чтобы помочь товарищу связать уже поваленного немца, наводил автомат, и пленный, лежа на земле, испуганно вскидывал руки.

На Гайдара, случалось, обижались. Но скоро привыкли, и с легкой его руки бойцы относились теперь к операциям так, словно было это обычное дело, хотя правда и рискованное.

Особенно часто вспоминали поездку в Каленики.

— Достали бы вы, ребятки, мяса,— попросил за обедом завхоз Иван Ваченко (в лагере их было два брата — Иван и Денис),— а то уж очень мне вегетарианская пища надоела.

— Сейчас, Иван Семенович,— ответил ему Сесько,— я на базарчик сбегаю. Только посоветуй, где кошелку побольше взять.

— Я тебе дело говорю, а ты дурака валяешь,— обиделся завхоз.— Вон в Калениках целая свиноферма стоит. Сегодня стоит, а завтра, глядишь, и нету. Немец, он на пузо плечист.

— Откуда же ты, Иван Семенович, знаешь? Может, поросят этих давно съели?

— Человек один приходил. Жаловался. Тощают свинки. Вы бы, говорит, партизаны, хоть из свинолюбия их прибрали, что ли. Пропадает добро.

Бойцы задумались. Мука, крупа, сахар, соль — это в лагере было. Летом, когда создавался отряд, из колхозных амбаров, из магазинных складов, с продовольственных баз потянулись в лес машины и телеги с бочками, бумажными кулями, фанерными ящиками.

Все это запрятали в разных местах. Однако ни тогда, ни теперь никто не знал, сколько еще придется жить в лесу, потому паек партизан был весьма скромен, возможность пополнить запасы выглядела заманчиво.

— Отрядить бы для такого случая человек десять,— предложил один.— Мешок за плечи, и пошел. Конечно, тяжеловато — верст двадцать пять туда и столько же обратно. Но ничего. Суток хватит. Зато и борщ будет с мясом.

— На себе тащить — не дело,— возразили ему.— Нужна подвода. Хорошо бы две. Кинул свинку-другую на телегу — и порядок.

— А машины у нас для чего? — поинтересовался Гайдар.

— Как — для чего? — удивился завхоз.— Подвезти что́, подбросить. Хозяйство — вещь сложная.

— Вот и надо в твое, Иван Семенович, хозяйство подбросить свиней на машине.

Партизаны подумали: Аркадий Петрович по привычке чудит. Но нет: лицо его было серьезно, даже слегка озабоченно.

— Но ведь на машине тропками не поедешь.

— Значит, надо проселком...

— А тут, кому не лень, всякий увидит...

— И пусть, это даже лучше: кому же в голову придет, что партизаны разъезжают по селам на машине?

Чем дольше размышляли партизаны, тем план Гайдара им больше нравился.

— В самом деле, отчего не попробовать? — произнес Игнат Касич.— Отчего не вывезти... всю ферму? Мяса накоптим, наготовим впрок, сала тоже. Чем не жизнь?

Темнело, когда завели машину. Гайдар сел с водителем Игнатом Касичем, который славился на всю округу как редкого умения шофер и тракторист, хотя работал заместителем председателя колхоза.

Человек пять разместилось в кузове. Автоматы и винтовки спрятали в сено под ногами. Пистолеты и гранаты положили в карман, и грузовик, плавно покачиваясь на выбоинах, выехал из лагеря.

После двух с лишним месяцев жизни в лесу было радостно и тревожно мчаться, не таясь, по таким знакомым и теперь пустынным дорогам, по замершим от бед селам, мимо темных, словно ослепших домов, где редко-редко блеснет и пугливо исчезнет огонек.

Война приучила людей различать и понимать звуки. И потому, заслышав рев мотора не немецкой, а нашей полуторки, на крыльцо выходили, а то и выбегали люди. Но, приняв партизан за полицаев, тут же прятались.

Когда машина приблизилась к райцентру Гельмязево, зашуршало сено. В руках бойцов появились автоматы и винтовки. Справа проплыло здание райисполкома, где теперь помещалась немецкая управа и где чернел видный даже отсюда с большой свастикой флаг.

Забелела впереди с огромным куполом церковь. Обогнув ее, грузовик вышел на проселок, который вел в Каленики. Оставались последние километры пути.

Ферма была построена на отшибе. Возле ворот в рваном тулупе дремал сторож.

— Стой, что за люди? Давай папир, документ! — храбро закричал старик, думая, что это полицаи, и норовя показать, как справно несет он свою службу.

Старика связали и стали открывать тяжелые ворота фермы.

— Хлопцы, родненькие, что ж вы это делаете? — взмолился дед.— Это ж теперь все немецкое...

— Молчи, дед, молчи,— брезгливо и в то же время с оттенком сожаления ответил Гайдар.— Тебе крепко повезло, что нам некогда, а то бы мы выяснили, как ты дошел до такого свинства, что стал колхозных свиней для немца стеречь...

Оставив возле сторожа часового, Аркадий Петрович перешагнул высокий порог и включил трофейный карманный фонарь, козырек которого отбрасывал свет прямо под ноги.

Товарищи стояли в нерешительности, не зная, что делать дальше: живьем свиней не повезешь. Резать тоже нельзя: учинят такой концерт, что слышно будет в Полтаве.

Операция, на которую возлагалось столько надежд, готова была сорваться из-за пустяка — из-за поросячьего визга.

— Что будем делать? — раздался в темноте неуверенный голос.

— Надо было друзья,— ответил Гайдар,— читать повесть Пушкина «Дубровский».

Аркадий Петрович открыл дверцу загородки, достал из кармана пистолет и приставил его к уху первой подвернувшейся под руку хавроньи. Раздался негромкий, как хлопок, выстрел, за ним второй, третий...

Через несколько минут двенадцать тяжелых туш было погружено на машину.

— Смотри, дед,— сказал Гайдар сторожу.— Развязывать тебя мы не будем, чтоб все видели — свиней увезли силой. А кто увез, ты не знаешь. Но если слово лишнее скажешь, найдем, под землей найдем...

Вернулись той же дорогой.

В лагере несколько дней разделывались и коптились свиные туши, которые, за неимением более подходящей кладовой, подвешивались на деревьях.

Аркадий Петрович работал с увлечением. Ему нравилось взбираться, как в мальчишеские годы, наверх по гладким стволам сосен или по лестнице из крепких дубовых ветвей, подымать за веревку, а потом привязывать к толстым сукам мешки с копчеными окороками и хорошо просоленным салом.

ГЛАВА XXVII

ОПЕРАЦИЯ «БАТАРЕЙКИ»

(Из воспоминаний бывшего батальонного комиссара Захара Максимовича Бугаева)

У костра мы сидели вдвоем. Вот так сижу я. Вот так Гайдар. Над огнем, на косо вкопанной рогулине, висит котелок. Кипятим чай с грушами.

У дуба стоит мешок с сахаром. Его утром забыли хозяйственники, и каждый, в меру своей несознательности, брал из мешка сколько хотел.

Конечно, это был непорядок. Но сахар все-таки считался баловством, и в том, чтобы съесть кусок-другой, никто зазорного не видел.

Гайдара я встречал и раньше, еще в Киеве, на пункте сортировки газет и журналов. Меня послали туда за свежей литературой. Знакомый политрук показал издали мужчину довольно-таки симпатичного, в красноармейской гимнастерке и командирской фуражке.

— Это,— объяснил он,— Аркадий Гайдар, корреспондент. Большой храбрости человек. Ему бы где подальше, а он все на передовую, все в окопы... В настоящее время интересуется летчиками и, сдается мне, собирается к вам.

Я Гайдара тогда еще мало читал. И что он за писатель, и всю биографию его — это я уж после войны узнал. Однако все-таки из книг его кое-что мне в руки уже попадалось.

Услышав, что собирается он к нам — а я в ту пору был комиссаром 425-го батальона аэродромного обслуживания,— погрузил я быстренько в машину газеты и журналы — и в свою часть.

Предупредил командира и всех, что надо ждать в гости писателя-корреспондента и потому должен быть порядок.

Порядок навели. Но Аркадий Петрович не приехал, и познакомиться с ним в тот раз мне так и не удалось.

И вот сидит он теперь рядом. Облокотился о трухлявый пень, подпер голову руками, и вижу: мысли его далеко-далеко.

— Прошу прощенья, Аркадий Петрович,— говорю ему,— только я интересуюсь знать: какую вы напишете книгу, когда мы из окружения выйдем?

Повернулся он ко мне и сказал в ответ всего, может быть, с десяток слов, но отвечал очень долго.

— Напишу...— сказал он и замолчал,— я напишу... как тридцать седьмая армия... попала в «рай»... попала в окружение... и как она из него... вырывалась...

И снова ушел в свои думы.

Ну, а мне с таким человеком любопытно беседу иметь, и я опять его спрашиваю:

— Что же вы, Аркадий Петрович,— писатель, а такой неразговорчивый?

— Максим Горький,— отвечает,— бо́льший писатель, а тоже был неречист.

Я засмеялся, а Гайдар, по-моему, даже обиделся.

— Чему,— спрашивает,— вы смеетесь?

— Верно очень подметили. Я ведь Горького слышал. В 1928 году. Он только что вернулся из-за границы и приехал к нам на завод «Красное Сормово». Собрались мы все на огромном дворе. Ждем. Выходит он на балкон — в плаще, в шляпе.

«Здравствуйте, дорогие мои товарищи сормовичи... Люблю я вас...— И как сказал он это, голос у него дрогнул, махнул он безнадежно рукой: — Лучше, говорит, я вам напишу,— и ушел».

— Значит, мы с вами земляки,— неожиданно улыбнулся Аркадий Петрович.— Правда, сам я из Арзамаса, но и Нижний и Сормово хорошо очень знаю. Много среди сормовских рабочих, помню, было настоящих революционеров.

Вскипел чай. Налили по кружке. Взяли сахару из мешка. Слышим — зовут радио слушать.

Сели в кружок у приемника. Подсоединили антенну. Я достал бумагу и карандаш записывать сводку: Горелов, командир, назначил меня агитатором. Ловим, ловим, а в приемнике только легкий треск. И лампы горят тускло, едва светятся.

Стали расходиться. Кто-то в последний раз крутанул до отказа ручку. И приемник заговорил. Голос был незнакомый, но русский, и звучал он приглушенно, словно издалека.

«...следние известия,— услышали мы, и голос вдруг пропал, и мы думали насовсем, но нет.— ...сообщению... командования... доблестные германские войска после... заняли Москву... Красной площади состоится грандиозный парад».

Заиграл марш.

В темноте чья-то рука рванула антенну, и приемник смолк. Стало тихо-тихо, будто лагерь вымер. Не было сил шевельнуться. Мы только смотрели друг на друга широко открытыми глазами.

— Врут... собаки,— шепотом произнес Гайдар.— Врут! — уверенно повторил он.— Помню, Киев был еще наш, а они уже пять раз передавали, что он взят.

— Но ведь взяли же они потом Киев, взяли! — заорал вдруг Филимон Шаповал.— Или скажешь, что не взяли?!

— Нет, взяли...

— Так что же ты нам, писатель, голову морочишь?! Коли ты такой шибко грамотный и тебе все на свете известно, скажи, что делать? Что?!

— Тебе... или кому? — негромко, но уже спокойно спросил Гайдар.

— Ну, хотя бы мне, мне-е!..

— Тебе — умыться холодной водой по пояс. А то ты сейчас шлепнешься в обморок, как истеричная барышня, а нюхательной соли приводить тебя в чувство у нас нет. Поваренная, натрий хлор, есть, английская, если нужно, тоже. А вот нюхательной, извини, нет. Не припасли.

Шаповала не любили. И срезал его Гайдар ловко. И все-таки словам Аркадия Петровича никто даже не улыбнулся.

— Положим, немецкое это радио и правда брешет,— сказал Андриан Степанец.— А что делать... если не брешет?

— Да поймите же вы наконец: Москва — еще не весь Советский Союз! — вскипел Гайдар.— Вся наша промышленность теперь на востоке. Тракторы, сколько можно было увезти, тоже на востоке. И пока будут работать заводы, пока с фашистами будет драться каждый, кто может, Гитлеру победы не видать...

— Легкое у тебя, писатель, сердце,— с издевкой произнес Шаповал.— Взяли Киев — плевать. Москву взяли — тоже плевать...

— Когда ты, Филимон, во весь свой богатырский рост еще под табуретом проходил,— тихо-тихо начал Гайдар,— я в гражданскую здесь, под Киевом, батальоном курсантов командовал... А в Москве... в Москве... в Большом Казенном у меня дом... Квартира там у меня.— Аркадий Петрович поискал что-то в кармане галифе.— Вот ключи.

И всем за Шаповала стало неловко.

— А вдруг и сама Москва еще что скажет? Попробуем, а? — сказал кто-то.

— Батареи сели,— объяснил Степанец.— А другие поди достань... Их раньше и в магазине, бывало, не всегда купишь.

— А ну, кто со мной? — подымаясь, спросил Гайдар.— Земляк, пойдешь?

— Куда? — спросил я.

— В универмаг...— печально усмехнувшись, ответил он.— За батареями...

Пошли вчетвером. Был с нами секретарь райкома комсомола Кислый и еще один парень. Гайдар нес на плече ручной пулемет, с которым не расставался. Пулемет у него всегда был опрятный, чистый. Только запасные диски он оставил в землянке. А на пояс привесил пистолет и гранаты-лимонки. У нас у всех были автоматы.

Не помню, как называлось село, куда мы пришли. Если бы довелось мне побывать в тех местах снова, нашел бы сразу. А название... Разве все деревни, сколько их на пути нашем встретилось, упомнишь?..

Было довольно поздно, когда мы подошли к крайней хате. Из-за ставен пробивался свет. Гайдар шепнул что-то парню, и тот остался у крыльца дозорным.

Мягко нажав щеколду, так что она даже не звякнула, Гайдар с пулеметом под мышкой вошел в хату. Мы за ним.

За столом сидели двое стариков. На лавке — молодежь, так в возрасте до пятнадцати лет.

— Здравствуйте.

— Вечер добрый. Сидайте.

— Спасибо.

Сели. Отдыхаем. Достали табак.

— Вы кто, извините, будете? — спросил, не выдержав, старик.

— Мы свои, дедушка, будем,— ответил Гайдар.

— Коли свои,— обрадовался старик,— может, повечеряете?

Поужинали. Кислый сменил часового. Гайдар спросил у хозяев, есть ли у них дети. Старик ответил, что двое сыновей у него в Красной Армии, а дочка — вон сидит в платочке в углу.

Посмотрели на дочку: лет тринадцати, белобрысая, курносая, с темными глазами. Она, как и остальные ребята, сидела тихо, почти настороженно, изредка перешептываясь с подругой и потрескивая семечками.

— Помешали вам? — спросил ребят Аркадий Петрович.

— Да ни. Что вы? Мы очень рады.

— А если рады, то почему такие скучные?

— Мы собрались,— сказал один парнишка, самый рослый из них,— думали, поговорим, посмеемся, веселее станет. А не весело, потому что война. Скорей бы она, что ли, кончилась.

— Но ведь сама-то она не кончится. Оттого что люди сидели на посиделках и скучали, ни одна война, сколько я знаю, быстрей не кончилась. А потом, представьте: освободят наши всю Украину, освободят вас и спросят: «А что вы, ребята, сделали для народа? Чем помогли ему в трудную пору?..» Что вы им ответите?

Ребята молчали.

— Разобьет Красная Армия фашистов,— продолжал Гайдар.— Станете вы большими. Вырастут и у вас свои дети. Что вы им расскажете, вспоминая тяжелое это время: что сидели на посиделках и щелкали семечки?.. Пионеры среди вас есть? — спросил вдруг Гайдар.

— Есть,— раздался робкий голос.

— Не вижу. Встаньте.

Все встали.

— А комсомольцев, значит, нет?

— Меня приняли в комсомол,— сказал все тот же парень.— Билет не успел только получить: экзамены сдавал. А потом вы зря, дяденька, нас корите. Если бы нам кто сказал, что делать, мы бы сделали. Верно, ребята?

— Верно... Сделали,— подтвердили те.

— И хоть в разведку, хоть в засаду какую,— закончил парень.

— В разведку вам ходить пока не надо,— ответил Гайдар,— хотя, может быть, и придется. В засаду пока тоже. А задание я вам дам. Идите сюда поближе.

Ребята сгрудились вокруг стола.

— Понимаете, там, откуда мы пришли, есть радиоприемник. Каждый день мы слушали Москву. А сегодня нам это не удалось. Иссякли батареи. Без них приемник работать не может. А без вестей с фронтов воевать нам будет и вовсе трудно... Нужно достать батареи для приемника. Вот такие.— И Аркадий Петрович поставил на стол черный прямоугольник с двумя проволочками, который вынул из сумки.

— Где же мы их возьмем? — смущенно и разочарованно спросил парень-комсомолец.

— Если бы мы знали, где их взять,— ответил Гайдар,— мы бы пошли и взяли.

— А у Петьки! — воскликнула хозяйская дочка.— У Петьки есть!

— У какого Петьки? — спросил парень.

— Да у Чернухи. Ну у того, что живет напротив керосиновой лавки. У соседки ихней, тетки Акулины, в прошлом году еще сарай загорелся.

Все обрадованно засмеялись.

— А ты откуда знаешь, что у него есть? — улыбнулся Гайдар.

— Так они же, дядечка, на Первое мая приемник большой купили.

— Вспомнила! — произнес парень.— Приемник этот, Галька, давно уже сдали. Приказ такой был.

— Так ведь я же и говорю, что приемник они сдали! — обрадовалась Галька.— Но ведь про приемник я ничего не говорю. Я про батареи только говорю. А батареи Петька себе оставил. Мне, говорит, они еще пригодятся.

— Откуда же ты, дочка, про такое знаешь? — спросил ее отец.

— Так ведь Манька ихняя третьего дня прибегала. Плачет.

Я говорю:

«Ты чего, Манька, плачешь?»

А она говорит:

«Мамка в Хоцки ушла. А Петька меня из дому выгнал: «Уйди, говорит, Манька. Я тут одну вещь делаю».

А ей уходить неохота. Она и отвечает:

«Да не буду я твою вещь трогать. На что она мне сдалась».

А Петька говорит:

«Ты можешь ее и не трогать. Ты можешь только мимо пройти, пол задрожит, волоски замкнутся, и такое будет!..»

Манька разозлилась и заорала:

«Ты все врешь, ты все врешь! Никакой вещи у тебя нет. А я знаю: я уйду, а ты будешь мед без меня из кринки есть».

А Петька засмеялся:

«Эх ты, говорит, дура медовая... Кругом война, а тебе

бы только кринки лизать.— И выгнал. И еще пригрозил: — Проболтаешься — домой не приходи».

Вечер уж. Манька сидит здесь на лавке, плачет. «Хочу, говорит, домой». Пошла я ее проводить. Подходим к хате — темно.

«Петька, наверное, в чулане»,— объясняет Манька.

Постучались мы к нему. Входим. Сидит он за столом. Лампа горит. А на столе навалено, навалено — и тарелки какие-то железные, и пули лежат, а с краю — такие вот две батарейки...

— А ну, Галя, проводи-ка нас к этому Петьке, да заодно посмотрим, какую он вещь там делает,— сказал, подымаясь, Гайдар.

— Ни, дядечка, вы не ходите. Лучше мы одни сходим. Правда, Федь? — повернулась она к старшему.

— Вы посидите, мы быстро,— согласился Федя.

...Вернулись ребята через полчаса. Запыхавшись от бега, они поставили на стол четыре батарейки. Две были даже не распечатаны.

Аркадий Петрович быстро посмотрел срок годности, проверил на язык и кивнул:

— Всё в порядке... А где сам Петька?

— Мать не пустила... «Одна, говорит, теперь осталась радость — поспать, так и то не дают. Никуда Петька с вами сейчас не пойдет. Приходите утром». И даже обозвала...

— Нам-то утром прийти не удастся,— с сожалением произнес Гайдар.— Может, в другой раз увидимся... Спасибо вам, хозяева, за угощение,— обратился он к старикам.— Спасибо вам, ребята, за помощь. А Петьке скажите: приходили военные и благодарили. От имени Красной Армии благодарили.

...В лагере мы появились под утро. Подсоединить батареи было делом одной минуты. И едва мы настроились на знакомую волну, как на весь лес раздался мощный левитановский голос:

«Го-во-рит Моск-ва-а! Го-во-рит Моск-ва-а! Московское время 6 часов... От Советского Информбюро...»

Из всех землянок бежали люди, полуодетые, босые.

По щекам многих бойцов катились слезы. Но партизаны их не замечали.

Наверное, потому, что не стыдились.

ГЛАВА XXVIII

СОРВАЛОСЬ!..

— ...Убили бы одного часового, потом дальше... Убили бы другого часового. Вошли бы в тюрьму. Убили бы надзирателя...

— Что-то уж очень много убили бы, Владик! — поежившись, сказала Толька.

— А что их, собак, жалеть? — холодно ответил Владик. — Они наших жалеют?..

Аркадий Гайдар,
«Военная тайна»

Аркадий Петрович очень сожалел, если операция обходилась без него. Казалось, он даже страдает: так ему хотелось всюду поспеть. Гайдар, например, не мог себе простить, что не участвовал в освобождении наших пленных, хотя ни он сам, ни кто другой в этом не был виноват.

Незадолго до прихода в партизанский отряд группа Орлова расположилась на отдых в лесу. Полковник дал команду всем, кроме дозорных, спать. Гайдар отпросился в разведку, пообещав принести что-нибудь поесть.

Не успел Орлов, подняв воротник кожаного пальто и подложив под голову планшет, закрыть глаза, как его разбудил часовой:

— Товарищ полковник, колонна... Вон там на проселке... По-моему, наши. Только, кажется, пленные.

Орлов стремительно поднялся. Вместе с дозорным они спрятались за ствол дуба.

Орлов увидел неубранное пшеничное поле, прорезанное кривой полосой проселка. По дороге шла колонна. Верней, не шла, а ползла — так медленно она двигалась. Вдоль нее сновали гитлеровцы. Один из них, стоя спиной к лесу, размахивал руками, тыча ими куда-то вперед: видимо, кого-то бил.

А затем случилось то, чего Орлов долго не мог забыть.

Пленный, который шел последним, начал отставать. Наклонившись вперед, он старался делать большие шаги, но расстояние между ним и колонной все увеличивалось,

Красноармеец упал, испуганно — видно было, как он старался,— встал и снова упал. Тогда к нему приблизился немец, который размахивал руками. Что-то сделал — за спиной его не видно было что,— и до леса, с опозданием, как эхо, донеслась очередь.

Орлов не был новичком на войне. Он много раз видел, как погибали люди, но чтобы безнаказанно убивали безоружного, обессилевшего человека — такое он видел впервые.

— Подымай людей! — приказал полковник дозорному.

Когда колонна приблизилась к лесу, бойцы выскочили из чащи и побежали по несжатой пшенице. Они кричали «ура» и палили в воздух, чтобы напугать гитлеровцев и дать возможность красноармейцам разбежаться. Стрелять прицельно бойцы Орлова не могли — попали бы в своих.

Охрану перебили сами пленные. Двух фашистов задержали. Когда их привели к полковнику, они испуганно, однако требовательно что-то объясняли.

Переводчик Миша Пенцак, глядя куда-то в сторону, повторял за ними уже по-русски, что солдаты эти мобилизованы, им приказали вести пленных, они и повели. У них есть семьи.

Немец с медалью достал из кармана фотографию. Он в праздничном костюме, жена, маленький сын в коротких штанишках с мячом в руках. Все трое смотрят в аппарат и смеются.

А сейчас немец умоляюще смотрел на Орлова.

Сцена, признаться, была тяжелой.

И вдруг один из спасенных красноармейцев, завидя солдата с медалью, на мгновение остолбенел, потом набросился на него, повалил и стал душить.

Двое товарищей с трудом оторвали его от конвоира, который поспешно поднялся и стоял теперь в стороне, держа в руках смятую фотографию. А красноармеец плакал и только повторял.

— Пустите меня... Это он пристрелил раненого лейтенанта... Пустите...

Гайдар пришел часа через два. Он принес хлеб, завернутое в белую тряпицу сало и точные сведения о том, где стоят немцы и куда лучше не заходить.

И хотя вылазка его была успешной, Аркадий Петрович сокрушался, что его угораздило рано уйти из лесу.

Он долго разговаривал с освобожденными красноармейцами (некоторые пожелали остаться в группе Орлова), и те сказали, что вели их в концлагерь, в село Жерноклевы.

...Жерноклевы оказались недалеко от Леплявы, километрах в сорока. Бывая в деревнях, Гайдар много слышал о концентрационном лагере. Женщины часто ходили туда в надежде найти кого-нибудь из близких. Находили редко. Но возле ограды всегда стояла стена людей.

Пленным бросали хлеб, сало, сухари, картошку. Иногда записки.

Если удавалось узнать имя и фамилию заключенного, какая-нибудь женщина объявляла, что в лагере ее брат или муж. Тут же находились «свидетельницы», которые подтверждали, что это в самом деле муж. И пленного освобождали. Но случалось такое не часто. А красноармейцы за проволокой умирали ежедневно.

Аркадий Петрович отозвал в сторону Горелова и предложил освободить пленных. Оба понимали, что задача не простая, и для начала послали в Жерноклевы разведчиц — Нату Исаевну Евдокимову и дочь комиссара, пятнадцатилетнюю Машу Ильяшенко.

Разведчицы вернулись через день. Они положили перед Гореловым план лагеря, начерченный на мятом лоскутке.

— Здесь село,— объясняла Ната Исаевна.— Тут фермы, огороженные колючей проволокой. В этих местах стоят вышки с пулеметами. Всего пулеметов у них восемнадцать...

— Охрана в шубах,— добавила Маша.— Не мерзнут и греться ходят редко.

Разведчицы были явно испуганы тем, что они увидели.

— Это все, девочки, пустяки,— ответил Гайдар, который вместе с Гореловым внимательно их слушал.— Скажите, народ возле лагеря бывает каждый день?.. А когда его больше — днем или вечером?.. А какие здесь подходы и подъезды — отметьте на вашем плане... Пулеметы сами видели или кто сказал?

Разведчицы объяснили, что подходили к самой проволоке, народу больше всего днем. С темнотой немцы всех разгоняют, боятся.

Аркадий Петрович слушал, чертил что-то на листке. И чем больше подробностей узнавал, тем веселее бегал по бумаге его карандаш.

План разрабатывали тщательно. Заманчиво было подобраться к лагерю днем, раствориться в толпе, приблизиться к проволоке, а потом, по команде, забросать гранатами пулеметы. Но гитлеровцы в суматохе могли перестрелять женщин. И тогда остановились на проверенном варианте: отправиться в Жерноклевы на машине.

Выехали. В грузовике находилось человек двадцать. Аркадий Петрович ехал в кабине с Касичем. Настроение у него было тревожное. В селах, конечно, знали про операцию в Калениках. И новая вылазка могла уже так легко не сойти.

Но пока все протекало благополучно. Добрых три четверти пути оставались позади, а их никто ни разу не пытался остановить. За окнами кабины мелькнул указатель: «В Жерноклевы».

— Осталось километров пять,— объяснил Касич Гайдару.

— Проедешь еще немножко, а там свернем куда-нибудь в сторону,— ответил Аркадий Петрович, не снимая рук с пулемета, который он держал за ствол.

Касич кивнул, внимательно вглядываясь в дорогу: становилось совсем темно, а фар он не зажигал.

...Автоматы забили с обочины дороги. Пули жестяно ударяли по капоту и дверцам. Одна, пробив стекло, дзенькнула возле самой головы Гайдара.

Кто стрелял, было не разобрать.

— Не стреляйте, свои! — крикнул Гайдар, выпрыгивая из кабины в канаву. Он думал: это партизаны другого отряда приняли их за немцев или полицаев.

Но огонь только усилился. Значит, стреляли даже не полицаи. Стреляли немцы.

Остальные партизаны тоже попрыгали из машины и теперь отстреливались, но операция все равно была сорвана.

— Отходим в лес,— скомандовал Гайдар и дал по кустам длинную очередь из пулемета.

В лагерь Аркадий Петрович вернулся сам не свой, недоумевая, с чего бы немцам вздумалось, да еще по ночам, устраивать засады на дорогах.

А вскоре выяснилось, что за несколько часов до появления партизан неизвестные смельчаки попытались освободить заключенных. Но действовали неумело, сделать ничего не смогли, а переполох вызвали большой, сорвав операцию отряда Горелова.

...Ночуя в одной землянке с Тютюнником, Гайдар под утро разбудил Ивана Сергеевича громким криком:

— Обходи!.. Слева обходи!.. Да не так!..

— Аркадий, Аркадий, что с тобой, проснись,— заволновался Тютюнник.

Гайдар открыл глаза, обвел взглядом полутемную землянку:

— Ты, Ваня, меня прости... Мне тут кое-что приснилось: показалось, окружаем тот лагерь...

К неудавшейся операции Аркадий Петрович возвращался в разговорах не раз. Его успокаивала мысль, что, если подготовиться как следует, заключенных можно будет освободить даже теперь, несмотря на усиленную охрану.

...Неожиданно разведчики донесли, что лагерь перевели в другое место.

ГЛАВА XXIX

СЕМЬЯ СТЕПАНЦОВ

В отряде Гайдар подружился с Андрианом Алексеевичем Степанцом. Работал Степанец председателем колхоза. Слыл человеком скромным, даже незаметным. На задания, однако, ходил со всеми. На рожон никогда не лез. Зато и в минуту опасности не робел.

Партизаны познакомились и с его семьей. Была она большая: жена его, Афанасия Федоровна, да теща, баба Устя, да четверо детей: двое мальчишек, Витя и Коля, да две еще совсем маленькие девочки Лида и Нина.

Познакомились потому, что стали бывать в доме. Сначала приходили редко: опасались — вдруг кто увидит. Но Андриан Алексеевич настойчиво уверял: если приходить, когда темно, ничего страшного нет. И партизаны согласились.

Соблазн иметь в селе явочную квартиру был очень велик: идешь ли в дальнюю деревню, возвращаешься ли с задания,— всегда можно зайти, узнать новости, послать, если нужно куда, мальчишек, а заодно погреться, поесть, а то и поспать в тепле до утра.

И пока ты короткие часы эти спишь, жена Андриана, Феня, постирает рубашку, просушит портянки, наварит

картошки на завтрак. И ты выходишь из дому в знобкий туман, радостно ощущая, как тепло ногам и всему телу.

И в тот вечер, о котором хочется сейчас рассказать — я знаю о нем со слов бывших мальчишек, Вити и Коли (они давно уже взрослые),— все было как обычно.

Дом уже спал, когда в окно постучали.

Афанасия Федоровна быстро соскользнула на пол, добежала босиком до двери, отодвинула засов.

Сначала в сенях, а потом в большой половине избы стало сразу тесно от людей, шинелей, полушубков и в углу сложенного оружия.

Афанасия Федоровна отодвинула заслонку печи. Выгребла кочергой несколько угольков, вздула огонь (спички берегли, как соль), зажгла лампу. Но поставила ее сначала под лавку, чтоб свет не был виден с улицы. Вместе с бабой Устей завесила окна одеялами, подняла с полу лампу и стала колдовать ухватами.

И пока она готовила поздний ужин, партизаны занимались каждый своим делом.

Аркадий Петрович, войдя в дом и поздоровавшись, еще в темноте сел на свое место возле окна. Когда лампа появилась на столе, достал из брезентовой противогазной сумки тетрадь и принялся за работу.

Писать в хате было хорошо: тепло, не стынут руки.

Партизаны старались разговаривать и ходить очень тихо. И все-таки нечаянно разбудили Колю и Витю, которые спали на печке.

Вите минуло девять. Был он мальчишка проворный и частенько лез не в свое дело. Зато если о чем попросить, исполнит в момент и всегда изобретательно.

Коля был старше на три года, держался куда солидней и к брату относился снисходительно.

Лишь только с приходом партизан братья просыпались,— мать тут же отсылала их к своей сестре, тетке Марии, за солью.

А тетка Мария, странный человек, никакой соли не давала, а, наоборот, начинала сердиться и говорить, что никуда их в такую темень не отпустит, и загоняла на печку спать.

Домой ребята приходили утром, когда партизан давным-давно не было, и мама — тоже странный человек — никогда

Колю с Витей за это не ругала и соли почему-то не спрашивала.

Поняв однажды, в чем тут дело, братья договорились между собой, проснувшись, сидеть тихо-тихо, потому что бежать к тетке Марии ночью за солью было холодно и, конечно же, совсем не интересно.

И в этот вечер они вполглаза выглядывали из-за широкой выбеленной трубы: все видели, все слышали, а их не замечал никто, пока Витя, устраиваясь поудобней, не зашуршал сухой кожей полушубка, заменявшего им одеяло.

Гайдар, который неторопливо писал, не обращая внимания на суету вокруг, услышав этот шорох, быстро поднял голову и заметил ребят, которые также быстро спрятались за трубу.

Аркадий Петрович усмехнулся, захлопнул тетрадь, аккуратно положил ее в сумку и подошел к печке.

Ребята сидели у самой стенки, блестя в полумраке глазами, обрадованные и немного испуганные: они уже знали, что сейчас начнется веселый разговор, но боялись, что мама тут же пошлет их за солью.

— Слышу, на печи кто-то скребется,— сказал Аркадий Петрович.— Думал, это мыши. Оказывается, вы. Ну, здравствуйте.— И Гайдар осторожно пожал несмелые ладошки братьев.

Афанасия Федоровна, которая несла миску картошки к столу, бросила на сыновей своих недовольный взгляд, но ничего не сказала.

Братья поняли, что сегодня им, кажется, повезло, и тогда Витя совсем расхрабрился.

— Дядя Аркадий, — спросил он,— почему когда вы нас видите, то сначала как будто бы радуетесь, а потом вдруг печалитесь?

— Это я оттого радуюсь, что вас вижу, и оттого печалюсь, что Тимура своего давно не видел и, как он там без меня, не знаю,— ответил Гайдар.

— А где он? В Москве?

— Был в Москве, а теперь совсем в другом городе — Чистополе.

— Так вы напишите ему туда письмо.

— Письма, положим, я ему много раз писал,— отослать все не с кем: фашисты кругом, почта не ходит... Ну да,

в общем, это уж недолго: прогоним фашистов, и тогда мы с ним увидимся.

— Дядя Аркадий,— снова спросил Витя,— а взрослые много знают?

— Много... А что? — удивился Гайдар.

— А вот дядя Игнат, мамкин брат, говорит: кто много знает, у того обязательно все зубы высыпаются.

Аркадий Петрович засмеялся, и Коля засмеялся тоже, закивав головой: мол, действительно было такое.

Неумная поговорка «Много будешь знать — скоро состаришься» не раз обижала в детстве самого Гайдара. И он это помнил. И хотя беседа с ребятами сейчас не входила в его намеренья — он предпочел бы еще поработать,— уловив в голосе Вити недоумение, Аркадий Петрович сбросил сапоги, легко забрался на печь, поджал по-турецки ноги и стал слушать.

— Зовет он вчера меня и Кольку,— продолжал Витя.— «Поедемте, говорит, со мной в лес за дровами». Мы удивились, потому что мамка сказала: дров у нас во дворе теперь уже лет на пять хватит. Ну, все-таки раз на лошади, то отчего не поехать.

Петляли мы по каким-то незнакомым дорогам. Я даже один раз испугался: вдруг Игнат нас куда-нибудь завезет и там бросит? Говорю потихоньку об этом Кольке. А Колька... А Колька дал мне затрещину, и мы поехали дальше.

Гайдар посмотрел на Колю, тот смутился. Но ничего не ответил.

— Остановились у болота. Дядя Игнат соскочил с телеги и велит нам:

— Вы пособирайте тут хворост, да чтобы посуше, а я скоро приду.

Мы собираем, складываем на воз.

Вдруг слышим: дядя Игнат с кем-то разговаривает, да громко так, будто спорит.

Ну, думаем, на лесника нарвался.

— Посмотрим? — говорю Кольке.

— Посмотрим!..

Подкрались мы незаметно и видим: стоит Игнат, с ним незнакомый дядька, у дядьки этого немецкий автомат, и говорят они про какую-то взрывчатку, которую надо вытапливать, как сало.

Подивились мы с Колькой и пошли обратно к подводе. Едем домой, я и спрашиваю:

— Дядя Игнат, а дядя Игнат, а как это, интересно, вытапливают взрывчатку?

А он как рассердится:

— Много будешь знать — у тебя все зубы высыплются!

Гайдар засмеялся, да так весело, что минуты две не мог успокоиться: у него даже выступили слезы.

— А Игнат Федорович, пожалуй, прав, пожалуй, прав,— раздумчиво произнес Аркадий Петрович, и по тону его трудно было понять — говорит он всерьез или шутит.— Взять меня, например, я много в своей жизни ездил, многое видел, много книг прочитал, несколько даже сам написал. Зубы у меня—во, видите?—и высыпались. Пришлось пойти к врачу и вставлять новые. А если бы я с детства столько же знал, то дела мои и вовсе были бы плохи.

И у Гайдара вдруг сделалось такое печальное лицо, что Вите с Колей стало даже немного жалко, что такой хороший человек так сильно пострадал от своей любознательности.

Но по лукавому и пристальному взгляду ребята догадались — шутит.

— А дело, Витя, вот в чем,— серьезно, как большому, сказал Гайдар.— Вы с Колей нечаянно подглядели то, чего совсем не должны были видеть. И дядя Игнат побоялся: если он все объяснит, кто-нибудь из вас непременно проболтается.

— Чтоб мы с Колькой проболтались? — обиделся Витя.— Да ни в жизнь! Правда, Коль?..

Коля кивнул.

— Мы же, дядя Аркадий, не маленькие, мы же понимаем...

— Я не говорю, что нарочно. Я говорю — нечаянно...

— И нечаянно тоже.

И Витя отвернулся, всем своим видом показывая, что он оскорблен и что Гайдару, какой бы он там ни был веселый и хороший, придется немало помучиться, прежде чем он, Витя, согласится с ним дружить.

— Ты в этом уверен? — спросил Аркадий Петрович.

— Уверен,— не оборачиваясь, бросил Витя.

— Тогда хорошо,— примирительно произнес Гайдар.—

В таком случае ты меня прости... Обижать тебя я ведь не хотел...

— Ладно уж,— отходчиво ответил Витя, польщенный тем, что вышел победителем из этого спора.

И лишь Коля, который молча наблюдал за разговором и в душе считал, что брат его по привычке слегка зарвался, уловил в голосе Аркадия Петровича лукавинку.

— Витя,— обведя глазами избу, неожиданно спросил Гайдар,— а что это я не вижу сегодня бабу Устю: не больна ли она?

— Дак ее ж дома нет!

— Как — нет? А что случилось?!

— Да ничего не случилось: просто в лес к вам пошла, сала да лепешек отнести. Скоро уже она обратно придет. Вот вы ее и увидите,— сказал Витя, очень довольный своим толковым ответом.

— Ты, наверное, Витя, все-таки ошибаешься. Иначе бы мы, когда шли сюда, по дороге бы с ней обязательно встретились...

— Правду же я вам говорю! — вспылил Витя.— А если не верите, то хоть у мамки спросите. Бабушка ей перед уходом еще говорит: «Я коржиков из хорошей муки напекла, заодно уж хлопцам в лес отнесу, пусть поедят, а то они там голодные».— И Витя, сверкнув черными глазами, победно посмотрел на Гайдара.

Аркадий Петрович спокойно выдержал взгляд, только сразу помрачнел:

— Вот этого ты мне и не должен был говорить,— строго и печально, глядя мальчику прямо в лицо, сказал он.— Будь на моем месте кто другой, дорого обошлась бы твоя откровенность и бабушке, и маме, и, может быть, всему отряду...

— Но ведь это я только вам... Батька говорит: вы такой человек...

— Никому, Витя, никому, если тебе этого не поручали, если тебе этого не приказывали. Ты нечаянно, как вчера в лесу, подслушал военную тайну. (Витя удивленно вскинул голову.) Да, да, не смотри на меня так: то, что бабушка бывает у нас в лесу, то, что она приносит нам сало и коржики,— тоже военная тайна, которую не должны знать немцы. Подумай, что будет, если нам перестанут носить в лес про-

дукты, если нас перестанут кормить?.. Ведь мы умрем там с голоду, а фашистам только этого и надо.

Аркадий Петрович помолчал.

— Ты еще не понимаешь: чем меньше народу знает какую-нибудь тайну, тем легче ее сохранить; ты еще не понимаешь, что такое война. А на войне люди за каждую ошибку расплачиваются жизнью: не только своей, но и чужой.

Подавленный тем, как обернулся поначалу веселый разговор, Витя сидел, опустив голову и свесив босые ноги. Хотелось плакать от горя, от ощущения непоправимой беды, потому что Гайдар, так думал Витя, никогда ничего ему теперь не доверит и скажет другим, чтобы не верили тоже.

— Ты, никак, собрался реветь? — насмешливо спросил Аркадий Петрович.— Мужчинам реветь стыдно,— и, мягко спрыгнув на устланный соломой пол, бережно взял мальчика на руки и прижал к себе.

Но, даже сидя на руках у Гайдара, Витя не поднимал глаз, пока его пальцы привычно не коснулись алых знамен и серебряных фигурок на овальном ордене.

Раньше ему орден трогать дозволялось, а теперь мальчик испуганно отдернул руку и посмотрел на Аркадия Петровича: вдруг рассердится?

Но Гайдар, засмеявшись одними глазами, легонько кивнул ему: можно, мол, трогай.

Витя облегченно улыбнулся: не сердится.

— Дядя Аркадий,— робко, почти шепотом произнес мальчик,— а вам орден за храбрость дали?

— Нет, за мои книги.

— А почему вам не дали за храбрость? Партизаны, когда приходят из леса, всё про вас говорят.

— За храбрость награждать надо не меня. Награждать надо маму твою и бабушку Устю, которые не боятся нам помогать, награждать надо таких, как вы с Колей.

— А мы?.. А нас за что?

— Как — за что? С поручениями бегали?

— Бегали.

— Листовки по селу разбрасывали?

— Разбрасывали.

— Ведь, если бы полицаи вас с листовками или с чем другим поймали, плохо бы вам пришлось?..

— Плохо,— согласился Витя.

— Так вот, кончится война, и если останемся живы, то напишу я большую книгу. Расскажу в ней о том, как наши бойцы обороняли Киев, как многие смелые люди ушли потом в партизаны, расскажу про бабушку Устю, про маму вашу Афанасию Федоровну и про тебя с Колей. Выйдет эта книга, прочтут ее товарищи из правительства и скажут: «Вот, оказывается, какие смелые люди живут в селе Леплява!»

И дадут — кому орден, кому медаль, а кому просто крепко пожмут руку и скажут:

«Спасибо!»

ГЛАВА XXX

ОШИБКА

Командованию отряда предстояло немедля решить, как поступить с Корнеем Костенко.

Был он председателем колхоза. Хозяйство вел умело. В какое бы отстающее село его ни послали,— вытягивал. И все равно народ на него смотрел косо.

Ходила за Корнеем, как тень, молва, будто служил он в гражданскую лихим казачьим есаулом и немало пролил кровушки, рубя и стреляя людей, что боролись за народную власть, при случае рисуя острой шашкой на живых, вздрагивающих спинах разные забавные узоры.

А когда советская власть установилась, закопал он галифе с лампасами и погоны, смазанную салом шашку и отдельно припрятал, чтоб всегда был под рукой, наган.

Слухи пытались проверить. Но бумаг, подтверждающих, что был Костенко есаулом, сколько ни перерыли архивов,— не нашли. Свидетели не объявились тоже.

Молва и тут объясняла, что Корней, умнейший мужик, еще тогда, в двадцатые годы, опасаясь, что прошлое его может всплыть, предусмотрительно убрал возможных свидетелей,— где своими руками, где еще как...

Но и этого нельзя было проверить.

А поскольку колхозы, где ставили его председателем, выполняли план и сдавали в срок что им положено, а сам Корней, выступая на собраниях и активах, говорил какие нужно

слова, то порешили, порядка ради, считать слухи вздорными и расследованиями впредь не заниматься.

В 1940 году приняли Костенко кандидатом в партию. И проходил он кандидатом до самой войны.

Летом 1941-го, когда отбирали тайно людей в партизанский отряд, Горелова в Полтавском обкоме предупредили, что от подпольного центра будут приходить к ним связные.

Явочной квартирой для связных станет вполне надежный дом одного из лучших председателей, Корнея Яковлевича Костенко.

Горелов хотел сказать про слухи, которые ходили про Корнея. Но удержался: неудобно. Мало ли кто что говорит. А дело здесь серьезное. И не к лицу ему, руководителю района, только что назначенному командиром отряда, повторять досужие сплетни...

Для снабжения людей из центра, а также для других, пока не предвидимых надобностей, стали завозить по ночам во двор Корнея полушубки и нижнее белье, валенки и солдатские сапоги, муку, сахар, консервы, мед и спирт.

Подводчики сгружали все в сарай. А прятал в надежных местах, уже без них, сам хозяин.

В сентябре Гельмязево заняли немцы, а через несколько дней объявили сходку.

Перед зданием райисполкома плотники спешно соорудили нечто среднее между трибуной и эшафотом. Когда собрался народ, на возвышение поднялись два офицера, несколько штатских из числа украинских националистов и Корней Костенко. Охраняли возвышение автоматчики.

Офицер с крестом на шее и черно-красной ленточкой в петлице произнес с помощью переводчика речь о том, что с приходом новой, немецкой власти должно быть новое, без коммунистов, самоуправление. И потому «хозяином района теперь будет известный всем рачительностью своей пан Костенко» — председатель районной управы.

Люди подавленно молчали. Многие знали Корнея. Кто раньше не встречался с ним, видели портреты в газетах. Вот когда им припомнились слухи...

— Господин хороший,— раздался из толпы старческий голос.

Люди расступились. С возвышения стал виден дед. Он стоял, опершись обеими руками на палку.

— Господин хороший,— повторил старик.— Вот вы говорите, что новая власть будет без коммунистов... Как же без коммунистов, если Корней-то Яковлевич — партийный?..

Штатский озабоченно и быстро перевел слова деда офицерам. Они засмеялись. Высокий, с крестом, сказал что-то в ответ. Тогда засмеялся и штатский и, довольный, сообщил:

— Господа офицеры велели вам передать: побольше бы таких «коммунистов». Тогда победоносной германской армии легче было бы устанавливать новый порядок...

И стал Корней Костенко районным старостой. Он тут же начал вербовать людей в так называемую охрану села, а попросту говоря—в полицию. Первыми записались: Погребной, Ильяшенко Иван. А затем Костенко издал постановление.

В нем предлагалось всем коммунистам пройти регистрацию и сдать партийные документы. Постановление заканчивалось призывом: «Немецкие власти нам говорят: честно работайте, и вам ничего не будет».

О назначении Костенко старостой в отряде узнали от пятнадцатилетней разведчицы Маши Ильяшенко. Поначалу партизаны думали, что все это маскировка. Но действия Костенко день ото дня становились все наглей.

В землянке Горелова собрался совет отряда. Командир коротко обрисовал ситуацию и по райкомовской привычке спросил, какие будут мнения.

— Убрать, и дело с концом,— сказал комиссар Мойсей Иванович Ильяшенко.

— Убрать его мы всегда успеем,— ответил Горелов.— Этого уберем — другого назначат. И скорее всего, другой будет еще хуже. Надо попробовать заставить его на нас работать. Вспомните леплявского старосту.

...Однажды в лагере появился секретарь Леплявского сельсовета Пилипенко. Немцы предложили ему, поскольку он всех в деревне знает, должность старосты.

Пилипенко был напуган неожиданной милостью пришельцев.

В отряде его внимательно выслушали и сочувственно сказали: «Оставайся у нас».

И тогда Гайдар спросил:

«А зачем ему оставаться?.. Пусть будет старостой. Нам же лучше, если староста — свой человек».

Совет, как всегда, оказался разумным.

Партизаны получали теперь копии приказов и постановлений германских властей, а сестра Пилипенко пекла для отряда хлеб.

Конечно, случай с Костенко был неизмеримо сложней, и после споров сошлись на том, что не следует торопиться...

Ночью к Гельмязеву бесшумно подкатила машина. Из нее выпрыгнули Горелов и еще человек десять. Цепочкой двинулись вдоль заборов. Фонари не горели. И бойцы быстро добрались до хаты Корнея.

Окружили ее, а трое, с Гореловым во главе, постучались в дом.

Костенко долго не открывал. Но, убедившись, что люди с автоматами стоят у каждого окна, отпер.

Никто сейчас не может сказать, как протекал разговор. Известно только, что Костенко насмерть перепугался и уверил, что не делал и не сделает ничего во вред партизанам. Наоборот, будет оказывать помощь. И тут же предупредил, что утром в лес придут немцы.

— Обманешь — смотри,— сказал ему напоследок Горелов и постучал дулом нагана по столу.

Немцы в самом деле появились у лесопильного завода. Было их несколько человек, они покрутились, постреляли в консервные банки и ушли.

А дня через два, изрядно пьяный, Костенко ввалился к недругу своему Анисиму Васильевичу Плите.

Много раз выступал Анисим Васильевич на собраниях, убеждая не доверять Корнею. В словах, в повадке, даже в ухмылке его чувствовал Анисим Плита чужака.

А доказать, сколько ни пробовал, не мог. И случалось, пристыженный, под веселые шутки товарищей, покидал трибуну.

И вот районный староста в новом драповом пальто пожаловал сам.

Не снимая шапки, уселся. Чтоб показать — костюм на нем, между прочим, тоже новый,— развел полы своего демисезона и, улыбаясь, уставился на Анисима Васильевича.

Завертывая самокрутку, Плита просыпал табак, и цигарка вышла тощей. Но зачем пожаловал гость, спрашивать из гордости не стал.

А Костенко продолжал улыбаться. Ему нравилось, что вот ведь он кому-то улыбается. Чувствует себя добрым, как, например, теперь, когда взял и сам пришел к старинному ворогу своему... А мог и не прийти. Мог только приказать, и хлопцы — фью-ють! — схватили бы цего Анисима за белы руки и приволокли к нему в служебный кабинет, где можно было бы, кое-что припомнив, поговорить и по-другому. Но он добр. Пришел сам. Хотя теперь он уже не председатель какого-то паршивого колхоза. Теперь он уже хозяин — хозя-ин! — всего района. А люди, несмотря на доброту его, все-таки его боятся. И правильно. И он теперь нарочно ходит по злокозненным домам. Никакой дани там не берет. (Что надо, хлопцы принесут.) Он самолично дань только страхом берет, потому что сам столько лет боялся людей. Знает, что это такое.

Тяжело сопя, Корней полез в задний карман штанов и с силой, будто колодой карт, хлопнул по столу пачкой бумажек с обтрепанными краями.

— Читай,— позволил Корней.— Не бойся.

Плита стал читать. В первой бумажке рыжевато-коричневыми, словно кровью выведенными буквами было написано, что сие удостоверение дано есаулу такой-то сотни желтоблокитной армии батьки Петлюры Костенко Корнею Яковлевичу... Остальные были о том же.

— Вот так,— пряча документы в бумажник, произнес Корней.— Советская власть меня ловила-ловила. Не поймала. Горелов со своими хлопцами приезжал — и у них ничего не вышло. А говорю я это для того, чтобы ты, Анисим, при случае переказал в лесу этим дуракам: нехай со мной лучше не вяжутся, а идут сюда, в Гельмязево, сдают ружья и как положено работают. Немец, когда на него работают,— он ценит.

«Совет» предателя стал известен в отряде к утру.

Горелов приказал схватить и привести Корнея в отряд. Старшим группы назначил Гайдара.

Десять бойцов еще засветло выехали на машине из лагеря. А когда приблизились к Гельмязеву, было уже совсем темно.

Полуторку оставили в кустах на окраине. Задами вышли к дому Костенко. В окнах — ни огонька.

Аркадий Петрович неслышно расставил часовых. А сам вместе с младшим лейтенантом Тонковидом поднялся на крыльцо. Взял на изготовку пулемет:

— Стучите.

Тонковид осторожно постучал...

Еще постучал...

— Вроде дома никого нет,— повернулся он к Гайдару.

— А ну крепче!..

Тонковид ударил прикладом.

— Кто такие?! Что надо?! — раздался сразу встревоженный женский голос.

— Откройте!.. Полиция!..— громко сказал Гайдар.

В окне было видно, как внутри хаты вспыхнула спичка, потом загорелся каганец, загремели засовы и дверь отворилась.

Гайдар осветил карманным фонарем сени с молочными бидонами. Осмотрел все углы хаты, заглянул на полати. Тонковид его сопровождал.

— Это квартира Костенко?..

— Да...

— Корнея Яковлевича?..

— Да.

— А где он сам? — допытывался Аркадий Петрович.

— Уехал в Золотоношу. Мы закололи кабанчика, так он повез свеженького мяса тамошнему начальству. Ну, как в подарок.

— Понятно...— кивнул Гайдар, с интересом оглядывая стены, увешанные такими же фотографиями, как и в любой другой избе.

— А кто мы такие, знаете?

Женщина еще раз глянула на кубики Тонковида, тускло блестевшие из-под кожаной его куртки.

— Знаю...

— Так вот напомните вашему мужу, чтобы он не забывал, в какой стране живет и по чьей земле пока еще ходит. Скажите, что мы были и придем еще,— произнес Аркадий Петрович.

И Тонковиду, когда они вышли на улицу:

— Не уйдет...

ГЛАВА XXXI

«ЖЕЛТАЯ ЛЕНТОЧКА»

Людей неинтересных в мире нет.
Их судьбы, как истории планет.
У каждой все особое, свое,
и нет планет, похожих на нее.
. . . .
У каждого — свой тайный, личный мир.
Есть в мире этом самый лучший миг.
Есть в мире этом самый страшный час.
Но это все неведомо для нас.

Евгений Евтушенко

Этот разговор с Марией Моисеевной Денисенко (по отцу Ильяшенко) произошел в сентябре 1963 года в белом домике на краю маленького сибирского городка Уяра.

— Извините, я вам долго не отвечала, хотя письма ваши — и простые и заказные — получила. Они хранятся у меня вон там в столике.

Я перечитывала ваши письма. Не спала по ночам. Утром не могла работать. А вечером, придя домой, не могла сесть за стол и ответить на ваши вопросы. Простите, но не могла.

Вы не первый, кто просил меня рассказать о партизанском отряде Горелова, о Гайдаре. Но и другим я не отвечала тоже. И, только получив вашу большую телеграмму, я поняла: вы все равно приедете и разговор будет. Тогда я стала волноваться: вы приедете из Москвы, а я не сумею вам ничем помочь, потому что знаю очень мало.

И вот вы приехали.

Наверное, я неправа. То есть я сама понимаю, что неправа, но я не хотела ничего вспоминать — ни того, что случилось в октябре 1941 года, когда разбили наш отряд, ни того, что было после.

...Когда я вернулась в конце войны домой, в Гельмязево, меня не брали на работу: «Ты, говорят, была в Германии».

Да, я была там. Да, я провела два года в неметчине. Но я ведь уехала туда не на колядки. Меня угнали туда на каторгу. Я была там рабом.

И если ты человек, а не макулатурная единица, то спроси же, спроси, как я туда попала и что я там делала! Может, шефу моему, Отто Макленкампфу, дешевле было меня убить,

чем чтоб я на него и его проклятую «великую Германию» работала!

Но меня никто не спрашивал. Просто не брали.

В Германию я попала на шестой только раз. А так все убегала с дороги. Сначала из Киева. Потом из Проскурова.

В Проскурове, помню, поезд остановился на каком-то переезде. Выпустили нас из теплушек набрать воды. И я решила:

«Убегу. Лучше пускай убьют».

И убежала. И увела с собой двенадцать человек.

Последний раз я пешком уже из Польши пришла. Идти надо было, чтоб люди не видели. И кусочка хлеба нельзя попросить: нарвешься на какого-нибудь ката — в миг продаст.

Идешь и думаешь: «Ну хоть бы встретить какой партизанский отряд. Ну хоть бы найти одного-разъединственного партизана. Я бы все делала в лесу: стирала белье, варила кашу, ходила бы, куда пошлют,— только не возвращаться обратно в Гельмязево, только б не отправляли меня в Германию опять!..»

Партизан я так и не встретила.

А когда брали меня в шестой раз, то знакомый полицай, которому надоело со мной возиться, сказал:

— Снова сбежишь — убью. Тебя убью, и мать, и всех твоих. И хату спалю, чтоб от рода вашего и следа не осталось.

«Умирать, так уж одной»,— подумала я.

...А до этого до всего — до моих побегов — была я в гестапо. Недолго была. Всего три месяца.

Привезли меня ночью на подводе в Золотоношу. Знаете, где там парк Шевченко?.. Рядом с ним и было гестапо... Посмотришь на парк из окна — так жить хочется!

Вошла я в камеру, а там все наши разведчицы из отряда: Ната Евдокимова, Лукина Тесля, Елизавета Лысенко.

Посмотрели мы друг на дружку. Ничего не сказали. Только подумали: «И какая же это гадина всех нас выдала?.. Не иначе кто свой».

Я при случае расскажу вам о людях, которых там, в гестапо, видела. В особенности про молодую женщину-еврейку. Была она маленькая-маленькая и такая красивая...

Придет после допроса желтая вся, и только глаза, большие, черные, светятся.

Спрашиваем:

— Крепко били?

— Да нет, кажется, не очень.

И только потом узнали: измывались над ней, душегубы, как хотели, и мучили ее, как никого из нас.

Женщина эта меня и научила:

— Если на допросе очень больно,— закуси одежку, чтобы челюсти свело и ты бы крикнуть не могла. А то они от нашего крика да крови только хуже звереют.

Я так и делала.

(Вы будете об этом писать?.. Может, лучше не стоит?.. А то мама прочтет и станет плакать. Я ведь ей все эти годы говорила, что меня в гестапо не трогали...)

Есть в Золотоноше братская могила. В ней похоронено двенадцать тысяч семьсот пятьдесят человек, замученных фашистами. Там и расстреляли немцы эту женщину. И подруг моих разведчиц тоже.

А меня оставили. Было мне тогда пятнадцать. Посмотреть — и того меньше: маленькая, тощая. На допросах я ни в чем не признавалась.

То ли немцы подумали, что я и впрямь не могла ничего в отряде делать, то ли просто пожалели: не надо, мол, меня расстреливать — я и сама на ихней каторге умру...

И когда привезли меня в Киев для отправки в Германию (сборный пункт находился во дворе какой-то школы), я в суматохе пролезла между прутьями ограды.

Была я маленькая, тощая, и мне это удалось.

Я не шла, не бежала — я летела. Летела все сто двадцать километров до Гельмязева. Летела без куска хлеба во рту, повторяя про себя:

«Это свобода!.. Это свобода!..»

Знакомая старушка, увидев меня дома, только покачала головой:

— У тебя, девка, сумасшедшее счастье.

Никто не знал тогда, что сумасшедшее мое счастье пригодится мне еще не раз...

В отряд Горелова я пришла с отцом. Его незадолго перед тем назначили комиссаром.

Было на мне светлое платье, легкая теплая фуфайка, новые, недавно сшитые сапожки, которые плотно облегали икры, так что вода не попадала внутрь, если даже идти

вброд. В руке маленький узелок — все, что мама успела собрать за несколько минут.

В лагере я получила австрийский карабин и сто патронов к нему, но стрелять из него мне так ни разу и не довелось.

Отец однажды подозвал меня. Рядом с ним стоял Федор Дмитриевич Горелов.

— Вот, Мойсей Иванович,— сказал Горелов, показывая на отца,— советует сделать тебя разведчицей. Что скажешь?

Я пожала плечами.

— А что нужно будет делать?

— Ходить, куда пошлем. Узнавать все возможное. И невозможное... Не боишься?..

— Нет.

— Тогда слушай: вернешься в село. Спросят, где была, скажешь — у тетки. Вертись на глазах, чтоб не подозревали.

Комендатура немецкая, по всей видимости, будет в Гельмязеве. Ты должна узнавать, что там происходит. Наведывайся в соседние села. В особенности следи за передвижением транспорта через Софиевку — как часто и в какое время ходят машины. Если удастся, узнай, куда направляются. Это нам особенно важно... Потом поймешь почему... Оружия с собой никакого. Перед уходом у начальника штаба нашего, Тютюнника Ивана Сергеевича, будешь брать справку: колхозница такая-то идет в село менять вещи на сало. Поняла?

На первые задания меня посылали с Натой Исаевной Евдокимовой. Но ее многие знали: она работала в райкоме. И тогда я стала ходить одна. Случалось, меня задерживали. Даже проверяли. Но все обходилось: очень хорошие были документы.

Как-то пришла в лагерь и удивилась: полно незнакомых военных. (Потом я узнала: это была группа Орлова.)

Но из всех гостей я сразу приметила одного. Приметила потому, что был он всех неприметней. Человек этот сидел, прислонившись к землянке. Расстегнутая шинель выглядела на нем узкой, а широкое лицо казалось худым.

Люди вокруг суетились: шумно мылись, гремели котелками, щелкали затворами, сушили у костра портянки, переодевались, окликали друг друга, а человек у землянки ничего не замечал. Он был занят. Положив на колени противогаз-

ную сумку, он писал. Писать, по-моему, было не особенно удобно, но и этого человек не замечал тоже.

Глаза его, когда он их поднимал, смотрели задумчиво и серьезно. На коричневый от загара лоб из-под большой пилотки выбивались волосы. Волосы выгорели и стали аж белесыми, как степной ковыль.

И тогда я нарушила наказ.

Мне строго-настрого запрещалось спрашивать о людях, которые приходят в наш лагерь. Считали: чем меньше я буду знать, тем лучше. А то вдруг меня где схватят, начнут пытать, я и проболтаюсь?..

Так, во всяком случае, думали. И я помню, как иные партизаны, завидя меня, даже уходили, чтоб я их не признала.

И я схитрила: подошла к незнакомому командиру, показала глазами на человека у землянки и шепотом спрашиваю:

— Это кто такой?

Он так же шепотом мне отвечает:

— Это писатель... Фамилия его будет не то Гайдай, не то Гайдар... Может, слышала?

От стыда я не могла поднять на командира глаза.

Как же я раньше не поняла, что это *он?* Как же я раньше *его* не узнала? Ведь я прочла все книги, какие только смогла достать: и «Школу», и «Дальние страны», и «Военную тайну», и «Судьбу барабанщика», и «Телеграмму»[1], а повесть «Тимур и его команда» помнила почти на память.

И мне захотелось спрятаться за дерево и долго смотреть на него: ведь я ни разу не видела живого писателя.

Но пришел связной и увел меня в землянку.

Появляясь теперь в лагере, я перво-наперво отыскивала глазами Аркадия Петровича. Это было нетрудно: если он не уходил на задание, то сидел у землянки или на широком сосновом пне.

Партизаны совсем недавно спилили старую, толстую сосну и перекинули ее мостком через болото. И пень стал для Гайдара как бы креслом. Конечно, не таким уж удобным, но это было лучше, чем сидеть на земле, и не так холодно — что ни говори, а стояла глубокая осень.

Я пряталась за дерево или куст и часами наблюдала за ним, смотрела, как он подолгу думает, потом запишет что-то

[1] «Телеграмма» — так сначала назывался рассказ «Чук и Гек».

и снова думает, а потом уже пишет, пишет не отрываясь. Только изредка отточит складным ножом карандаш и перевернет страницу.

Мне было бы стыдно, если б он узнал, что я за ним подглядываю. И я старалась сидеть за своим кустом не шелохнувшись, чтоб листок на ветке и тот не дрогнул. Наверное, мне это удавалось: как-никак я считалась разведчицей. Но главное... но главное, когда он работал, он вовсе никого не замечал.

Большей частью Аркадий Петрович был молчалив. Со стороны могло показаться, что говорить ему вроде как тяжело. Во всяком случае, говорил он редко и не очень охотно.

Теперь я понимаю: было это в нем не от замкнутости, было это в нем от большой сосредоточенности.

За те недели, что отступал он из Киева и находился в окружении, когда не было им покоя ни ночью, ни днем, Аркадий Петрович, конечно же, многое видел и пережил, а записать не успел. И теперь торопился все, что узнал, занести на бумагу.

И потому, наверное, он был так занят.

И само собой повелось: когда Аркадий Петрович работал, жизнь вблизи командирской землянки не то что замирала, а как бы становилась глуше.

Если кто забывался и начинал вдруг громко звать товарища или рубить толстый сук, его тут же осаживали:

— Да тише ты, не видишь, что ли: Гайдар пишет...

Аркадия Петровича освободили от ночных дозоров. Старались не брать на операции. Командир отряда пытался даже отправлять людей на задание тайком от него... Но все напрасно.

Гайдар мог, не обращая ни на что внимания, работать и два и три часа. Бойцы тоже переставали его замечать, настолько он сливался со всей обстановкой лагеря, со всем лесом.

Но вот несколько человек вызвали к Горелову. Через десять минут они уже стоят где-нибудь в стороне с винтовками и автоматами, ожидая последней команды: «В путь!»

— Я иду с вами,— раздается голос Аркадия Петровича, чуть глуховатый, но уверенный и спокойный, словно Гайдара тоже вызывали к командиру и он давно знает, куда направляется группа.

Аркадий Петрович не спеша, но быстро убирал в сумку тетрадь и карандаш, проверял пистолет и привешивал к поясу гранаты. Оставалось только спуститься в землянку и взять ручной пулемет.

И у партизан, собравшихся в дорогу, начиналась едва ли не самая трудная часть операции: отговорить Аркадия Петровича.

Очень мягко — а то обидится и тогда непременно уже настоит на своем — его начинали убеждать:

— Товарищ писатель, вы бы сегодня не шли, ей-богу. Идет нас... двое... четверо... семеро... да, семь человек, а задание такое, что и пацан с палкой справится... Нет, серьезно... Вот завтра, командир сказал, будет трудновато. Тогда уж мы вам, извините, помешаем и от дела вашего оторвем.

Прищурив глаза, Гайдар недоверчиво оглядывал товарищей, придирчиво спрашивал, куда и зачем идут они сейчас и что намечается на завтра.

И если убеждался, что задание и впрямь не такое уж интересное, возвращался на свое место, расстегивал пояс с гранатами и кобурой и передвигал на колени сумку с записями.

На другой день его, разумеется, уже невозможно было отговорить. И я не знаю другого партизана в отряде, который бы, как он, участвовал во всех без исключения трудных операциях.

Вообще мне, наверно, повезло. Я многому научилась у Гайдара. Я, например, еще совсем девчонкой постигла силу слова, сказанного вовремя.

Одна группа вернулась с задания. До рассвета бойцы побывали в дальнем селе. А к утру прибыли обратно. Машина для этой цели не годилась — могли задержать, и потому пришлось им ехать на лошадях под седлами.

А верховая езда — дело известное: если к ней не привык, то хоть в седле, хоть без седла, далеко не уедешь. А тут, хочешь не хочешь, пришлось трястись верст двадцать пять — тридцать. Ну, сами понимаете.

Выходят утром к завтраку наши хлопцы — больно на них смотреть: злые, измученные.

Все начали их расспрашивать, качать головами. Хлопцы совсем раскисли, и если не героями, то вроде как мучениками за великое дело себя чувствуют.

Все бы ничего: пусть бы в героях и походили, но жили мы тогда в лагере. Вы его видели: со всех сторон дороги, ездят и шныряют по ним и немцы, и полицаи, и так всякая нечисть. Не ровен час что случится, а хлопцы эти ведут себя, как малое дите, которое ударило пальчик и хочет, чтобы на пальчик этот все непременно подули.

И вот появляется в «столовой» нашей — на маленькой опушке, где только на земле и можно устроиться,— Гайдар.

Подходит он, между прочим, к Дорогану, а у Дорогана как-то особенно неладно получилось, и спрашивает:

— Ты чего это, Дороган, такой печальный сидишь, будто по любимой своей теще тоскуешь?

И спрашивает Аркадий Петрович с таким младенческим видом, словно сам он только что с чемоданчиком из Москвы приехал, и, что тут происходит, ему совершенно неизвестно.

Дороган и остальные, тронутые вниманием, обстоятельно, со всеми деталями, повторили, какая с ними приключилась история.

Аркадий Петрович сочувственно кивал головой, переспрашивал, потом велел одному:

— Попробуй пройдись.

И когда тот вернулся, Гайдар бережно взял его за руки и попросил рассказать, что бедняга испытывает при ходьбе.

Наконец «кавалеристы» выложили все свои горести и замолчали. Гайдар тоже молчал, собираясь с мыслями, и партизаны притихли: писатель думал.

— Случай, конечно, тяжелый,— авторитетно произнес Аркадий Петрович. И все закивали, соглашаясь.— Но, как мне кажется,— продолжал Гайдар,— хотя я могу и ошибиться,— не смертельный.

Я понимаю, Дороган, ты бы верхóм уехал. Лошадь под тобой убили. Ты бы упал. Сломал ногу, и тебе пришлось бы километров сорок, со сломанной ногой, добираться до лагеря. А так вы здесь на лошадей сели. Сюда же верхом приехали. Чем же вы недовольны? — удивленно оглядывая «героев», переспросил Гайдар.

До этого лицо его было сочувственное, внимательное, знаете, какое бывает у старых-старых докторов. Когда такой доктор к тебе приходит, обязательно хочется ему все рассказать и на все пожаловаться.

А тут, перед тем как спросить, чем же Дороган-то недоволен, Аркадий Петрович не выдержал, улыбнулся, и в глазах его появилось столько веселого, ну чисто мальчишеского озорства, что теперь только все и поняли: да ведь он же «героев» наших просто разыграл.

Кто-то от неожиданности фыркнул. Дороган смущенно покраснел. И вдруг раздался оглушительный, как взрыв, хохот. Партизаны от смеха лупили друг друга по спинам, катались по земле, опрокидывая котелки с чаем и кашей.

«Кавалеристов» больше никто не жалел.

Я вам привела сейчас веселый, можно сказать, юмористический случай. А было немало других, посерьезнее, когда слово Гайдара оказывалось решающим. И не потому даже, что был он писателем (хотя значение это, конечно, имело), а потому, что скажет, и всем сразу видно — правильно сказано.

Не могу припомнить, какого числа это было. Пришло к нам известие, что переезжает немецкий штаб. Наши отправились встретить его у Комаровки, где возле дороги растут толстые, старые вербы.

Ждем группу обратно, а ее нету. Извелись все: немецкий штаб ведь просто так не поедет. С охраной...

Вдруг появляется Гайдар — в мокрых сапогах, с брезентовой своей сумкой, с немецким портфелем — у нас таких даже и не делают, и с ручным пулеметом на плече.

Пришел, остановился, чего-то выжидает. И все, кто выбежал ему навстречу, тоже остановились, боясь о чем-нибудь спрашивать.

Минуты через две вслед за Аркадием Петровичем появился Белоус. Был у нас такой партизан. Потом Дороган, еще кто-то, а Гайдар стоит и ждет.

И вот самым последним плетется Александр Погорелов, заместитель командира по снабжению. Плетется, едва переставляя ноги, распаренный, глаза как у безумного, и, будто рыба на берегу, хватает воздух ртом.

Вошел он в лагерь, сделал три шага и тут же рухнул.

Ната Евдокимова бросилась к нему, думая, что Погорелов ранен. Аркадий Петрович отвел ее рукой:

— Оставьте его, Ната Исаевна...

...Погорелов этот был личностью в своем роде примечательной. До войны работал в райкоме. Славился образован-

ностью. Он один во всем, может быть, районе говорил особым, образованным языком, и слушать его многим было приятно: так плавно у него получалось.

Я тоже часто его слышала, но мне он впечатления хорошего не приносил. Говорил бодро, мужественно, объяснял, что не надо бояться трудностей, а выглядел изнеженным, избалованным. И в отряде, прямо вам скажу, более слабодушного человека среди нас не было. Все знали: он страдает, что не может каждую неделю ходить в баню и менять через день рубашки. От любой тревожной вести впадал Погорелов в панику, не находил куда себя деть и все повторял:

— До каких же пор нам нужно будет, как зайцам, жить и каждого выстрела бояться?

— Ты же, Саша, мужчина. Ты же, Саша, партизан,— усовещивали его.

— Ай! — отвечал он и уходил куда-нибудь в заросли.

Боюсь сказать точно, но, по-моему, он там плакал.

И когда вернулись все с задания и Александр Погорелов, не стесняясь, свалился мешком, будто он один участвовал в операции, а другие качались на качелях, стало тихо, точно лежал на земле не живой человек, а труп. И так знаете было стыдно,— глаза б мои не видели.

Аркадий Петрович медленно снял с плеча пулемет, о котором, по-моему, просто забыл и только теперь вспомнил, положил свою ладонь на широкий, воронкой, ствол и негромко, но жестко произнес:

— Погорелова на задания брать нельзя.

— А кто за него воевать будет?! — выкрикнул чей-то голос.

— Может быть, он еще и сам научится... Переход сегодня был трудным. Верно. Но сама-то операция оказалась простой. А если бы нас до самого лагеря преследовали? Если бы пришлось уходить от погони? Если бы Погорелов по дороге свалился, как он свалился теперь,— что бы мы делали? Несли на себе?.. Попробуй-ка донеси!.. Бросили?..— Гайдар помолчал и сказал совсем тихо: — Товарищей не бросают... И потому самое правильное: пока не закалится, пока не окрепнет — не брать.

— А вот Белоус,— улыбнулся Гайдар, поворачиваясь к партизану, который пришел одним из первых,— посмотрите — кажется, он даже не устал. А шли-то вместе...

— Белоус вон какой здоровый...

— Он духом прежде всего здоровый,— уточнил Аркадий Петрович.

Я смотрела на Гайдара, когда он говорил о Погорелове. Мне показалось, в глазах его было сожаление, что вот Погорелов, молодой еще совсем мужчина, а чего-то не может, чего-то не умеет.

Но Аркадий Петрович ничем больше своего сожаления не выдал.

Наверное, в душе он много на этот счет чувствовал, но чтобы так открыто показать — никогда.

Однажды был разговор. Гайдар предупреждал: когда человеку трудно, его нельзя жалеть. У него вся сила в этом случае пропадает.

Если кто в трудном положении начал терять себя, его надо одернуть или подбодрить, дать правильное направление его поступкам.

— И если это человек, то у него, конечно, появятся силы и он сумеет сделать то, что, казалось ему, сделать невозможно,— говорил Гайдар.

В случае с Погореловым, видно, это не вышло. И на задания больше его не брали.

Впрочем, сам Погорелов об этом, по-моему, не жалел.

Но я отвлеклась.

Когда все разошлись, Гайдар, не заходя в землянку, сел на свой пень, бережно прислонил к дереву пулемет и занялся разбором захваченных штабных документов.

Не могу сказать, знал ли Аркадий Петрович немецкий язык. У меня впечатление, что немножко-то он знал, потому что долго читал бумаги с фашистскими орлами в левом углу, потом сложил их в аккуратную стопку, перевязал шпагатом, но обратно в портфель класть не стал, а понес в командирскую землянку.

— Это документы большой очень важности,— сказал он.— Их нужно как можно скорее доставить командованию любой части Красной Армии. Найдите, товарищ Горелов, людей, которые за это возьмутся.

Идти через линию фронта вызвался молодой лейтенант— высокий, с мужественным подбородком. Сопровождать его согласились еще человек десять. Их снарядили и отправили в путь.

Потом уже, из вторых или третьих рук, стало известно, что группа дошла сравнительно благополучно, бумаги передали в большой наш штаб. По тому, какой сразу начался в штабе переполох, связные поняли: Гайдар был прав.

...Вы когда-нибудь видели спиленное дерево? Видели, как вокруг сердцевины смыкаются кольца?

Такой сердцевиной в отряде стал Аркадий Петрович.

Партизаны стеснялись тревожить его по пустякам. Но если было что важное, шли к нему. И лучше его никто не мог ни объяснить, ни ответить, хотя и в самом лагере и поблизости жили политработники и другие ответственные товарищи, выполнявшие секретные задания.

Днем, после обеда, возник вдруг спор: победим фашиста или нет.

Время было тяжелое, слухи приходили разные, мысли в голову лезли всякие.

Окруженец один, недавно прибывший к нам, то ли с умыслом, то ли сдуру сказал:

— Дело наше швах, и остается одно — подороже продать свою шкуру.

Окруженца этого сначала чуть не избили, а потом повели к Гайдару — послушать, что он скажет.

Аркадий Петрович работал. Нельзя сказать, чтобы он обрадовался, когда его оторвали от дела. Но бойцы объяснили, какой случился спор, и писатель сразу повеселел, взгляд его стал острым, в глазах забегали чертики, точно он задумал шутку.

— Вы хотите знать, кто победит — фашисты или мы?.. Ну, а кто как думает?

И, глядя на него, я видела: он внимательно слушал и в то же время напряженно и быстро думал, как ответить.

— Я не знаю, кто из вас собрался продавать на барабан свою шкуру,— медленно начал Гайдар. (Партизаны засмеялись и разом повернулись в сторону окруженца.) — Но если кто и собрался, то как бы ему не продешевить.

Бил немцев Александр Невский. Били их прадеды наши в Семилетнюю войну, и в шитом зо́лотом камзоле генерала Чернышева — был в старину такой генерал — по-моему, до сих пор в левом кармане лежат ключи от Берлина, пожалованные ему на серебряном блюде, когда он эфесом своей шпаги нетерпеливо постучал в городские ворота.

Кто из вас слыхал о «Железном канцлере», по имени Отто Бисмарк?.. Слыхали?.. Мудрейший был немец, если он догадался написать в своем завещании: дорогие мои потомки, чтобы мне покойно и сладко отдыхалось на том свете, не трогайте, пожалуйста, русских.

Но потомки не послушались дедушку Бисмарка и были еще раз биты, когда сунулись к нам в гражданскую...

И вдруг совсем просто:

— Конечно, кабы нам тех пруссаков, которых Чернышев бил. А то ведь эти техники всякой понастроили, и опыт у них, какого у нас пока нет. И потому борьба впереди нелегкая и долгая.

Но если вам хочется знать мое мнение, скажу: наверное, к тому времени многих из нас и в живых не будет, но народ... советский народ победит.

Я должна перед вами извиниться: я ничего не могу рассказать, каким Гайдар был в бою, хотя слышала, что вел он себя в бою очень храбро. По-моему, даже чуточку храбрее, чем это было нужно.

Но я так только слышала. Ходить с ним на задания мне не привелось: уж очень индивидуальная была у меня работа.

Зато, если вам, конечно, интересно, я немного знаю, о чем Аркадий Петрович писал свою книгу.

Книга была о нашем отряде. И узнала я об этом так.

Появился у нас парень один — студент. Откуда он взялся, куда потом делся — убейте, не знаю.

В отряде ему нравилось. Думал, наверное, как вернется домой или в свой институт, станет про это всем рассказывать. И начал парень вести дневник.

Узнал про дневник Горелов. Рассердился. Вызвал парня к себе. Велел исписанные страницы изорвать и сжечь. А потом на маленьком собрании сообщил про этот случай и сказал:

— Вести дневник и делать записи для памяти имеет полное право один только человек. И человек этот — писатель товарищ Гайдар, который составляет историю нашего партизанского отряда и потому получает все необходимые ему сведения. Остальным запрещается: дневник или тетрадь

какая — это документ, который может стать находкой для врага.

Не то чтобы я собиралась вести дневник — было не до него. Тут хоть бы выспаться разок. Но разговор запомнила.

А главное — я поняла, откуда Гайдар все про всех знает. И еще приметила: если кто уходит на задание, Аркадий Петрович обязательно с ним встретится.

Гайдар никогда не спрашивал о деле, на которое отправлялся человек. Не хотел волновать.

Разговор всегда был о другом.

Я думаю, ему важно было на человека перед уходом просто посмотреть, услышать его голос, понять его настроение.

Вы бы видели в такие минуты взгляд Гайдара: внимательный, заботливый и как бы испытующий, словно Аркадий Петрович проверял — нет ли в тебе какой слабины, не трусится ли в тебе душа.

И если видел, что не трусится, то сразу успокаивался, и ты тоже вместе с ним успокаивался, потому что тебе передавалось его спокойствие, которым он дарил чуть ли не каждого, кто уходил в неизвестность.

Знаю по себе.

Я принесла ему однажды чаю. Он не очень охотно взял этот чай, внимательно оглядел меня и спрашивает:

— Вас как зовут?

Я смутилась немного, отвечаю:

— Мария.

Аркадий Петрович посмотрел на меня, легонько усмехнулся.

— Нет,— говорит,— мы будем вас звать Желтая ленточка.

Я сначала не поняла и спрашиваю:

— А это именно почему — Желтая ленточка? — а сама машинально трогаю волосы.

Косы у меня и тогда большие были. Только сверху я перевязывала их шелковой желтой лентой.

Гайдар, конечно, заметил, как я провела рукой по ленте, и шутливо говорит:

— Именно вот поэтому.

С того дня Аркадий Петрович всегда провожал и встречал меня. Я скоро поняла — и обо мне ему известно все, но

особенно разволновалась, когда однажды увидела, как он ждал моего возвращения с задания и тревожился.

Было это вечером. Я пришла поздно и сразу скользнула в штабную землянку поскорей передать что надо и вернуться до рассвета домой. Пробыла я в землянке, наверное, минут двадцать.

Выхожу — стоит Гайдар.

Увидел меня, быстро подошел, осмотрел и даже не поздоровался:

— Ты уже вернулась?

Я растерялась и только кивнула ему.

— Ты давно вернулась или только что?.. А поесть успела?

Я сказала, что вернулась недавно, есть не хочу, но кусок хлеба с салом перед обратной дорогой съем.

— А я хожу по лагерю. Жду тебя. Спрашиваю — никто не видел... С какой же стороны ты пришла?

Я объяснила.

— Тогда понятно... Ты очень торопишься?.. Нет?.. Расскажи-ка мне быстренько, что ты успела и что видела. Ты ведь из Гельмязева? Как там?

Я сказала, что в райцентре пока тревожно-спокойно. Спокойно потому, что немцы еще никого не тронули. А тревожно оттого, что в доброту их поверить трудно.

— А как тебе кажется — отчего это фашисты такие «добрые»?

— Я, конечно, их не спрашивала, не знаю. Но думаю, что заигрывают...

— Заигрывают?! Почему же ты так думаешь?

— Никого не арестовали. И которые полицаи, те ходят по селу и этим хвастают. А возле нашего дома каждую ночь засады устраивают.

— Как — засады?!

— Очень просто: по два человека прячутся в нашем огороде, а когда и по четыре. Ждут отца... Или они знают, что он в отряде, или догадываются. Только ждут.

— А Мойсей Иванович знает? Ты его предупреждала?

— Я ему говорила: домой не ходи, а то схватят.

— Но тебя ведь тоже могут схватить?

Я засмеялась:

— Конечно, могут, но только не схватят. Недалеко от

нашего дома есть копна. Я в ней и сижу, пока полицаи не уйдут. А уйдут — я шмыг в хату. И когда десятихатник — есть у нас такой, ну вроде как надсмотрщик — приходит звать меня на работу, я уже готова. И выхожу, как все, в поле.

Я старалась рассказывать Аркадию Петровичу про дела свои весело, но от слов моих с каждой минутой он становился только печальнее.

— Когда же ты спишь? — спросил он.

— В обед вздремну полчасика. И мне почти хватает.

— Ты что-то должна была принести сегодня?

— Да, медикаменты от Дубининой [1].

— Хорошо, будем лечиться,— рассеянно произнес Гайдар.

Я видела, что он взволнован и, хотя стоит со мной рядом и разговаривает, мысли его далеко-далеко.

Я не знаю, сколько мы так стояли. Я боялась отойти, помешать ему, хотя мне было пора. А он думал.

— А сейчас, девочка, у тебя какое задание? (Он так и сказал «девочка».)

Я пожала плечами:

— Обыкновенное. Все видеть, все слышать. А если узнаю что важное — приду опять.

— Пойдем, я тебя провожу.

Из лагеря мы вышли вместе. Гайдар довел меня до развилки и остановился.

— Счастливого тебе пути.— И я видела: он хочет что-то добавить.— И будь, пожалуйста, как всегда, умницей.

— Ладно.

Аркадий Петрович помахал мне на прощание. Светила луна, и он стоял, как в луче прожектора. И мне показалось, что на руке его смешно и со значением оттопыривается мизинец.

Я и сейчас вижу эту руку и этот мизинец. Я так и не успела у него спросить, что это значит. А может быть, мне и показалось. Только не думаю.

...В отряде я появилась с дурными вестями: бывший пред-

---

[1] Дубинина Юлия Евдокимовна — главный врач Гельмязевской районной больницы. Снабжала отряд медикаментами. Была арестована и брошена в застенки гестапо одновременно с Машей. Расстреляна гитлеровцами в Золотоноше.

седатель колхоза Корней Костенко стал районным старостой. Кроме того, фашисты угнали в Германию многих девушек из нашего села. Я почти всех знала. Учились в одной школе.

По дороге я даже всплакнула. Я еще не представляла себе, что такое немецкая каторга. Узнала я это потом. Но я понимала, что подруг моих угоняют в рабство.

Мне было страшно: наши девчонки, плясуньи, комсомолки, и вдруг такие же, как на картинках в учебнике истории,— рабы.

В отряде я доложила обо всем Горелову и отцу. Их очень встревожил Костенко. Он был местным. Хорошо знал весь партийный и комсомольский актив, их семьи. А ведь только немногие из партизан успели эвакуировать своих близких.

Сказала и про угнанных девушек. У меня против воли задрожали губы. Но второе известие заинтересовало отца моего и Горелова куда меньше.

Я вышла из землянки. Светало. От огорчения и усталости — я почти всю дорогу бежала — у меня подкашивались ноги. Такое со мной было, пожалуй, впервые.

Внутри все рвалось от горя и тоски. А сказать было некому.

Даже сейчас, когда я вспоминаю, я тоже волнуюсь.

— Маленькая, что с тобой?!

Я вздрогнула. На пеньке, как всегда, сидел Гайдар и смотрел в мою сторону.

— Что случилось? Ты чем-то расстроена?

«Отец родной не заметил, а он заметил»,— изумилась я.

— Иди сюда,— позвал Аркадий Петрович.

Я подошла и села рядом с ним на пень. Мне еще никогда не доводилось видеть его так близко. И только тут я приметила, какие у него усталые, почти измученные глаза и сколько мелких морщинок собралось вокруг них. Мне даже показалось, что он болен, и я хотела его об этом сразу же спросить...

— Рассказывай,— велел Гайдар.

Я растерялась. Мысли о нем смешались с прежними моими мыслями, и я только произнесла:

— Немцы угоняют наших в Германию... И подруг моих школьных угоняют тоже.

Похудевшее лицо его напряглось. Аркадий Петрович посмотрел прямо-прямо и только кивнул, показывая, что слушает.

— Сначала немцы объявили: кто хочет ехать в Германию добровольно? Добровольцам посулили разные льготы: паек семье, родных берут на любые работы, тоже с пайком.

Сами пошли и записались двое: парень из девятого класса (в десятый он только две недели и походил) и молодая женщина одна.

Тогда немцы на сходке сказали: не хотите добровольно — повезем.

И объявили: берут 1923, 1924 и 1925 год. Днем отправили как раз большую партию. Видели бы вы, сколько там было слез.

— Выходит, тревожный покой, о котором ты говорила в прошлый раз, кончился? Начались тревоги без покоя?.. А как тебе думается, почему поехали те двое?

— У парня семья на большом подозрении,— ответила я.— Отец их у немцев из-под самого носа ребят многих вывез — из ФЗУ, из нашей школы. Эвакуировал. Ну, кое-кто вернулся. Говорят, отец дошел до фронта и теперь в Красной Армии. А почему эта женщина поехала, не знаю.

— Веселенькая история,— произнес Аркадий Петрович,— отец в Красную Армию, а сын замаливать «грех» отца — в Германию? — Гайдар быстро поднялся и в волнении заходил по поляне. Глаза его горели. И было в них столько презрения, что я вся сжалась.

Аркадий Петрович уже не выглядел больным, хотя казалось, что он вышагивает большими своими шагами по поляне именно от причиненной ему боли. Вышагивает, чтобы боль эту заглушить, а она становится только сильней и сильней.

— Да как он смел?! — громко и требовательно спросил Гайдар, глядя на меня, словно это я согласилась добровольно ехать в Германию.— Ка-ак о-он сме-ел?! — тише и глуше повторил Гайдар, и я ощутила в его голосе такую тоску, точно предательство совершил его сын.

Потом, помню, Гайдар стоял уже возле меня, бледный, но спокойный (только по огонькам в его глазах я догадалась, чего стоило ему спокойствие) и мягким, виноватым голосом говорил:

— А может, мы с тобой зря так плохо о них думаем? Может, и парень этот, и эта женщина поехали по заданию? Может, они там нужней?..

Я видела: ему необыкновенно важно, чтобы это было так. Но я так не думала. А сказать боялась.

— Сомневаешься?.. По глазам вижу — сомневаешься... Ну что ж, тебе видней...

Мне было не жалко тех двоих. В конце концов, каждый выбирает то, чего он стоит. Мне жалко было моих подруг, которых угоняли в Германию. Жалко было Гайдара, которому мой рассказ неожиданно причинил такое горе.

— Я знаю, тебе горько... Даже очень горько,— сказал Аркадий Петрович, словно читая мои мысли.— Скажу тебе честно: мне тоже. Но очень уж крепко огорчаться не надо... Нельзя,— поправился он.— Подруги твои уезжают не насовсем. Они уезжают на время. Никто ведь не знает — вдруг они сумеют с дороги бежать...

Я покачала головой.

— Там охрана... Я видела.

— Охрана еще ничего не значит. Девчат может освободить какой-нибудь партизанский отряд. На худой конец, рано или поздно их освободит Красная Армия. А мы... А мы не имеем права растрачивать наши силы на бесплодные переживания: самое трудное у нас еще впереди.

Гайдар сел на пень, и я опять увидела его очень близко.

— Фашисты пока что чувствуют себя победителями, и они по-своему, по-фашистски, еще великодушны. А вот когда мы погоним их обратно, тогда они себя покажут. Они унесут с собой все, что смогут унести. Не оставят ни одного целого, несожженного дома. Они будут расстреливать всех, кто встретится им по пути. И это нам тоже придется пережить. И наших с тобой душевных сил должно хватить до победы.

Я слушала его глуховатый, чуть простуженный голос, и мне становилось легче. Не то чтобы слабей стала тоска по девчатам... Просто я увидела, чтó нам еще предстоит. Поняла, как много еще, наверное, будет потерь. (Но мне и в голову не приходило, что через несколько дней я потеряю отца, а потом и Гайдара.)

И я молча решила — не распускаться. Что бы ни случилось — ни слезинки. До победы.

...Я снова уходила. Мне оставалось зайти в штабную землянку и взять у Тютюнника новое удостоверение, на случай если меня задержат.

Гайдар работал. На коленях его лежала раскрытая тетрадь. Он быстро в ней писал.

Когда я проходила мимо, Аркадий Петрович поднял голову и спросил:

— Как, ты говоришь, фамилия того парня, который поехал сам?

Я ответила.

Он кивнул, записал и обвел фамилию квадратиком.

А через полчаса меня провожали. Я направлялась в Софиевку. Отряд готовил большую операцию. Из брошенных повсюду снарядов и мин вытапливали взрывчатку. И мне поручили узнать, сколько и куда по шоссе направляется за день немецкой техники.

Идти в это село ночью опасно. Идти туда днем тоже опасно. Немцы уже знали про отряд. Охраняли дорогу, задерживали подозрительных, и кого в гестапо, кого сразу в Германию.

Но я решила — лучше днем. Когда светло, немцы не так сильно придираются, и потом всегда можно сказать: «Я из соседнего села». А если схватят ночью, попробуй объясни, чего ты бродишь по ночам.

Я впервые видела, как волнуется отец. Он стал застегивать пуговицы на моей фуфайке, и у него мелко-мелко задрожали руки.

Гайдар увидел эти руки и отвернулся.

Потом Аркадий Петрович тоже подошел ко мне:

— Возвращайся скорей. Мы будем тебя ждать.

Я как могла улыбнулась:

— Постараюсь.

Пришла я через два дня. И была после этого в лагере долго-долго — целые сутки. И почти все время видела Гайдара. Тогда же возник большой разговор о его книге. И вообще вечер был необыкновенный, и я запомнила его, последний свой вечер в лагере, во всех подробностях.

Началось с ужина.

Гайдар, когда работал, забывал поесть. У него была привычка совершенно выключаться из того, что нас окружало.

Если он думал, то взгляд его устремлялся далеко-далеко, а большие светло-серые глаза почти не мигали. И писал он другой раз, не глядя в тетрадь. Редко когда посмотрит.

Однажды я заглянула в его рукопись. Почерк был мелкий. Одна строка почти сливалась с другой, и постороннему понять было трудно, и если б мне дали тетрадь эту в руки, я и тогда, наверное, не все в ней разобрала.

Но с тетрадью Аркадий Петрович никогда не расставался, из рук ее не выпускал, и я, например, не знаю, куда он ее прятал, когда ложился спать.

И берег он эту тетрадь, потому что была это будущая его книга и еще потому, что записывал в ней много всего, что, конечно, от немцев было тайной.

Сидел он так от светла до светла, и партизаны боялись его тревожить. Если Гайдара отвлекали по маловажному делу, он, случалось, не откликался или просил оставить его в покое.

Его оставляли. И я сильно подозреваю, что Аркадий Петрович бывал часто голодным, потому что коли поласковей к нему не подойти и миску в руки ему не дать, то сам он ни за что не поест — забудет.

И придумали тогда подсылать к Гайдару с едой меня. «Ты, говорят, самая маленькая. Ты, говорят, самая хитрая, ты кого хочешь, можешь заставить, и потому мы будем эксплуатировать твой детский труд».

В тот вечер все уже поели, всю посуду вымыли, а котелок Гайдара нетронутым стоит.

— Иди,— говорят мне на кухне,— накорми своего писателя, а то он без тебя опять голодным спать ляжет.

А у меня какая хитрость? Беру котелок, подхожу к нему. И поскольку знаю — если звать, все равно не отзовется, то кладу ему осторожно ладошку на плечо.

От неожиданности Гайдар удивленно оборачивается.

— А-а, это ты, маленькая? Что случилось?

Я протягиваю котелок.

— Вы бы поели...

— А разве это обязательно?

— Конечно, обязательно. Вы же остаетесь без ужина.

— Это не беда...

И пока я так с ним разговариваю, в руках у меня коте-

лок, а у него на коленях тетрадь, и я нарочно котелок на весу держу, чтобы он думал — мне неудобно.

Гайдар сокрушенно качает головой, захлопывает тетрадь, зажимает ее под мышкой — на пень или на землю никогда не клал — и принимается за еду.

Съел он, верно, меньше половины. Похвалил. Сказал, что гречневая каша — это хорошо, она придает много силы.

Но по тому, как он медленно, без удовольствия ел, по тому, как он со мной говорил, я видела: Гайдар ни на минуту не оставляет работы. Мыслями он весь в своей книге. И даже кашу похвалил только для того, чтобы я от него отвязалась.

А мне ведь надо напоить его еще чаем. А чай у нас был особый — из терновника, против желудочных болезней: жили-то на болоте. Болотной водой умывались, болотной водой посуду мыли. А что делать?

И потому заведен был такой порядок: выпить каждому человеку не меньше двух стаканов лечебного нашего чаю.

Я снова к Гайдару, а он:

— Ну, что опять случилось? Кашу-то я ведь уже съел?

— Чаю,— говорю,— пожалуйста, выпейте.

— Ну, чай такая вещь, что можно пить, а можно не пить.

— Нет,— отвечаю я ему,— не пить нельзя. Это же чай из терновника. Это же медикамент.

Он наклонил голову к плечу, прищурился.

— Знаешь, маленькая, одни лечатся медикаментами, другие — самообладанием. Если нет самообладания, то не помогут и медикаменты.

И взял кружку с чаем. Чтоб не спорить.

А после ужина произошло вот что.

Вам не рассказывали о таком партизане — Демьяне Костовиче? Нет? Он был пионервожатым в Гельмязевской школе.

Я его хорошо знала. Мы все перед войной бегали к нему в пионерский клуб. Он умел дружить с ребятами, заводил с ними игры, ходил в походы. Но особенно хорошо играл он на скрипке. И с этой скрипкой пришел в отряд.

Я еще забыла сказать, что был он по рождению своему цыган. Аркадий Петрович, помню, в шутку называл его «красный цыган». Это у него в «Школе» был такой хлопец, который говорил, что он «красный цыган». Хлопца этого потом зарубили белые. Помните?.,

И когда Демьян Костович взял в тот вечер скрипку, лагерь замер. Люди словно застыли в тех самых позах, в каких настигла их музыка, и сидели не шевелясь, может быть, полчаса, а может, и дольше.

Было такое ощущение, что Демьян Костович ворожит на своей скрипке, выводя изогнутым смычком лихие и печальные цыганские песни. От песен этих хотелось и плакать и пуститься в пляс.

Гайдар тоже перестал писать и сидел серьезный, даже немного грустный. Впрочем, как и все.

Каждый думал о своем, и не очень веселом, потому что — чего греха таить — приходилось нам в ту пору круто, а как получится дальше — никто не знал.

О чем думал Гайдар, мне, конечно, неизвестно.

Но, заметив, что все кругом поскучнели, Аркадий Петрович подошел к скрипачу, тихо сказал ему что-то и под аккомпанемент Демьяна Костовича, чуть-чуть сбиваясь с мотива, запел:

По долинам и по взгорьям
Шла дивизия вперед,
Чтобы с бою взять Приморье —
Белой армии оплот.

Гайдара поддержал Горелов, потом Дороган (они сидели вместе), и через минуту, оставив костры и землянки, бойцы образовали полукруг. Пел не очень большой и не очень дружный хор. Иные, позабыв слова, выводили голосом один только мотив.

Мы все вдруг почувствовали, как легко нам задышалось, потому что с каждой строкой этой старой боевой песни все дальше отлетали наши сомнения, наши невеселые мысли.

И я подумала, что, может быть, и про таких партизан, как мы, тоже когда-нибудь сложат песню. Или просто напишет книгу Аркадий Гайдар.

И слова:

Этих дней не смолкнет слава,
Не померкнет никогда —
Партизанские отряды
Занимали города...—

зазвучали так мощно, что эхо прокатилось по лесу, словно пели ее и древние дубы, и белые березы, и молодые сосны, и всегда молчаливый кустарник; и гордый этот мотив — от дерева к дереву, от листка к листку — долетал до сел.

Но это уже был непорядок. И тогда Гайдар, привстав со своего места и по-дирижерски размахивая руками, смеясь, попросил:

— Тише, товарищи, тише! Немцев разбудите.

Бойцы заулыбались, понимающе закивали ему.

Когда кончили петь, все вдруг обратились к Гайдару:

— Аркадий Петрович, прочтите, что вы пишете. Хоть сколько-нибудь.

Мне показалось, Гайдар смутился. Уж очень искренне его просили.

Но что-то мешало ему согласиться.

Он помолчал, потом ответил:

— Записки свои читать я сейчас не буду. Это еще только заготовки, наброски. Над ними нужно много работать, прежде чем их можно будет показать. Вот напечатаю книгу — тогда сами и прочтете. А пишу я о том, как в трудную для всей нашей земли пору мы стали солдатами; о том, что вот мы с вами из разных мест, у нас разные профессии, непохожее прошлое.

Но неожиданно и тревожно повернулась жизнь, и мы, не сговариваясь, пришли сюда, стали «лесными братьями».

Я много о вас написал. Думаю, еще больше напишу. И если выйдем из леса, из кольца, страна трудов ваших не забудет...

Партизаны были разочарованы тем, как мало он сказал, но всем было приятно, что книга пишется про отряд.

Я подошла к Гайдару попрощаться. Он поинтересовался, куда я иду и надолго ли. Выглядел Аркадий Петрович успокоенным и мягким. Я поняла, что он сейчас не работает, ну то есть там, внутри, не работает тоже. И спросила:

— Аркадий Петрович, а разве вы пишете только о войне?

Гайдар удивленно посмотрел на меня, словно видел впервые:

— Ты права — я пишу о многом... Но о войне, конечно, в первую очередь.

— Но ведь раньше у вас были только детские книги. А теперь, значит, будет книга для взрослых?

— Если все получится так, как хочется,— ответил Аркадий Петрович, и мне показалось, что слова эти он произнес мечтательно и грустно,— я напишу не одну книгу. Я напишу много книг.

Я напишу большой роман для взрослых, но там обязательно будет про ребят.

Я напишу большой роман для ребят, но обязательно расскажу в нем о мужестве и детей и взрослых.

Но в первой же книге я непременно расскажу про тебя. И глава про тебя будет называться «Желтая ленточка».

Я растерялась:

— Обо мне совершенно нечего писать. Я ничего характерного не делаю.

— В любом сложном деле встречаются люди,— сказал он,— которые не делают «ничего характерного». Они просто делают то, что нужно. И на поверку получается, что они-то и делают самое главное.

Когда человеку столько лет, сколько тебе,— продолжал Аркадий Петрович,— когда он уже не ребенок, но еще и не взрослый, с ним в тяжелых обстоятельствах случиться может всякое.

Поехал же парень из твоей школы добровольцем в Германию замаливать «грехи» отца. А ты со своим отцом пришла в отряд. И очень важно, что таких, как ты, больше! Я знаю, что больше,— я встречал...

И мне хочется написать о комсомольцах твоего возраста, твоего поколения, потому что когда мне было столько же лет, сколько тебе, когда я был мальчишкой-комсомольцем, я тоже впервые воевал здесь, на Украине, и дымное то время, и себя той поры я хорошо очень помню.

Гайдар глянул по привычке в далекую даль, улыбнулся чему-то своему.

— Но ты иди... Тебе до рассвета надо попасть в Гельмязево... Спокойной тебе ночи, Желтая ленточка.— И Аркадий Петрович — впервые —крепко пожал мне руку. Ладонь его была сухой и шершавой.

Я ушла.

Вернулась дня через два на зорьке. Лагерь еще спал. Бодрствовали только часовые и Гайдар. Завидев меня, Аркадий Петрович сказал:

— Поешь, отдохни. После поговорим.

Но поговорить не удалось. Примерно через час со стороны лесопилки нагрянули немцы. Начался бой. И мы вскоре поняли, что нас кто-то предал. Фашисты уверенно окружали лагерь с трех сторон.

Оставался единственный путь — через болото, по спиленной сосне.

Аркадий Петрович с ручным своим пулеметом прикрывал наш отход через трясину. В том бою погиб мой отец и побили много наших. Но это вы и без меня знаете.

Потом я узнала, что через несколько дней был убит и Гайдар, и неизвестно, куда исчезли его тетради. Ни одна страница не попала в добрые руки.

А ведь все можно было переписать. Все можно было спрятать. Но Гайдар не думал, что погибнет.

Не верил.

А вдруг рукописи Гайдара еще отыщутся? Как вы думаете?..

...Я выключил магнитофон.

В маленькой квартире стало абсолютно тихо. Только теперь мы заметили, что уже поздний вечер и в комнате совсем темно. Лишь луна освещает белую стену и узкий стол возле окна.

И в этой тишине я подумал, что вот сидит передо мной живая героиня записок Гайдара, тех самых, которые нужно найти. Чего бы это ни стоило.

ГЛАВА XXXII

ДВЕ МАРУСИ

— И посмотрю я на тебя... ну до чего же ты, Натка, на мою Маруську похожа!..

Аркадий Гайдар,
«Военная тайна»

На другой день, простившись с Марией Моисеевной, с Машей, как я ее про себя называл, потому что видел ее в своем воображении прежде всего пятнадцатилетней девочкой, я выехал в Красноярск. Попасть самолетом в Москву можно

было только отсюда. Но мне еще хотелось увидеть Енисей, побывать в Дивногорске.

Дивногорск ошеломил меня. Представьте лесистый берег, уступом спускающийся к реке. Три или четыре бульдозера, идущие в ряд, прорубают просеку. Это улица. Метров через сто—сто пятьдесят выше по склону те же бульдозеры делают другую просеку — это будущее шоссе или еще одна улица. Так в древнем лесу по строгому плану строился этот необыкновенный город.

Когда я приехал, здесь были уже многоэтажные дома, и в редакции местной газеты мне сказали: «Бегите скорей на Школьную. Там сносят самую старую в Дивногорске хибару». Я побежал. Но медлительный бульдозер меня уже опередил. Груду бревен, досок, изувеченных рам не стоило даже фотографировать.

А потом — строящаяся рядом Красноярская ГЭС. Гигантская плотина выглядела небольшой запрудой среди поднимающихся к облакам берегов. По склону их ползали тракторы. Отсюда, снизу, они казались игрушечными моделями настоящих. Такие модели, со спичечный коробок, продавались в Москве, в «Детском мире».

Плотина, объяснили мне, перегородит все русло, а вода поднимется выше этих ползающих в небе тракторов.

...Как ни сильны были новые впечатления, я не переставал все это время думать о Маше. Я искренне завидовал ей (и перед отъездом, кажется, даже сказал об этом), как, верно, позавидовал бы ей любой из моих сверстников. Ведь она видела Гайдара на войне и в работе над книгой о войне.

Но события, поведанные Желтой ленточкой, кроме того, мне смутно что-то напоминали — тоже про войну и тоже у Гайдара... Я мысленно перебрал эпизоды повести «В дни поражений и побед»... Вспомнил полковника Александрова и Женю... Это было похоже, но не совсем... Сергея Ганина и Натку из «Военной тайны»... Это уже было близко. Совсем близко. И все же...

«Голубая чашка»!..

Как же это не пришло мне в голову раньше?!

Выскакиваю из автобуса. Спрашиваю, где тут ближайшая библиотека. И пока разыскиваю, вспоминаю — там ведь тоже Украина, захваченная белыми, и те же места, о которых рассказывала Маша: степи, бескрайние камыши широкого

Приднепровья и где-то ночью, в темноте, встретившаяся кавалерийскому отряду отважная девушка Маша — нет, не Маша, а Маруся, но Маша, Маруся, Мария — это же одно имя,— которая бежала из города, занятого врагом, чтобы найти Красную Армию...

В библиотеке листаю второй том Гайдара. Не то... Не то... Не то... То!..

«Ехал я тогда по степи с военным дозором. Вдруг мелькнула чья-то тень и сразу — за бугор. «Ага! — думаю.— Стой: белый разведчик. Дальше не уйдешь никуда».

Ударил я коня шпорами. Выскочил за бугор. Гляжу — что за чудо: нет белого разведчика, а стоит под луной какая-то девчонка. Лица не видно, и только волосы по ветру развеваются. Соскочил я с коня, а наган на всякий случай в руке держу. Подошел и спрашиваю: «Кто ты и зачем в полночь по степи бегаешь?»

А луна вышла бо-ольшая, большущая! Увидала девчонка на моей папахе красноармейскую звезду, обняла меня и заплакала. Вот тут-то мы с ней, с Марусей, и познакомились.

А под утро из города белых мы выбили. Тюрьмы раскрыли и рабочих выпустили.

Вот лежу я днем в лазарете. Грудь у меня немного прострелена. И плечо болит: когда с коня падал, о камень ударился. Приходит ко мне мой командир эскадрона и говорит:

«Ну, прощай, уходим мы дальше за белыми. На́ тебе в подарок от товарищей хорошего табаку и бумаги, лежи спокойно и скорее выздоравливай».

Вот и день прошел. Здравствуй, вечер! И грудь болит, и плечо ноет. И на сердце скучно. Скучно, друг Светлана, одному быть, без товарищей!

Вдруг раскрылась дверь, и быстро, бесшумно вошла на носках Маруся! И так я тогда обрадовался, что даже вскрикнул.

А Маруся подошла, села рядом и положила руку на мою совсем горячую голову и говорит:

«Я тебя весь день после боя искала. Больно тебе, милый?»

А я говорю:

«Наплевать, что больно, Маруся. Отчего ты такая бледная?»

«Ты спи,— ответила Маруся.— Спи крепко. Я около тебя все дни буду».

Вот тогда-то мы с Марусей во второй раз встретились и с тех пор уж всегда жили вместе».

Но ведь в книгах Аркадия Петровича никогда не было начисто выдуманных героев, особенно когда он писал о гражданской войне.

Комиссар Ботт из «Дней поражений и побед» — это Бокк, упоминаемый даже в дневнике. Яша Оксюз из автобиографии — тем более. Алька из «Военной тайны» списан с маленького Тимура. А Сергей Горинов, Борис Гориков, Сергей Ганин, наконец, даже полковник Александров — образы в разной мере автобиографические.

В таком случае Маруся из «Голубой чашки», Маруся Шегалова из «Военной тайны», наверное, тоже списаны с реально существовавшей Маруси?..

И внезапно подумалось: если по глухим каким-то упоминаниям в письмах удалось в конце концов найти Машу Ильяшенко—Желтую ленточку, то, может быть, удастся отыскать или просто откликнется другая, старшая Маруся — из его юности?..

ГЛАВА XXXIII

ТРЕТИЙ РАССКАЗ ПОЛКОВНИКА ОРЛОВА

СУМКА ГАЙДАРА

Свернув в скатку шинель, я... снял кожаную сумку. За время походов и ночевок на сырой земле сумка пообтерлась и выгорела.

В сумке этой у меня лежали перочинный нож, кусок мыла, игла, клубок ниток и подобранная где-то середина из энциклопедического словаря Павленкова.

Аркадий Гайдар,
«Школа»

Общительный по натуре своей, Аркадий Петрович порой наглухо замыкался в себе. Не видя к тому причин, я допытывался, в чем дело, пока не понял: Гайдар очень болезненно переживает наши неудачи и то, что доводится видеть.

Когда ему становилось совсем невмоготу, он куда-нибудь даже уходил: не хотел, чтоб в таком настроении его видели.

Но однажды Гайдар мне признался, что дело не только в настроении, но и в его привычке, в его манере работать.

— Если я сосредоточен и замкнут, то, скорее всего, в этот момент я пытаюсь поймать Пегаса за хвост,— шутливо объяснял он.— Эх, и напишу же я, товарищ полковник, обо всем, как оно было,— часто повторял Аркадий Петрович.

Но о том, что́ он пишет, Гайдар говорить не любил и мне свои записи ни разу не показывал. Не знаю, как другим, но думаю, что тоже.

Тетради он носил в сумке. В Киеве у него была сумка командирская. А когда мы встретились с ним в окружении, то на плече висела брезентовая, противогазная, более вместительная. Потерял ли он ту или нарочно поменял, не знаю. И что носил он теперь в противогазной, я бы тоже, верно, не узнал, если бы не случай.

Скрываясь от преследования, переходили мы ночью вброд глубокую речку и вымокли до нитки. А когда под утро сделали привал, Гайдар обнаружил, что все документы в кармане и рукописи искупались вместе с ним. Он встревожился. Тут же вытряхнул из сумки все, что в ней было.

Носил он в ней патроны и запалы для гранат. Их Аркадий Петрович отложил сразу в сторону.

Выпали на землю и несколько носовых платков, полученных в посылках от киевских школьников. На одном было вышито: «На счастье». На другом — «На память. Женя». Вышивка была неумелой, детской.

Почему я платки эти запомнил, потому что их у него попросил. Сапоги мои к тому времени совсем развалились. Особенно левый — торчали пальцы. И я, простите, взял себе платки на портянки: ничего другого не было.

Один платок вскоре, конечно, порвался, а другой, представьте, уцелел. До сих пор уцелел, и храню я его с другими немногими Аркашиными вещами...

Было в сумке много карандашей. Один — трофейный, четырехцветный: Гайдар любил им писать. А также книжка — «Сказки об Италии» Горького.

«Сказки» эти он подобрал у разгромленной немцами школы. Книг там было много. Прямо на улице валялась целая библиотека. Ветер быстро листал страницы. Но взял он только эту. Читал раза два у костра. А затем подарил, по обыкновению, очередному своему «адъютанту».

Но, вытряхнув все из сумки, Аркадий Петрович занялся тетрадями и блокнотами. К счастью, они пострадали не очень. Так только, с краю. Зато намокли отдельные листки, которых в сумке было множество: записи на вырванных тетрадных страницах, на обрывках театральных афиш, на чистых сторонах листовок — наших и немецких, на бланках полетных листов, которые сохранились у меня и которые я ему дал (он меня об этом просил), а что-то было у него записано даже на обертке от концентрата.

Тетради свои Аркадий Петрович очень берег и заносил в них лишь то, что было для него особенно важно. А все остальное — на чем попало.

Тем более, что среди немалых трофеев бумага для письма ему ни разу не попадалась.

Разгладив листки, каждый в отдельности, он принялся их сушить, наколов на ветки вокруг костра. А несколько страничек долго держал над огнем в руках.

В тот вечер Аркадий Петрович мне признался, что есть у него два законченных очерка. Один — про летчиков моей дивизии: лейтенанта Хлястача, таран которого он видел, и командира эскадрильи капитана Солдатова. Назывался очерк, если не ошибаюсь, «Во имя Родины».

А другой — «Варвары XX века» — о зверски замученных наших людях, которых гитлеровцы обмотали колючей проволокой и живьем бросили в пруд. Гайдар видел этот пруд под селом Скопцы.

По странному совпадению, я тоже.

Я попросил Аркадия Петровича почитать при случае эти очерки.

На следующем привале он прочел их наизусть, как уже бывало, когда он читал отрывки из своих книг: «Голубая чашка», «Судьба барабанщика», «Чук и Гек».

Очерки произвели на всех нас большое впечатление.

Были у Аркадия Петровича и другие вещи, незаконченные, но о них со мной он ни разу не говорил.

БУДНИ

Гайдара мы видели все реже.

Он ежедневно ходил с партизанами на задания. У него появились знакомые во всех ближайших селах. Они держали его в курсе событий, а заодно снабжали съестным. В этом была острая необходимость. В Семеновском лесу, скажем, нас выручал бесхозный скот. Здесь же его не было. Кое-чем помогали партизаны, однако на полное свое иждивение не брали.

Выручал нас, разумеется, Гайдар. Чуть ли не каждый день приносил он хлеб, картофель, сало, иногда немного муки. Сначала ходил один, потом стал брать кого-нибудь. И все это с улыбкой, с шуткой.

Получили мы как-то от партизан несколько килограммов леденцов. Мы блаженствовали, раза три в день распивая кипяток, что отчасти восполняло отсутствие горячей пищи.

Открывается однажды дверь, появляется Аркадий Петрович и с притворной серьезностью спрашивает: «Что мы видим на этой картинке?» И, выждав, когда все удивленно обернулись в его сторону, в той же шутливо-торжественной манере произнес: «Мы видим, как группа закаленных в боях и походах отважных воинов самозабвенно пьет болотную кипяченую воду, именуемую чаем, с карамелью производства киевской артели имени товарища Бебеля».

Карамель, к сожалению, скоро кончилась. А тут, на беду, простудился один из наших товарищей.

— Медку бы ему или сушеной малины,— посоветовал Миша Пенцак.

Вечером, возвратясь с операции, Аркадий Петрович принес большой каравай белого хлеба и полный глечик меда.

Что-то глечик этот показался мне подозрительным. Хлеб, положим, Гайдар приносил каждый день, но мед, когда все разорено?.. Спрашиваю Аркадия Петровича: «Откуда?» Он весело отвечает, что для милых друзей и десять верст не околица и потому побывал он на дальней пасеке у знакомого деда Митрофана Ильича.

Принес — спасибо.

Напоили мы нашего больного чаем с медом. Истопили заодно баню. Собрались мыться. Предлагаем Гайдару идти

первым. Он уклончиво говорит, что лучше потом. И тут я спрашиваю: «А где, Аркадий Петрович, ваше белье?» (Мы все получили в отряде белье.)

Тогда-то Гайдар и признался, что сменял его на мед.

«ПРОШУ ПОЗВОЛИТЬ МНЕ ПЕРЕЙТИ В ПАРТИЗАНСКИЙ ОТРЯД»

Я ходил по двору возле нашего домика, обдумывая, куда двигаться дальше. Оставаться здесь больше не имело смысла. Люди отдохнули. Надо было трогаться.

Подходит ко мне Гайдар. Вижу — взволнован, и настораживаюсь. Аркадий Петрович просит разрешить ему остаться в отряде Горелова.

В этом для меня не было ничего неожиданного. Гайдар по складу своему был романтик. С увлечением вспоминал он кавалерийские атаки времен гражданской войны. Ему все грезились набеги, налеты, засады — в общем, не скучная, не окопная война, а лихие партизанские действия.

Правда, незадолго до встречи с отрядом Горелова был у нас разговор, что хочется ему писать про авиацию, про летчиков.

Я обещал ему всяческое содействие. И даже слово такое шутя придумали — «авиакорреспондент».

И вот теперь эта просьба.

Конечно, был он отличный товарищ, редкой души человек, и я не хотел с ним расставаться. Но дело заключалось и в другом. Пока он находился в моей группе, я, сколько мог, удерживал его от излишне дерзких операций. И он со мной считался.

Стоило нам встретить партизан Горелова и поселиться рядом, как все переменилось. Вместе с бойцами отряда он совершал налет за налетом, и, зная его способность увлекаться, я опасался, что если его не «притормаживать», то в неумеренной своей отваге он может пойти на неоправданный риск.

И я ему отказал.

Приходит назавтра ко мне Федор Дмитриевич Горелов. От имени руководства отряда просит отпустить Гайдара в партизаны. Аркадий Петрович, объясняет он, необходим для

пропагандистской работы. Немцы после своего прихода стали распространять газеты, листки, в которых сулили «золотые горы» украинскому народу. И ложь эту надо разоблачать. Кроме того, Гайдар может стать своего рода историографом отряда.

Конечно, Гайдар был для партизан счастливой находкой. Я это понимал, но боялся его оставить. Располагался лагерь в «пятачковом» лесу. И мой опыт подсказывал: продержаться здесь долго нельзя. К тому же дисциплина в отряде была неважной.

Как ни трудно мне было, Горелову я отказал тоже.

Вечером Аркадий Петрович подходит ко мне и комиссару группы, старшему политруку Евгению Федоровичу Белоконеву.

— Товарищ полковник,— обращается Гайдар,— я вновь прошу позволить мне перейти в партизанский отряд.

— Запрещаю вам не только этот переход,— оборвал я его.— Я категорически запрещаю даже разговоры на эту тему. Вы боец моей группы и пойдете к линии фронта вместе со всеми!

— Позвольте, Александр Дмитриевич,— переходя на дружеский тон, сказал он,— вам не подчиниться. Я не хотел говорить... Но я уже давно, к сожалению, не военнообязанный. Белобилетчик. На войну я попал случайно. Как доброволец. Вернее, как «вольноопределяющийся», потому что уж очень просил и надоедал в военкомате и на медицинской комиссии...

И если вернусь я сейчас вместе с вами, то упекут меня куда-нибудь в армейские тылы, а к передовой и на гусиный перелет не допустят. И потом, я ведь писатель. А место писателя в гуще событий.

Здесь же, в партизанском отряде, в непростой этой обстановке, я и материал для себя найду, и пулемет мой без дела не соскучится.

Гайдар по-своему был прав. И приказать ему я уже вроде и не мог. Я мог только по-дружески просить. Но уговоры мои — увы! — действия не возымели. Попытки комиссара Белоконева помочь мне — тоже.

Так 13 или 14 октября Аркадий Петрович покинул дом лесника и окончательно поселился в партизанском отряде.

«ПРИВЕТ МОСКВЕ»

Мы уходили. И я пришел в лагерь проститься.

Аркадий Петрович пригласил меня в землянку. Там он протянул перевязанный шпагатом пакет. В нем были те два очерка, которые он когда-то нам читал.

Очень хотелось взять пакет с собой, но я объяснил, что нам предстоит пройти по немецким тылам в лучшем случае шестьсот километров, и я не уверен, что сумею донести бумаги в сохранности. Он помедлил, потом положил пакет на стол.

— Вы уходите в неизвестность,— произнес он.— Что ждет вас, да и нас, трудно сказать. И наша с вами сегодняшняя встреча, вероятно, последняя. И я прошу вас, Александр Дмитриевич, если дойдете, разыщите сына и передайте ему мой привет.

— Напишите Тимуру записку,— предложил я.— Записку я возьму.

Гайдар обрадовался и тут же, красным карандашом на листке, вырванном из тетради, написал, как он выразился, «напутствие сыну». Были в этом напутствии, помнится, такие слова: «Всегда будь Гайдаром. Учись. Люби мать. Не унывай и меня не забывай».

Размашисто расписался и нарисовал в верхнем углу звезду с расходящимися, как от солнца, лучами.

— Если увидите Тимура,— продолжал Аркадий Петрович,— передайте ему: я бы очень хотел, чтобы он тоже хоть немного был причастен к моей профессии. Знаете, товарищ полковник, труд писателя адский. Но если б вернули мне прожитые годы и спросили: «Кем бы ты заново хотел стать?» — я бы ответил: «Только писателем, чтобы нести людям большую человеческую правду. Перо в умелых руках — оружие могучее».

В землянку вошел Горелов. Увидел на столе записку и сказал:

— Это, Аркадий Петрович, уже не письмо. Это документ. И вам, товарищ Орлов, лучше его не брать, а просто запомнить. Мало ли что случится в дороге. А здесь — звёзды, да еще указано: «Партизанский лес».

— Как же я об этом не подумал?..— с досадой произнес Гайдар и разорвал листок.

В сумерках того же дня Аркадий Петрович пришел к домику лесника с Михаилом Ивановичем Швайко и Володей. Гайдар договорился с ними, что они проводят нас, а потом вернутся.

На опушке, недалеко от железной дороги, обнялись.

— Не сердитесь на меня, Александр Дмитриевич,— сказал Гайдар.— Может, я в чем и неправ. Но такой уж у меня характер... Привет Москве. Привет семье. Не забывайте меня. А я вас всегда помнить буду.

Мы отошли на изрядное расстояние, когда услышали: кто-то бежит. Бежал Гайдар. Он опустил руку мне в карман, еще раз обнял и вернулся. В кармане я нашел кожаный его портсигар с махоркой и мундштук.

У поворота я обернулся. Аркадий Петрович стоял, почти сливаясь с деревьями, и махал нам рукой. Мы ответили.

ГЛАВА XXXIV

ГЛАВА, КОТОРОЙ ЛУЧШЕ БЫ НЕ БЫЛО

— Это тревога, это белые.
И тотчас же погас костер, лязгнули расхваченные винтовки, а изменник Каплаухов тайно разорвал партийный билет.

Аркадий Гайдар,
«Военная тайна»

Группа Орлова ушла восемнадцатого. В суматохе, вызванной сборами и проводами, в отряде не сразу спохватились, что исчез Александр Погорелов.

С Орловым он не уходил. Да и не было ему в том нужды. На операции его давно уже не посылали. В дозор не ставили, а между тем его все-таки не было.

Последние дни Погорелов вел себя странно: плохо ел, ни с кем почти не разговаривал. Полное лицо его осунулось и стало дряблым, а в глазах появилась тоска.

Если Погорелова окликали, он вздрагивал, словно его заставали всякий раз за дурным делом. А тут еще он стал по вечерам напиваться и среди ночи переполошил весь отряд, подняв стрельбу из винтовки.

— Саша, что с тобой? — спросили, подбежав, товарищи.

— Ох, пропали мы, ребята, ох, пропали! — ответил он и заплакал.

И вот Погорелов исчез.

Ночью двадцатого октября Игнат Касич, Федор Горелов, Иван Тютюнник и Аркадий Гайдар собрались в доме Андриана Степанца. За ужином, Афанасия Федоровна хорошо очень слышала, опять возник разговор о Погорелове.

Высказывались разные предположения: кто говорил — мог и заблудиться, тем более если пьяный; кто утверждал — заблудиться всерьез, конечно, в нашем лесу мудрено, а выкрасть его немцы могли свободно, поскольку отрядом они интересуются. А кто считал, что он просто взял и ушел.

Поскольку дело было не шуточное, Горелов приказал подготовить разведывательную группу, которая перво-наперво отправится в Гельмязево и выяснит, не слышно ли чего там, а потом обследует окрестные села.

...Как мне удалось узнать совсем недавно, события развивались следующим образом.

Районный староста Корней Костенко направлялся в бронированном своем автомобиле на совещание в Хоцки. Его сопровождала охрана — несколько полицаев.

Машина миновала Гельмязево, затем Софиевку, и вдруг Костенко приметил в кустах близ обочины дороги мужчину.

Мужчина либо отдыхал, либо прятался, пережидая, пока пройдет автомобиль. А районный староста подумал, что это диверсант, подосланный его убить.

Машина затормозила. Полицаи бросились к человеку у дороги, легко схватили его (он не сопротивлялся) и подвели к Корнею.

Говорят, когда районный староста и задержанный поглядели друг на друга, то произошло обоюдное замешательство, потому как были они хорошо знакомы.

Задержанный торопливо сказал, что просит отвезти его к немцам — хочет сообщить важные сведения о партизанском отряде Федора Горелова.

Прихватив арестованного, Костенко вернулся в райуправу, позвонил по телефону, и часа через полтора туда подкатили три машины с эсэсовскими офицерами.

Офицеры наскоро допросили перебежчика, посовещались в соседней комнате, посадили его в машину и увезли.

ГЛАВА XXXV

ВОЕННЫЕ ЗАМЫСЛЫ

Перестрелки были. Набеги на сонных или отбившихся белых были. Сколько проводов было перерезано, сколько телеграфных столбов спилено — и не счесть, а боя настоящего еще не было.

Аркадий Гайдар,
«Школа»

Небольшие диверсионные операции стали единственной формой боевых действий отряда. И это начало Аркадия Петровича раздражать.

«Поймите,— убеждал он,— еще одна или две подбитые машины ничего в ходе войны не меняют. И то, что было хорошо только для начала, не может быть хорошо без конца».

Особенно сердило его, что ходят на операции одни и те же люди, в общей сложности человек двадцать. Прочие же занимаются неизвестно чем и жуют только целыми днями хлеб. Посмотришь на иного — физиономия вб, точно он не в партизанском лесу, а в санатории.

— Надо перестроить весь наш распорядок,— советовал Гайдар командиру отряда,— чтобы каждый, просыпаясь, знал: ждет его дело. Выполнит — хорошо, не выполнит — послать снова. А не захочет — гнать его отсюда. Дармоеды нам не нужны...

С другого берега Днепра прибыл мальчишка-связной. Рассказал, что построили немцы в Каневе аэродром. Какие там самолеты стоят, он не понимает, но что их около двадцати и есть двухмоторные,— сам видел.

К неожиданным идеям Аркадия Петровича в отряде уже стали привыкать. Но когда он предложил Горелову захватить Каневский аэродром, в который раз изумились.

А Гайдар, легко отметая сомнения, развивал свою мысль, доказывая: это вполне возможно, поскольку немцы меньше всего ждут, что кто-либо на подобное отважится.

Больше того, в отряде есть авиационный инженер, полковник Горшунов. Он может проинструктировать бойцов, как быстрее вывести из строя самолеты. А на одном можно

будет даже перелететь через линию фронта. Во-первых, чтобы переправить туда часть людей, разумеется, тех, кто захочет, а во-вторых, чтобы установить связь с Центром. И тогда можно будет развернуть такие дела...

Конечно, есть в перелете немалый риск. Не ровен час, подобьют и свои... С другой стороны, где его, риска, нету?..

Позвали Горшунова. Он ответил: по части захвата аэродрома ничего посоветовать не может. Тут он мало что смыслит, но в том, что на немецких самолетах не составит труда улететь, не сомневается. И к перелету готов.

— Спасибо, что поддержали,— сказал ему Гайдар, когда они вышли из землянки.

— Ну что вы, товарищ писатель. Это ж так здорово. Долетаем мы часа через два до линии фронта. Сбрасываем вымпел: «Не стреляйте, свои». Потом садимся. И только сели — дают вам место в транспортном самолете. И к вечеру вы уже в Москве.

— Да,— улыбнулся Гайдар.— Хорошо бы... Ночью в Каневе, утром уже у своих. А к ужину — дома. Только знаете, что я вам скажу... В Канев, положим, я отправлюсь, как и все. А в Москву вам придется лететь пока что без меня...

— Почему?!

— Да так. Я еще не все дела свои тут закончил...

Выслали разведку в Канев. Она доложила, что охрана возле аэродрома сильная. Но считай, что весь каневский гарнизон состоит из одной только аэродромной охраны. Смена ее происходит в одни и те же часы. Надо теперь только уточнить, где квартируют немцы, и начинать действовать.

По мнению разведчиков, перебираться на другой берег Днепра следовало не в лодках, а захватив понтонную переправу, наведенную фашистами взамен подорванного нашими саперами моста.

Толковое донесение ободрило Гайдара, и он в хорошем настроении, что случалось в последнее время не часто, отправился с группой товарищей в сторону Комаровки, чтоб только не сидеть без дела.

Место выбрали, какое Аркадий Петрович всегда любил, у изгиба дороги. Однако машины в этот день не появлялись. Проползла только подвода. На ней печально сидела женщина.

Когда подвода скрылась за поворотом, Гайдар прислушал-

ся. Ветер не доносил никаких настораживающих звуков. И Аркадий Петрович подполз к Тонковиду.

— Захватить аэродром — значит захватить весь Канев,— сказал ему Гайдар таким тоном, словно возвращался к прерванной беседе.— И потому совершенно необходимо это сделать.

— Но удержать Канев мы все равно ведь не сможем,— возразил Тонковид.— И возвращаться на прежнее место нам будет тоже нельзя — немцы всполошатся.

— Вот и хорошо, что нельзя и что всполошатся,— обрадовался Гайдар.— В этом лесочке да при теперешнем положении дел отряду все равно не жить... Пока что немцам просто не до нас. Они спешат к фронту. Да и потом я не уверен, что они за нас уже не взялись... Вспомни вчерашний случай.

Тонковид согласился. Ему этот случай тоже показался странным.

В лагере появились двое незнакомых парней.

Задержали их уже возле командирской землянки.

Один нес на руке, будто продавая, аккуратно сложенную немецкую шинель на блестящей шелковой подкладке.

Когда их спросили, кто такие, они развернули шинель. С левой стороны сукно было прострелено и даже испачкано кровью, а погоны оказались генеральскими. Парни бойко объяснили, что генерал этот ими убит вместе с шофером.

— А где же его документы?

— Мы их не взяли. На что они нам? Все равно по-немецки не балакаем,— ответили парни.

— В каком же месте бросили вы машину?

Те объяснили.

— Надо б проверить,— шепнул Горелову Дороган. Он отвечал за контрразведку.

— Да ну, видно ж, что свои хлопцы,— ответил тот громко.— Накормите их только. Не забудьте.

Хлопцев накормили. Поднесли даже по стаканчику. Они с удовольствием выпили. Поужинали. А потом исчезли. Вместе с шинелью.

Тогда Гайдар впервые вспылил.

— Нельзя было их отпускать, пока не проверили! — сказал он Горелову.

— Да брось ты, Аркадий Петрович, чего нам бояться? — усмехнулся Горелов.— Нехай немец нас боится.

— Ты, Федор Дмитриевич, конечно, хороший человек. Но в военном деле, прости, ни черта не смыслишь,— ответил Гайдар.

Тут уж рассердился Горелов. Велел Дорогану послать людей к тому месту, где подбили генеральскую машину. Никакой машины не нашли. И следов ее на влажном песке тоже.

— ...Вот я и говорю,— сказал Тонковиду Аркадий Петрович,— что надо поскорей всем отрядом с этого места сниматься. Сначала хотя бы на Черниговщину, а там и в Брянские леса. Связаться с Центром, с фронтом. Собрать побольше людей. Не сто и не двести, а целую партизанскую армию — с настоящей разведкой, с санчастью, с пулеметными ротами и даже со своей артиллерией. Конечно, морды, как тут вот некоторые у нас ходят, при таком деле не наешь. И без жертв, наверное, тоже не обойдется... Зато немцы поймут, какая еще имеется здесь, в глубоком их тылу, сила. И весь мир узнает, на что способны в нынешней войне партизаны...

Ты, Михаил Федорович, откуда? — неожиданно спросил Гайдар.— Из Киева?.. Жаль... То есть, конечно, хорошо. Я Киев и сам люблю. Жаль, что не из Москвы. Я уж тут всех спрашивал — ни одного москвича.

У меня к тебе просьба. Есть у меня браунинг. Здесь вот я его ношу. Как он бьет, я, признаться, даже не знаю. Не пробовал. В деле не привелось. А стрелять по соснам — патроны жалею. Так вот, если со мною что случится, забери этот браунинг. Отвези его в Москву, в Союз писателей. Скажешь, мол, Гайдар браунинг этот прислал и еще велел передать...

— Подождите, Аркадий Петрович,— забеспокоился Тонковид, обшаривая карманы,— я сейчас запишу. Карандаш у меня где-то был...

— Не надо карандашей... Так запомнишь: Гайдар велел передать...— Аркадий Петрович остановился и на мгновение задумался.

Тонковид, выжидая, тоже молчал. И вдруг оба услышали завывающий звук автомобильного мотора.

— Машина! — почему-то шепотом произнес Гайдар.— И, кажется, не одна... Что делать, знаешь...— и отполз.

Появились две машины. Впереди двигалась бронированная, открытая; в ней, опираясь о борта, с автоматами наго-

тове стояли солдаты. Другая, закрытая, шла следом. Это был роскошный лимузин. Такого партизаны еще не видели. Несомненно, в машине ехал кто-то из высоких немецких чинов. На миг показалось странным, почему лимузин не прикрывают и сзади. Но раздумывать было некогда.

Гайдар крикнул: «Огонь!»

В первую машину полетели гранаты, по второй ударил пулемет Гайдара.

Операция длилась не более минуты.

Гайдар, Денис Ваченко и еще трое бойцов вышли из укрытия. Ваченко открыл дверцу легковой машины. Из кабины вывалился мертвый полковник. Гайдар взял с сиденья портфель тонкой коричневой кожи и вынул из френча офицера документы. Но раскрыть их не успел. Послышался рев мотора еще одной машины.

Едва партизаны скрылись за деревьями, из-за поворота выскочил и резко затормозил грузовик с солдатами. Из него выпрыгнул офицер и подбежал к полковнику. Офицер что-то крикнул, и солдаты открыли пальбу по лесу...

В лагере Гайдар внимательно просмотрел содержимое портфеля и захваченное удостоверение. Убитый полковник был комендантом Переяслава.

ГЛАВА XXXVI

УРАВНЕНИЕ СО МНОГИМИ НЕИЗВЕСТНЫМИ

Там вырисовывались черные расплывчатые тени. Там обозначались очертания озлобленных, нехороших лиц. И как будто бы кто-то смотрел оттуда пристальными недобрыми глазами...

Аркадий Гайдар,
«Дальние страны»

Пока я расспрашивал о самом Гайдаре, пока мои собеседники рассказывали о немногочисленных встречах с Аркадием Петровичем, работа двигалась сравнительно легко. В дерзких поступках, в коротких, часто афористичных высказыва-

ниях, запомнившихся бывшим партизанам, легко и быстро угадывался характер Гайдара с его отвагой, изумительной находчивостью, жизненным и военным опытом, который находил себе применение в самых неожиданных обстоятельствах.

Но лишь только разговор касался боя у лесопильного завода, все сразу усложнялось.

Сражение длилось часа три, и каждый, кто был в том бою, видел лишь часть его. Шел бой в лесу, на значительном пространстве, и партизаны в большей или меньшей степени были разобщены. Во всяком случае, один человек не мог описать всех деталей. А важны были в первую очередь именно детали, чтобы восстановить всю картину и понять, почему партизанам пришлось отступать и как получилось, что отход товарищей стал прикрывать Гайдар.

Я надеялся: если прояснятся обстоятельства, связанные с трагическим для всего отряда боем, то, по всей вероятности, приподымется завеса и над последующими событиями.

Я снова направлялся в Лепляву. Из писем мне было известно, что в нескольких километрах от Леплявы, в селе Калеберда, живет бывший партизан отряда Горелова Иван КонстантиновичВаселака.

Познакомились, а наутро уже ехали на колхозной полуторке к заброшенному лагерю. Где он находился, этот лагерь, до сих пор толком никто объяснить не мог.

Машина обогнула Леплява, прошла километра два вдоль берега Днепра, пока не свернула на уползающий в лес проселок.

Проселок тревожно взбегал с холма на холм меж тесно растущих сосен и старых дубов. Как бы запутывая след, петлял, бросаясь из стороны в сторону, переплетаясь с бесчисленными тропками, просеками, стежками, пока резко, под прямым углом, не вильнул влево.

Машина остановилась. Справа, сразу от дороги, начинался пологий обрыв, который спускался к болоту, заросшему белесоватыми камышами.

— Где-то здесь,— неуверенно произнесВаселака, выходя из кабины.

Сам он не был в лагере с 1942 года. Лес за два десятилетия стал иным: много вырубили, много выросло. Мы проби-

рались, раздвигая высокие камыши, цепляясь за коряги, снова возвращались к обрыву, пока я не услышал:

— Изогнутый дуб видишь?.. Кабы не он, теперь уж ни за что бы не нашел...

Мы очутились на поляне, огороженной, как забором, деревьями и дружной стеной кустарника. Посреди поляны — лукой изогнутый дуб, у подножия дерева — воронка. Но это не воронка от мины или бомбы. На этом месте находилась землянка, в которой жили Гайдар и Горелов.

В нескольких метрах от нее — широкий, косо срезанный пень. На нем-то всегда и работал Аркадий Петрович.

Я сажусь на этот пень, слушаю шум весеннего леса, и мне не верится, что лагерь этот когда-то был полон сильных, мужественных людей и что в живых осталось только шестеро...

Вечером мы сидим в избе Васелаки. Жарко горит печь. Бесшумно вращаются бобины магнитофона. Иван Константинович рассказывает о жизни отряда, напевает грустные украинские песни, которые пел Гайдар, описывает последний партизанский бой...

Утром еду в Гельмязево, к Ивану Сергеевичу Тютюннику, главному моему консультанту по вопросам истории отряда. Он припоминает новые подробности, а затем советует встретиться с ребятами-краеведами из школы-одиннадцатилетки, где учится его внук Стасик Иващенко. Ребята совсем недавно предприняли розыск людей, которые могли что-либо знать об отряде и судьбе его бойцов.

...В роли почетного гостя сижу за учительским столом. А ребята по очереди рассказывают, кто что знает. Живут они в разных селах. И сведения у них неожиданные и обширные.

Особенно интересно сообщение Вити Станиславского с хутора Малинивщина, где полицаи схватили командира отряда Федора Дмитриевича Горелова. Витя говорит, что живы люди, которые помнят, как это случилось.

И хотя Горелов был схвачен после боя и после гибели Гайдара, я усматриваю трагическую закономерность в том, как стремительно следуют события: 22 (или 23) октября — бой. 26-го — засада у насыпи и гибель Гайдара. 3 ноября — арест Горелова.

И решаю тут же ехать в Малинивщину.

Пока прощаюсь, к подъезду подают «экипаж» — школьный трактор «ДТ-20» с двухколесным прицепом. Дороги раскисли, объясняют мне, и пройти по ним может только трактор, и то не везде.

За рулем — Стасик. В маленькую тележку, чтобы я в дороге не скучал, прыгает Витя. Нас подбрасывает на ухабах. Всю дорогу держу на вытянутых руках магнитофон и все равно боюсь — растрясет.

Трактор то и дело останавливается, буксует. Ребята бесстрашно прыгают в грязь: они в сапогах. Кладу на сено рюкзак с магнитофоном и собираюсь прыгать тоже.

— Что вы тут сделаете в ваших баретках? — покровительственно останавливают они меня.— И потом вам нельзя пачкаться — вы на работе.

Посреди какого-то села трактор застревает в восьмой и последний раз. Оставляем Стасика ждать «ДТ-54», который вытащит наш «экипаж» из грязи, после чего Стасик поедет обратно. А мы с Витей — по той же слякоти — спешим в Малинивщину. Уже темнеет.

Витя забегает домой: он целую неделю не видел родных, а я направляюсь к хате Надежды Гоптар.

Маленькая, почти по самые окна ушедшая в землю изба. Она стоит будто вдавленная чьей-то сильной и гневной рукой, стоит, словно прячась от острых взглядов за спинами соседних домов.

Запущенная комната с низким потолком. Устланный соломой пол. Здесь Горелов, Александров и Никитченко попросили ночлега.

Им могли отказать. Но позволили. Не отказали. И они остались. А потом Надежда Гоптар торопливо объяснила, что сбегает за хлебом. Она принесла хлеб. А заодно предупредила о гостях сестру, которая «гуляла» с полицаем.

Я включаю магнитофон. Задаю вопросы хозяйке дома, Надежде Гоптар.

Микрофон поглощает обыденные и страшные слова бесцветного рассказа. Это самое мучительное интервью в моей жизни.

Собираюсь уходить. Расстегиваю «молнию» заплечного мешка, чтобы опустить в него магнитофон.

Заглянув мне в глаза откуда-то снизу, Надежда Гоптар внезапно предлагает:

— Хотите... наложу всю вашу торбу, доверху, яичками?..

Ей, наверно, показалось, что сотней куриных яиц еще можно искупить кошмар той ночи...

На обратном пути останавливаемся в Калениках, куда партизаны ездили на свиноферму. Здесь мы с Витей и ночуем.

За день, проведенный в селе, посещаю сразу троих бывших партизан. Сначала Дениса СеменовичаВаченко — в прошлом участника Октябрьской революции и штурма Зимнего; брата его, Ивана Семеновича, и председателя сельсовета Тараса Федоровича Бутенко.

В гельмязевскую гостиницу возвращаюсь совершенно разбитый. Перед глазами — вдавленная в землю избушка и мрачная низкая комната. В воображении — разрозненные картины событий. Хочу только одного — заснуть, если удастся, потому что с утра снова работать, снова спрашивать, слушать, записывать, сопоставлять.

...Будит меня дежурная.

Смотрю в окно — темень.

На часы — ночь.

— Простите, но вас спрашивают,— говорит она.

Здесь, в Гельмязеве, ночью?..

В комнату входит молодой широкоплечий мужчина в бушлате и мичманке.

Знаю, что никогда его не видел, но лицо его мне знакомо.

— Извините, я только что вернулся с работы и узнал, что вы здесь. У меня важное дело. Я сын погибшего комиссара отряда Мойсея Ивановича Ильяшенко, Николай.

Это был брат Маши — Желтой ленточки.

Одеваюсь, и мы уходим.

Николай уже не первый год собирает сведения об отряде и людях, которые эти сведения могут сообщить. Когда в бою у лесопильного завода погиб его отец, Николай был еще мальчишкой. С той поры он ищет полицая, который убил его отца.

Ему кажется, что убийца жив и его можно найти.

В ту ночь я узнал много важного и обрел в своей работе верного товарища и еще одного страстного помощника.

И события, которые все это время не давали мне покоя, прояснились почти до конца...

ГЛАВА XXXVII

ПОДВИГ ПУЛЕМЕТЧИКА

Пулеметчик... уже остался один и, выпустив последнюю ленту, поднимает валяющийся карабин и стреляет в упор, разбивая короб «максима», с криком: «Давитесь теперь, сволочи!»

Аркадий Гайдар,
«В дни поражений и побед»

ТРЕВОЖНЫЙ РАССВЕТ

(По воспоминаниям Т. Ф. Бутенко, Д. С. Ваченко, И. К. Васелаки, М. М. Денисенко (Ильяшенко), И. С. Тютюнника, В. И. Скрыпника.

Заморозки осенью 1941-го начались небывало рано. Раскисшие было от дождей лесные дороги стали твердыми, как городской асфальт. И пока их не присыпало листвой, земля гулко отвечала на каждый шаг.

Партизаны оделись во все теплое: кто принес из дому, кто получил в отряде.

Аркадию Петровичу тоже выдали ушанку с рыжим верхом и полушубок. Ушанку, хоть она и была ему мала (других размеров не нашлось), он взял и лихо носил словно кубанку, на самом затылке. От полушубка же отказался, заявив, что, во-первых, ему не холодно, а во-вторых, для всех полушубков все равно не хватит...

И Гайдар остался в короткой своей шинели, которую где-то случайно подобрал, да так и не успел сменить: то ли потому, что недосуг, то ли потому, что жалко расставаться.

Служила эта шинель ему верой и правдой. Была она в нескольких местах, впрочем, как и выброшенная теперь пилотка, пробита пулями и осколками. И даже ночью он с ней не расставался, а клал поверх одеяла: печурка в землянке, едва перестанешь ее топить, быстро остывала. И если потеплей не укрыться, то вечером трудно уснуть, а утром еще труднее встать, особенно когда между деревьями надолго повисает снежно-белый туман.

И в это раннее утро 22 (или 23) октября в лагере не спали только часовые: Тарас Бутенко, Михаил Кравченко, еще

трое бойцов (их вот-вот должны были сменить) и Гайдар, который уже сидел на пеньке и работал.

Внезапно со стороны лесопильного завода раздались два гулких винтовочных выстрела. Они последовали один за другим с такой поспешностью, словно стреляли не по цели, а только чтоб о чем-то предупредить.

Часовые замерли, прислушиваясь, что последует в ответ. Но лес молчал. Кравченко закрыл даже глаза, надеясь, что так он лучше услышит шум или крик... Но нет, все тихо. То есть не тихо: шумит ветер, шуршит иссохшая листва, скрипят ветки. Прямо над лагерем неровной стрелой спешат, курлыкая, запоздавшие журавли. И больше ничего.

И вдруг он услышал: сквозь привычный шум ветра прорвался далекий, но ровный и сильный гул. Прорвался и пропал, словно его отнесло, потом возник снова, уже сильней.

Это был гул автомобильных моторов.

Отрядные грузовики стояли на обычном своем месте. Предположить, что это другой партизанский отряд или воинская наша часть, которая действует в глубоком немецком тылу?..

И тогда Кравченко вспомнил...

Жил недалеко отсюда, на Ганенковском хуторе, сторож-старик. Был он по национальности латыш и дружил с румыном Васелакой.

К дедушке часто наведывались полицаи, которые всё его распытывали, не приходят ли сюда, в избушку, партизаны и не знает ли он, где их табор.

Дедушка отвечал, что не знает, но если узнает, тут же сообщит в комендатуру или старосте.

Как раз вчера два полицая снова пришли к сторожу и сказали по секрету, что в Комаровку приехали немцы шукать партизан, и потому не слышал ли дед чего нового.

Старик, по секрету же, признался: приходил к нему один подозрительный человек. Попросил даже напиться, но партизан он или нет, сказать трудно. Так-то оружия на нем не видно, а что в кармане — поди узнай.

Полицаи озабоченно спросили, во что он был одет и куда примерно направился. А как только они ушли, старик взял свою палку и заспешил в лагерь. Там он рассказал все Васелаке. Васелака доложил командиру. И вот этот гул...

— Тревога!..

Партизаны выбегают из землянок с винтовками, автоматами, рассовывая по карманам запасные обоймы, гранаты, горсти патронов.

На случай внезапного нападения существовал план обороны лагеря, и теперь каждый спешил занять свое место в окопе или глубокой воронке.

У штабной землянки трое: Горелов, комиссар Ильяшенко и Дороган. Они о чем-то вполголоса переговариваются, а затем Ильяшенко и Дороган, минуя окопы, направляются в глубь леса, в разведку.

Их догоняет встревоженная, запыхавшаяся Маша.

— Пап, ты куда? — спрашивает она отца.

— Мы, Марина, дойдем до лесопилки и вернемся. Если задержусь, помни: что́ бы ни случилось, будь в Гельмязеве для связи... Поняла?..

Маша кивает. Отец проводит рукой по ее волосам — девочка не успела накинуть на голову платок — и бежит догонять Дорогана.

Партизаны готовятся к бою. На правом фланге, возле болота, в небольшом, накануне вырытом окопчике расположились Тютюнник и Шаповал. В нескольких метрах от них, в глубокой воронке, разместился ДенисВаченко. Рядом — с ручным пулеметом, взятым у Гайдара,— Михаил Кравченко. И на самом отдаленном участке, на левом фланге, Аркадий Петрович.

Он сидит в глубоком окопе, тоже с ручным пулеметом, но немецким, который показался ему для предстоящего боя удобней, потому что полагался к нему не диск на сорок семь патронов, а ленты. И менять эти ленты быстрее и проще.

Оружием трофейным Гайдар давно интересовался, полагая, что в партизанской войне уметь им пользоваться необходимо, и провел даже по этому случаю в отряде два или три занятия с бойцами.

Рядом с ним, заранее открыв коробки, примостился Михаил Тонковид. Он вызвался быть вторым номером.

Шестьдесят человек насчитывается в отряде. Четверо женщин готовят бинты, йод, самодельные носилки. Двое ушли в разведку, и теперь весь лагерь ждет их возвращения.

Многие нервно курят в рукав, хотя уже светло. Со стороны такая предосторожность выглядела бы смешной, но со стороны глядеть некому.

Неожиданно близко, не далее чем в полукилометре, бьет немецкий автомат. И сразу на разные голоса, вторя ему, заливаются другие. В коротких паузах слышен приглушенный — чи-чи, чи-чи, чи-чи! — треск нашего «ППШ». И вдруг все смолкает.

Бойцы переглядываются и еще пристальнее всматриваются и вслушиваются в лес. Впереди раздается хруст ломаемых ветвей и тяжелый гулкий топот.

— Не стрелять! — шелестит по цепи приказ Горелова.— Это могут быть разведчики.

Из сосен выскакивает Дороган: потные волосы выбились из-под шапки, полушубок расстегнут, в руках автомат.

— Немцы... Много... Шесть машин... Человек триста... Направляются сюда...— говорит он, ни к кому, собственно, не обращаясь.

Его подзывает Горелов, который стоит с двумя связными в глубине лагеря, откуда удобней наблюдать за всей линией обороны:

— Где Ильяшенко?

Дороган испуганно наклоняется к Горелову:

— Убит... Столкнулись с дозором.— И Дороган вытирает ушанкой лоб и лицо.

Между деревьями густо засерели немецкие шинели. Фашисты подбираются медленно, поводя из стороны в сторону автоматы, беря на прицел каждый куст, который кажется им подозрительным. По всему видно: чувствуют они себя неуверенно. Остановились. Доносится незнакомая команда. Ее тут же повторяют по-русски: вместе с немцами идут полицаи.

— Огонь! — кричит Горелов.

Ударили пулеметы, забили автоматы, рванули, осветив все вокруг, гранаты. И фашисты, кто медленно, мешком, кто быстро и ловко, упали на землю, открыв ответную стрельбу.

Бой начался.

Из-за кустов, из-за первой шеренги немецких солдат тяжелым перестуком застучали подтянутые пулеметы. И через минуту трудно было разобрать, кто и откуда стреляет.

Едва началась перестрелка, из окопа выскочил и побежал в глубь леса, прыгая через корни и пни, петляя между деревьями, Филимон Шаповал. И некому было обернуться, чтобы пустить вдогонку ему пулю: уж очень близко подошли немцы.

С нашей стороны появились раненые. Двое или трое партизан замерли в неудобных позах, словно разгорающаяся схватка их уже больше не касалась.

А немцы — это было видно — прибывали и прибывали. Бой становился яростней и напряженней.

Несколько раз звучала немецкая команда. После нее фашисты пробовали прорваться вперед то в одном, то в другом месте. Тогда в них снова летели гранаты, и они опять откатывались.

Неожиданно у Михаила Кравченко отказал пулемет. В отчаянии стал он лупить по затвору гранатой, ежесекундно рискуя взорваться, потому что была граната с запалом, но затвор не поддавался — заело. Весь дрожа от постигшей его неудачи, Михаил Кравченко начал стрелять из карабина.

У партизан оставался единственный пулемет на левом фланге...

Горелов по-прежнему находился в глубине лагеря. Отсюда он рассылал связных с приказаниями то к командиру взвода, то к начальнику штаба Тютюннику, все время прислушиваясь, не обходят ли фашисты лагерь.

Обхода справа он не боялся. Партизан защищало болото, а вот если слева, то положение будет хуже: создать круговую оборону на большом участке с той полусотней бойцов, что у него оставалась, он не мог.

Между тем партизаны вошли в нормальный ритм боя. Стрельба их стала неторопливой и точной. И с того мгновения, как раздался первый залп, гитлеровцы не продвинулись вперед ни на метр.

Фашистам не удалось бы сломить сопротивление партизан, хотя гитлеровцев и было в несколько раз больше, если бы не случилось то, чего больше всего и опасался Горелов: выстрелы послышались слева. Каратели начали окружение лагеря, рассчитывая прижать бойцов к непроходимому болоту.

Дальнейшая оборона ничего, кроме новых потерь, не сулила. И командир приказал:

— По пять человек с правого фланга — к переправе!

Переправой служила толстая спиленная сосна, переброшенная через топь. Пень от нее и был «креслом» Гайдара, рабочим его кабинетом.

Первыми прошли женщины-разведчицы, среди которых находилась Маша. Потом перевели раненых. Вести их по

гладкому, скользкому стволу было неудобно. И бойцы, которые сопровождали раненых товарищей, то и дело срывались в воду, увязая в трясине и с трудом выбираясь из нее.

Затем уже не по пять, как велел Горелов, а по одному, чтобы не так было заметно, стали перебегать остальные.

Или гитлеровцы все-таки заметили, что началось отступление, или просто ощутили, что сопротивление ослабло, но только стали они вдруг наседать на левом фланге, считая его наименее защищенным. И раз случилось такое, партизаны спешили покинуть лагерь и поскорей перебраться на другую сторону болота, где рос запущенный осинник и где ни автоматные, ни пулеметные очереди были уже не страшны.

Дошел черед и до Василия Скрыпника, двадцатилетнего лейтенанта, самого молодого, после Маши, бойца отряда. Понимая, что вернуться в лагерь уже не удастся, Скрыпник побежал к землянке забрать свой мешок. На поясе его в потемневшей кобуре висел длинноствольный наган, а трофейный карабин ему только что разбило пулей.

У землянки Скрыпник увидел Горелова и двух его адъютантов. Перекрикивая стрельбу, командир отдавал приказание унести за болото ящики с патронами и насыпанные кучей, прямо на земле, гранаты.

— Вася, где Аркадий Петрович? — озабоченно и даже тревожно спросил Горелов. Заметно было, что вопрос этот задавал он уже не раз и никто не мог ему толком ответить.

— Там, на левом фланге, с пулеметом,— торопливо сказал Вася, махнув для убедительности в ту сторону рукой, и приоткрыл дверь землянки, чтобы спуститься за мешком.

— Давай, Вася, беги скоренько туда и скажи, чтобы брал пулемет и отходил. Скажи, мы все отходим.

— Хорошо,— вздохнув, ответил Вася.

Он вытащил из кобуры наган и побежал. Но тут же бросился на землю, потому что вокруг него по деревьям защелкали пули и дальше можно было только ползти, почти совсем прижавшись к земле, все двести — триста метров рискованного этого пути.

...Гайдар заметил, что отряд обходят, едва ли не первый, когда пули взбили фонтанчики песка с левой стороны.

Ведя огонь с невысокого пригорка, Аркадий Петрович следил и про себя отмечал всякое, даже малейшее передвижение среди немцев. Но автоматчики, стрелявшие в него слева,

все же подобрались незаметно. Это было признаком тревожным.

Он приподнял пулемет и легко переставил его на другой край окопа. И тут он увидел, что стреляют по нему, охотятся за ним не один или два, а много автоматчиков, потому что кусты шевелятся в разных местах: и возле раздвоенной сосны, и у высокой муравьиной кучи, и там, дальше, у тропы.

Видимо, фашисты, отчаявшись взять лагерь в лоб и неся заметные потери, решили ударить в спину.

Место для пулемета было выбрано удачно. Гайдар мог, если бы пришлось, вести круговую оборону с этого бугорка и один, благо патронов пока хватало и Тонковид бесперебойно подавал ему ленты взамен быстро пустевших.

Но рядом, справа, еще оставались товарищи, и главным сейчас было задержать немцев, пока все бойцы покинут лагерь. (О приказе Горелова Аркадий Петрович знал — ему передали по цепи.)

И Гайдар, еще круче развернув пулемет, ударил, очередь за очередью, по тем автоматчикам, которым удалось подобраться к холму ближе всего.

Началась дуэль. По Гайдару били из-за дубов, из-за сосен, из-за старых трухлявых пней. Пули жужжали и пели над головой, роя песок у самого края окопа. Раза два рвались гранаты, но гитлеровцы бросали их лежа, и они не долетали.

Аркадий Петрович отвечал, водя и перенося, почти перебрасывая, пулемет, молниеносно отвечая на новую вспышку огня, и непременно короткими очередями, и не иначе, как прицелившись.

Все чаще после его очередей, в мимолетных паузах, доносился из кустов испуганный крик, или тяжелый стон, или бормотание на чужом языке.

А Гайдар бил, менял ленту и стрелял снова, держа в поле зрения все пространство перед бугром и радуясь, что немцы, сдерживаемые его огнем, дальше покамест не пошли и если им теперь все-таки вздумается осуществить обход, то придется углубиться в лес и сделать немалый крюк, требующий времени, того самого времени, которое Гайдару нужно было любой ценой выиграть, чтобы дать товарищам возможность отойти.

— Аркадий Петрович, Аркадий Петрович,— раздался сзади горячий, торопливый шепот.

Гайдар и Тонковид испуганно обернулись. Возле окопа, с лицом, испачканным землей, с наганом в руке, лежал невесть откуда взявшийся Вася Скрыпник.

— Что тебе? — недовольно и резко спросил Гайдар.

Вася перевел дыхание:

— Горелов велел брать пулемет и отходить...

Гайдар досадливо махнул рукой, словно хотел сказать: да не болтай ты ерунды и убирайся поскорей отсюда, пока тебя не убило.

И Скрыпник увидел, как задрожала от длинной очереди широкая, в шинели с оторвавшимся хлястиком, спина.

— Готовь ленты! — нетерпеливо закричал вдруг Аркадий Петрович второму номеру.

Тонковид стал поспешно открывать новую коробку. Очереди последовали с малым очень промежутком.

Скрыпник подождал, не зная, что делать дальше. С одной стороны — приказ командира он передал. С другой — Гайдар по-прежнему оставался вместе с Тонковидом на пригорке, не собираясь трогаться с места.

— Аркадий Петрович,— неуверенно позвал Вася снова.— Но ведь командир велел... Аркадий Петрович...

На этот раз ни Гайдар, ни Тонковид даже не оглянулись. Они не слышали. Они просто о нем забыли.

Скрыпник пополз обратно. По дороге он видел, что партизан в окопах оставалось уже совсем мало.

Командира Вася нашел недалеко от поваленной сосны.

— Ну что, где Аркадий Петрович? — требовательно спросил Горелов, заметя Скрыпника, который уже не полз, а устало брел, благо сюда, в низину, залетали только шальные пули.

— Федор Дмитриевич, Гайдар не хочет уходить... Я ему сказал, как вы велели, а он махнул рукой...

— Что значит — не хочет?! — закричал Горелов.— Возвращайся назад и передай ему, чтобы они с Тонковидом немедленно оттуда ушли!

Скрыпник похолодел при одной лишь мысли, что ему придется повторить тот же путь. Но приказ есть приказ. И, пробежав «мертвое пространство», он снова бросился на землю и быстро пополз. Вот и окоп. Скрыпник подобрался к нему совсем близко. Он боялся, что за грохотом пулемета и немецких автоматов его не услышат.

— Аркадий Петрович,— волнуясь, но громко прокричал лейтенант,— вас и Тонковида вызывает Горелов... Сердится он очень,— доверительно прибавил Вася.

Гайдар обернулся и посмотрел на него злыми глазами.

— Уходи отсюда и не мешай,— полупрося, полуприказывая, произнес Гайдар.— Видишь, что здесь творится?

— Вижу.

— Ну и беги!..

Аркадий Петрович отвернулся и, приподняв пулемет, переставил его на другое место, влево, а Тонковид торопливо добавил:

— Когда можно будет, мы сами уйдем. Так и передай Горелову.

И тоже отвернулся.

РАССКАЗ О БОЕ ПРОДОЛЖАЕТ МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ ТОНКОВИД

— Помню ли бой у лесопилки? — Он горько улыбнулся.— Такое не забудешь... Позиция у нас была хорошая: на бугре. И вот видим — немцы. Выходят они из лесу — не слева откуда-нибудь и не справа, где болото. А вот прямо, как нынешние самолеты по радиомаяку — точь-в-точь.

Лес там, конечно, не густой. Не тайга. Но со своим секретом. Хитрые там очень дорожки, которых видимо-невидимо. Возвращаешься другой раз из Леплявы усталый. Думаешь, сверну-ка на эту тропку. Она, кажется, короче. А тропа заводит тебя совсем в другую сторону.

А тут немцы выходят прямо к нашей линии обороны. Кто-то вел их. Понимаете?..

Да и лейтенанта молоденького, который от Горелова два раза приползал, помню тоже. Только ведь не он один нас с собою звал. Последним был Александров из НКВД. Перед тем как бежать к сосне, он тоже к нам подполз, чтоб мы вместе с ним отступали.

Но попробуйте заставить Гайдара, чтобы он отступил... Попробуйте!.. Это ж невозможное дело!.. А он еще в азарт вошел: надо же суметь одному с оравой такой, будто на дуэли, стреляться. А у него получается. Тем более, что ленты у нас еще есть и продержаться на этой позиции можно.

Александров же нервничает и уходить без нас не хочет. Его Горелов, как он придет, сразу спросит: «Ты почему сам ушел, а Гайдара там покинул, если ты есть первый сосед его справа?»

И придумал тогда Александров Гайдара из нашего окопа за ноги тянуть.

Будь обстановка не такой, я б, наверное, со смеху помер. За одну-то ногу Александров его тянет, а другой Аркадий Петрович в окоп упирается. И поглядеть — чисто малые дети. Слово даю.

— Отцепись, Андрей! — рассердился под конец Гайдар и даже немного резковатых слов добавил...

— Я ж,— говорит Александров,— для вашего, дураков, спасения...

И мы это понимаем. И перед человеком вроде неудобно, но где ты будешь с ним сейчас объясняться, когда немцы к бугру все ползут и ползут?

Гайдар со своим пулеметом держал сотни полторы, не меньше. И выпрыгни мы из окопа, они бы, как саранча, ринулись на пригорок, а там и в самый лагерь, где еще оставались наши люди.

Мы с Аркадием Петровичем не очень-то себе представляли, как выберемся отсюда, да и выберемся ли вообще. Правда, говорить ничего не говорили, но когда два человека, да еще в таком положении, сидят в тесной яме, они понимают один другого без слов.

Но было нам с ним ясно, что уходить сейчас, сию минуту, ни в коем случае нельзя. Немцы успели подобраться к самому бугру, метров на сто. И здесь уже не убежишь от них и не скроешься. И мы убедились в этом очень скоро.

Пошел наперекос патрон, и пулемет умолк. Мне бы тут осторожно ленту вынуть, но я не успел. Аркадий Петрович с досады дернул ее что было сил... И всё... Гитлеровская машинка окончательно замолчала.

Вообще, должен вам сказать, иметь дело с трофейным оружием хуже нет. Подведет. Так и получилось. И стало тихо.

То без конца стрельба — они в нас, мы — в них.

А то тихо.

Они, видно, заметили, что пулемет наш молчит, и тоже перестали стрелять, как бы сомневаясь и желая удостове-

риться, что русский пулемет умолк, что русский пулеметчик, не дававший все это время поднять голову от земли, больше не стреляет: или у него кончились патроны, или он мертв.

Видят, не показалось: пулемет в самом деле молчит. И тогда они поднялись. Из кустов и сосен вышло их столько, что зарябило в глазах.

И впервые за те три часа, что продолжался бой, сделалось мне тоскливо. А немцы, строча на ходу, двинулись на бугор.

Я повернулся к Гайдару. Он смотрел на бегущих солдат. Глаза его были широко открыты. Он устало дышал.

Потом отодвинул пулемет: «Займись!..» Быстро поставил ногу на край окопа. Поднялся на бугре во весь рост. Закричал: «Ура!» — и стал бросать гранаты-лимонки, которыми всегда были полны его карманы.

Я, например, не представляю, когда он успел так натренироваться в бросании гранат. Думаете, еще в гражданскую?.. Может, вы и правы... Только кидал он их так метко и настолько велика была их дальность, что я диву давался.

— Давай твои! — наклонился он ко мне.

У меня на поясе тоже было шесть лимонок. Я все их отцепил вместе с поясом. И он снова закричал «ура», и снова стал их бросать то влево, то вправо, то прямо перед собой.

Вы бы поглядели на него в ту минуту. Вы бы никогда потом не забыли. В короткой шинели с распахнутой грудью, в сбившемся на затылок рыжем треухе, с широко открытым ртом, из которого неслось с ужасающей силой «ура», с гранатами в каждой руке, он был просто страшен,— страшен верой в свою неуязвимость и в личную свою над ними, вот этими бегущими автоматчиками, победу.

И хотя их было много, а он стоял на бугре один (я-то возился с пулеметом), и хотя одной только очереди вполне хватило, чтобы его убить,— ни у кого из немцев не достало смелости остановиться, прицелиться и пустить в него очередь.

Ни у кого... И я их понимаю.

Случается, наступает батальон на батальон. Рота на роту. Наконец, рота — на взвод, на двадцать человек, и такое на войне случается тоже.

Но когда к холму бежит полторы сотни солдат, а навстречу, в полный рост, подымается один-единственный человек и атакующие видят, что он их не боится,— это невыносимо страшно. Это невозможно выдержать.

И они не выдержали.

Побежали.

Мне удалось наконец вытащить злосчастную ленту и вставить другую. Гайдар подхватил с земли пулемет и, с легкостью вскинув его, будто мелкокалиберную винтовку, начал бить им вслед, не давая опомниться.

Держа коробку с последней лентой, я поднялся рядом, следя за тем, чтобы не получилось нового перекоса.

Когда кончились патроны, Аркадий Петрович с сожалением опустил пулемет. Спрыгнул в окоп. И осипшим от крика голосом сказал:

— Теперь, Миша, беги. Я за тобой.

ГЛАВА XXXVIII

ПОСЛЕДНИЙ ВЫСТРЕЛ

К переправе Гайдар пришел последним. Кроме Тонковида, его ждали Горелов, Кравченко, Денис Ваченко и Бутенко.

Аркадий Петрович тяжело дышал. Возбуждение боя проходило. Перебираясь по стволу через трясину, он дважды оступился.

Партизаны удалились от лагеря километра на два и сделали привал. Кто выливал воду из сапог и перематывал портянки, кто выжимал шинель и сушил гимнастерку, кто заново и потому особенно остро переживал все перипетии недавней схватки и нервно курил.

Изредка доносились автоматные очереди: немцы продолжали прочесывать лес. Но опушка, где сидели сейчас бойцы, казалась глубоким тылом. Наконец смолкли и выстрелы. В лесу стало тихо.

— Надо бы посмотреть, что в лагере делается,— негромко сказал Горелов.— Кто пойдет?

— Я пойду,— ответил Скрыпник. И тут же смущенно добавил: — Интересно все-таки.

— Я могу пойти,— вызвался Денис Ваченко.

— И я,— произнес Гайдар.

— Тебе, Аркадий Петрович, можно бы и посидеть,— ответил Горелов.— Ты свое сегодня отходил.

— Нет, я пойду тоже,— настаивал Гайдар.

Пошли. Аркадий Петрович прихватил с собой чью-то винтовку, положив в карман несколько обойм.

До лагеря оставалось не более ста метров. Партизаны притаились в кустарнике за болотом. Гитлеровцы хозяйничали вовсю: они выкапывали ящики и мешки, с помощью миноискателей находили оружие и боеприпасы, шарили в землянках, выбрасывая оттуда одеяла, подушки, полушубки, книги, посуду...

Из дверей штабной землянки показался фашист. В руках он нес черное кожаное пальто. Это был летный реглан полковника Орлова, причинявший в свое время немало забот всей группе.

Кожаное пальто резко выделялось среди шинелей. Стоило где-нибудь в пути напороться хоть на одного немца, как он целил непременно в Орлова.

Среди товарищей всерьез считалось: возле полковника — «опасная зона».

Аркадий Петрович в те дни бросил даже клич: «Экипируем полковника». Возвращаясь с заданий, бойцы приносили шинели, макинтоши. Но ростом Орлова бог не обидел, и все оказывалось мало́, пока Гайдар не добыл трофейную плащ-палатку, длинную, до пят. Полковник носил ее поверх пальто.

Перед уходом из отряда Орлову дали полушубок, а реглан свой он оставил в лагере.

...Немец крикнул что-то, прибежало сразу несколько человек, и он всем стал показывать свою находку — сначала с лицевой стороны, а потом даже подкладку. Другие солдаты трогали, качали головой и что-то говорили.

— Эх, убить бы еще одного гада! — с тоской произнес Гайдар и вскинул винтовку.

Раздался выстрел. Фашист, который показывал пальто, вздрогнул и упал, накрывшись черным регланом Орлова, как саваном.

Гитлеровцы открыли по кустам бешеную стрельбу. Но партизан там уже не было.

ГЛАВА XXXIX

ЛАГЕРЬ У ПРОХОРОВКИ

Путь к Степанцам на этот раз показался неимоверно долгим. Сначала гуськом, со всеми предосторожностями двигались по лесу. Но вот появились редкие могучие дубы. Лес кончался. Начиналась Леплява.

Взошла луна, и партизаны свернули в болото, в шуршащие камыши, пока слева, на пригорке, не вырисовалась крыша Степанцовой хаты.

Гайдар и Горелов остановились, долго, зорко всматриваясь в унылые огороды с разбросанной ботвой и видные отсюда, снизу, дворы соседних изб.

Шепнув товарищам: «По двое», Горелов и Гайдар стали быстро взбираться по пологому склону.

У хаты опять остановились. Оглянулись. Бойцы (их было человек двадцать) стояли, прижавшись к стенам сарая, готовые разом проникнуть в дом или повернуть назад, в камыши.

Аркадий Петрович приблизился к маленькому окошку, что выходило сюда, на огород, легко отодвинул створчатый ставень и осторожно постучал по стеклу.

В проеме появилась старушечья голова в платочке. При свете луны было видно, как старушка испуганно всплеснула руками. Аркадий Петрович подал знак. От сарая отделились партизаны. Стараясь не шуметь, обогнули хату и поднялись по ступенькам в дом.

О бое село уже знало. И потому Афанасия Федоровна и баба Устя, как только закрылась за бойцами дверь, вопросительно и тревожно уставились на ночных гостей.

— Разбили нас, Федоровна,— сказал Горелов.— Одно хорошо — людей спасли...

Баба Устя накинула на голову теплый платок.

— Бабуся, вы куда? — остановил ее Гайдар.

— Я, Аркашенька, постою, посторожу.

— Не надо, на дворе холодно. И там все равно наши хлопцы.

— Прости меня, сынок, но я уже так загадала: пока буду сторожить вас на дворе, с вами ничего не случится...

Аркадий Петрович подошел к старушке и поцеловал ее в морщинистый лоб.

За столом места всем не хватило, и партизаны пристроились на лавках, на полатях, а двое, по лагерной привычке,— прямо на полу. Говорили о бое, разбирая все с самого начала — с двух выстрелов, что раздались у лесопильного завода,— до последних минут отступления.

И чем дольше продолжался разговор, тем чаще возвращались партизаны к одному и тому же: откуда все-таки каратели хорошо так знали расположение лагеря?

И снова вспомнили Погорелова.

Аркадий Петрович в этот вечер все больше молчал. Даже мальчишкам, Вите и Коле, которые опять проснулись, он только покивал головой.

Но когда заспорили о Погорелове, у него вдруг сделалось такое же ненавидящее лицо, как днем, в окопе, при виде бежавших к холму немцев. И, хлопнув по столу ладонью, так что подпрыгнули стоявшие на нем миски, Аркадий Петрович раздельно произнес:

— Попадись мне теперь этот Погорелов — задушил бы своими руками,— и поднялся с лавки, не доев.

После ужина Горелов, Гайдар, Сесько и еще двое партизан снова сели за стол, с которого убрали посуду.

Возвращаться на старое место было нельзя. Оставаться в Лепляве тем более. Самое позднее к утру сюда нагрянут немцы. Куда ж идти?..

Признаться, раньше партизаны всерьез не думали, что им придется покинуть свою базу. Однако на всякий случай километрах в восьми от Леплявы, близ Прохоровки, имелся запасной лагерь. В реденьком лесу еще летом выкопаны были две землянки. Долго жить в них, разумеется, было нельзя. А продержаться какое-то время можно.

Условились, что Горелов с двумя бойцами отправится на поиски другого отряда или, в крайнем случае, места для новой базы. Остальные должны ждать его или связных в землянках у Прохоровки. Командование оставшейся частью отряда на это время переходило к Гайдару.

Аркадий Петрович дал знак подыматься. Во дворе попрощались с бабой Устей. Всю ночь простояла она на ветру под разлапистым, сохнущим тополем, выглядывая, не идет ли, не крадется ли кто по дороге к их дому.

Бойцы по очереди пожимали ей руку. И каждого баба Устя быстро, словно ставя метку на лбу, крестила. А когда

подошел к ней Гайдар, пригнула его голову к себе, прижалась старушечьими губами к щеке его и молитвенно произнесла:

«Храни тебя, Аркашенька, бог...»

...В двух землянках, кроме нар, маленьких «буржуек» и сухих, заранее заготовленных дров, ничего не было: ни щепотки соли, ни сухаря.

Леонид Довгань и Василий Сесько — они были родом из Прохоровки — тут же сходили домой и принесли хлеб, сало и вареную картошку.

Партизаны отсыпáлись. Чистили оружие. Стояли по очереди в дозорах. Рассказывали случаи из своей жизни. Гайдар, у которого давно уже не было так много свободного времени, писал.

Внешне безмятежное существование на самом деле утомляло. Новый лагерь выглядел ненадежно, и каждый помимо своей воли все время прислушивался: не идет ли кто, не крадется ли...

Сесько с Довганем еще и еще раз пробирались в родное село.

Однако того, что они приносили из дому с трудом хватало лишь на день: это ведь не шутка — накормить двадцать человек.

По всем статьям выходило, что нужно из рощицы этой поскорей, пока не поздно, убираться. Но следовало ждать Горелова.

...Федор Дмитриевич появился на третий день. Спросил, как они тут.

Бойцы пожали плечами и коротко ответили:

— «Пятачок».

Горелов весело засмеялся:

— Ничего... Мы это скоро исправим. Перебираемся, хлопцы, на новое место. Человек один объяснил: есть там подготовленная база. Немцы туда дороги не найдут.

Вообще заметно было, что вернулся Горелов в хорошем настроении.

Лагерь, в который предстояло перебраться, находился километрах в восьмидесяти. Требовалось достать продукты на дорогу. И на самое первое время, чтобы не раскапывать аварийный склад, заготовленный близ тех же мест.

Сесько заикнулся было, что они с Довганем принесут. На них зашикали. Парни и так притащили все, что могли. Хватит.

И тогда стали думать.

Старый лагерь немцы разграбили. Но фашисты не знали про сало и копченую свинину, которая была подвешена к деревьям после налета на ферму в Калениках. А если и знали, попробуй обыщи все деревья в лесу...

Мяса там было много: тонны полторы. Забрать все невозможно, а унести полтораста — двести килограммов не составит особого труда.

Горелов собрал мешки.

Их оказалось всего пять.

И пустое ведро, в которое могло войти еще полпуда.

Пять мешков. Пять человек. Ведро можно нести в руке.

— Кто пойдет? — спросил Горелов.

— Я,— сказал Скрыпник.

— Я,— произнес Александров.

— Я, — повторил вслед за ним Никитченко.

— Я,— вызвался Гайдар.

— И я тоже,— присоединился лейтенант Абрамов.

— Аркадий Петрович, вы не пойдете,— почему-то встревожась, ответил Горелов.

— А что, Федор Дмитриевич,— обиженно переспросил Гайдар,— здесь делать? А так все-таки прогулка.

...У Гайдара бывали минуты, когда, приняв решение, он его уже потом не менял. Это шло от выработавшейся здесь, на войне, привычки непременно настоять на своем, если тебя хотят от чего-то удержать. Это шло от ложного стыда, что ведь вот никого больше не опекают, а тебя, как маленького, опекают, и потом неловко смотреть в глаза товарищам, будто они не такие же, как ты, и жизнь их стоит меньшего.

И потом Аркадия Петровича всегда пугало, что захватывающее дело произойдет без него.

Ничего захватывающего сейчас, конечно, не предвиделось. Но и риска особого не предвиделось тоже. И если уж так случилось, что предлагают идти по желанию, то почему любой может взять и пойти, а он нет?..

Почему?..

И Гайдар ушел.

ГЛАВА XL

«СКРЫПНИК ИЗ БЕЛОЙ ЦЕРКВИ»

В самый первый мой приезд в Лепляву Афанасия Федоровна сказала:

— Был в отряде еще такой Скрыпник. Военный. Имени не помню, а только помню, что попал он в лес после окружения. Молодой, моложе их всех. Ростом невелик, чернявый, но уж веселый, спасу нет. Придут партизаны к нам вечером — усталые, заморенные, едва до лавок доберутся. А он вдруг песню споет. Сплясал даже раз. Без музыки, без всего. Просто взял и сплясал.

Может, я бы и его не запомнила, как не запомнила других, но он был такой веселый, такой веселый, и все любили к нему обращаться: «Скрыпник... Скрыпник».

И еще помню: когда возвращался Аркадий Петрович ночью в старый лагерь и забежали они впятером к нам, то был с ним в тот раз и Скрыпник.

А когда убили Гайдара, то хлопцы вроде говорили, что Скрыпник отправился в Белую Церковь: там у него родня. Конечно, он многое мог бы вам рассказать, да и приходил, бывало, все с ним, с Аркадием Петровичем. Только думаю, что до Белой Церкви своей он так и не дошел или после погиб.

И в очерке «Партизанской тропой Гайдара», напечатанном в «Юности», я со слов Афанасии Федоровны написал: *Наступило... двадцать шестое октября... Накануне партизаны повечеряли, отдохнули... Их было пятеро: Гайдар, работник милиции Александров, секретарь Сквирского райкома партии Никитченко, Скрыпник из Белой Церкви и еще один...*

Однажды мне позвонили из «Юности»:

— Приходите скорей, для вас есть очень интересное письмо... От кого? Придете, сами увидите.

Я тут же приехал. Писала заведующая библиотекой из Гайсина Галина Даниловна Усольцева. Она сообщала: «Скрыпник из Белой Церкви», который был с Гайдаром 26 октября и которого, как она поняла из очерка, я считаю убитым, на самом деле жив. Его адрес...

Пусть простит меня Галина Даниловна, но письму ее поначалу я побоялся поверить. Найти после двадцати

с лишним лет человека, который был с Гайдаром до последнего часа, до последней минуты... Человека, на глазах которого Аркадий Петрович, по всей видимости, погиб... В это страшно было поверить, чтобы потом не разочароваться.

И я написал Скрыпнику письмо с одной-единственной просьбой: подтвердить, что он, Василий Иванович, действительно был в отряде Горелова и встречался с Гайдаром...

И такое подтверждение пришло.

Чем больше я вчитывался в то, что писал мне Скрыпник, тем сильнее ощущал, как много несказанного остается за этими страницами. Запрятав в самый дальний ящик стола наполовину готовую рукопись, я снова уехал.

Путь мой лежал в Киев, Канев, снова в Лепляву, затем — в Калеберду, Гельмязево, тогдашний райцентр Драбово, областной центр Черкассы (там, в партархиве, хранились документы об отряде), затем в Гайсин и Львов, где живет семья Швайко. Везде меня ждали новые встречи и новые рассказы о Гайдаре.

...В Гайсин автобус прибыл вечером. Закинув в гостиницу чемодан, я отправился на поиски нужной мне улицы. Фонари еще не зажигали, номеров на домах я не мог разглядеть и наугад поднялся на крыльцо окруженного деревьями дома, чтобы спросить: где тут номер девятый?

Стучу, открывается дверь.

— Входите,—слышу я,—мы вас уже несколько дней ждем.

Передо мной Василий Иванович Скрыпник.

Знакомлюсь с семьей. Садимся ужинать. И до поздней ночи длится первая наша беседа. В гостиницу меня уже не отпускают. Укладывают в столовой на диване.

Долго лежу в темноте с открытыми глазами. Уснуть не дает мысль, что ведь это один из последних рубежей поиска.

...У Скрыпника я прожил несколько дней. Рассказал Василий Иванович о своей непростой судьбе. Об окружении (он находился в Тридцать седьмой армии) под Киевом. Об участии с 1942 года в подполье родного Гайсина. О диковинном звании «лейтенант-автоматчик», полученном в 1943 году в штрафной роте (он находился в ней до первого ранения по нелепому обвинению — «за пребывание на оккупированной врагом территории»). О встречах с Гайдаром осенью сорок первого. О бое у лесопильного завода. О лагере у Прохоровки. О том, что случилось после...

ГЛАВА XLI

«РЕБЯТА, НЕМЦЫ!»

А говорю я это вот к чему... раз и так и эдак конец выходит, то помри ты лучше за что-нибудь, чем ни за что,— помри толком, чтобы от этого красным польза была, а белым вред...

Аркадий Гайдар,
«Сережка Чубатов»

ПРЕДАТЕЛЬСКАЯ ТИШИНА

Лагерь близ Прохоровки оставили под вечер, рассудив, что, пока доберутся до Леплявы, будет совсем темно.

Лесная дорога бежала вперед, сворачивая то влево, то вправо.

Партизаны двигались налегке. Каждому предстояло нести на себе не меньше двух-трех пудов, и потому автоматы и винтовки оставили в землянках. Положим, тяжесть от винтовки и не велика, но все-таки неудобно.

Сунули за пазуху по пистолету. Скрыпник, тот не расставался со своим наганом. И прихватили гранаты. В ритм ходьбе лимонки негромко стукались в карманах, да тихонько поскрипывало, раскачиваясь, пустое ведро.

Дорога, еще раз вильнув, выскочила на опушку. Собственно, то была даже не опушка. Просто здесь кончался лес, а в пятнадцати — двадцати метрах отсюда пролегала железнодорожная насыпь.

У самого края ее, слева, чернела будка путевого обходчика — маленькая сараюшка с одностворчатой покатой крышей. В сараюшке хранился инструмент и маленькая тележка на толстых колесах, чтобы обходчик, если ему надо, мог бы инструмент свой по рельсам возить, а не таскать на себе.

Партизаны, выйдя из леса, по привычке остановились и прислушались. Далеко где-то лаяли собаки, но лаяли лениво — ни злости в их лае, ни испуга.

Чтобы сократить путь — до старого лагеря оставалось не меньше десяти километров,— пошли напрямик: через насыпь, мимо каменного дома путевого обходчика. (Дом стоял как

раз напротив будки, только по другую сторону железнодорожного полотна.) А там — вдоль беленьких изб наезженной дорогой прямо к хате Степанцов.

Лепляву партизаны знали хорошо. В особенности Гайдар. К тому же у обходчика Сорокопуда они бывали не раз. Но то ли из-за постоянной спешки, то ли просто по небрежности, но получилось так, что никто в свое время бойцам не сказал: живут здесь рядом с каменным домом два полицая.

И партизаны спокойно прошли сначала мимо одной, а потом и мимо другой хаты...

...В доме Степанцов им, как всегда, были рады. Усадили ужинать. И пока товарищи ели, Андриан Алексеевич послал Колю к дяде Игнату. Но ни Игнат Касич, ни Андриан Степанец ничего нового сообщить не могли. После боя в селе были немцы. Походили по избам. Попугали. И вот их уже два дня как нет.

От Тютюнника, который после боя направился с частью отряда к Днепру, вестей тоже не поступало.

Афанасия Федоровна предложила остаться до утра. Отогреться. Это выглядело заманчиво. Но они отказались. Надо было спешить.

Игнат Касич и Андриан Степанец вывели товарищей самым коротким путем к лесу и вернулись.

...На рассвете 26 октября 1941 года пятеро партизан, чуть склонясь под тяжестью заплечных мешков, приближались к Лепляве. Доверху наполненное ведро несли попеременно.

Здесь, в низине, еще стоял густой туман, и он, как дымовой завесой, окутывал партизан, пока им снова, пригорком, не надо было подыматься к хате Степанцов.

Но заходить уже не было времени.

Деревня спала. Пастух не успел еще выгнать последних, пока не отобранных немцами коров. Над трубами появились первые дымки.

Бойцы, прижимаясь к плетням, спешили, насколько позволяла ноша, пройти самую населенную часть деревни, где в случае какой беды негде было даже спрятаться: кругом дома и мало деревьев.

Когда миновали бывший сельсовет, невесть откуда выскочила и залилась собака, готовая, казалось, разбудить всех, кто еще спал. Гайдар поспешно достал из ведра и бросил

ей кусок сала. Дворняга умолкла, схватила сало и утащила его прочь.

За домами начинались огороды. За перекопанными огородами — насыпь. Место было со всех сторон открытое, и потому оставалась самая опасная часть пути, где партизан легко мог бы приметить любой, кто невзначай глянул бы в их сторону.

Конечно, по селам бродит немало разного люда, но внимание могли привлечь шинели и одинаковые солдатские мешки.

По крутому склону поднимались почти бегом. Еще два шага по шпалам и рельсам. Спуск — теперь в безопасности.

Прямо на партизан глядела темными своими окнами одинокая хата деда Козуба.

Гайдар в ней бывал.

Старый дед Яков, самоучка и книжник, говорил все больше о событиях мировой истории, которой издавна интересовался. А бабка тем временем ставила на выскобленный стол кринки с простоквашей и теплым молоком, доставала хлеб и нож. Каждый отрезал себе сам.

К деду Якову можно было бы зайти и теперь. Но скоро утро. И тогда придется сидеть в доме до вечера. А это риск, тем более что дед рассказывал: начали полицаи его подозревать — учинили недавно обыск. Нашли припрятанную дедом патефонную пластинку — речь Ленина о Красной Армии — и разбили эту пластинку о лысую голову старика, пригрозив, что он доиграется...

И партизаны двинулись дальше узкой, веселой стежкой. Слева — песчаная крепость насыпи. Справа — по колено ушедший в болото лес. Впереди — будка путевого обходчика. До нее метров пятьсот.

Бойцы не знали, что к будке они идут не одни...

СВИДЕТЕЛЬ ОПАНАС МАКСИМОВИЧ КАСИЧ

В последний мой приезд Афанасия Федоровна Степанец сказала:

— Пока я ждала, что вы приедете, я нашла дедушку Касича, Опанаса Максимовича. Он жил да и сейчас живет недалеко от насыпи, где убили Аркадия Петровича. Дедушка

помнит, как все было. Он видел. Попытайте его тоже. Может, он вам больше расскажет.

Дом Касича я нашел легко. Возле хаты стояла пожилая женщина — хозяйка. Мужа, объяснила она, сейчас нет. Он скоро будет.

— А зачем он вам?

Я сказал. И в свою очередь спросил: не помнит ли она утро 26 октября 1941 года. Женщина задумалась.

— Я не знаю, какое это было число — двадцать шестое или какое другое. Но что́ тогда случилось, я помню хорошо.

Проснулись мы с мужем рано. На самой зорьке. Или нам что послышалось. Или было какое дело, только вышли мы с ним на двор.

Вышли. Смотрим. Холодно. И все кругом белым-бело от тумана. И так чего-то тревожно стало мне.

А потом начали стрелять... Что творилось... В соседней хате немцы из своих пулеметов перепортили в по́дполе все арбузы. И убили этого партизана, писателя этого, Гайдара. И как по радио теперь я услышу «Ой, туманы мои, растуманы», так все плачу. Вот уж подлинно партизанская песня.

Я, конечно, могу рассказать все подробно. Но вы дождитесь мужа. Он расскажет лучше...

Пришел Опанас Максимович: длинные усы, сильно прихрамывает на искалеченную ногу. Увидев, как собираются к дому соседи, он решительно произнес:

— Здесь, сынок, я с тобой разговаривать не буду. Пойдем туда.— Он кивнул в сторону насыпи.— Никто с нами не ходите,— сердито добавил старик.

Медленно подымаемся на скат железнодорожного полотна. Иду за Опанасом Максимовичем. Каждый шаг стоит ему немалого труда. И я все порываюсь сказать:

«Не надо подыматься. Поговорим здесь...»

Но не смею. Старик хочет поведать мне с глазу на глаз то, чего не рассказывал еще никому.

Усаживаемся под деревом прямо на земле. Над нами, состязаясь, кто звонче, жадно галдят птицы. А в нескольких метрах, в зеленой ограде, стоит солдатский обелиск со знакомым, под стеклом, портретом.

На обелиске написано, что на этом самом месте 26 октября 1941 года был похоронен Гайдар Аркадий Петрович, писатель и пулеметчик партизанского отряда.

У самых наших ног, огибая обелиск, стремительно уходит в лес тропа, которой Гайдар шел из Прохоровского леса, тропа, которой он возвращался и о которой еще будет сложено немало легенд и песен,— обыкновенная партизанская тропа Гайдара.

— Я знал его, он приходил ко мне,— начал дед.— И я видел его, как вот теперь вижу вас. Приходил он в старой такой шинельке, она ему еще, шинелька эта, коротка была.

Близко так не знакомились. Но что просил он, я ему давал, не отказывал. Разные люди ко мне приходили. Жил-то ведь на окраине. А тут видно было, что человек хороший.

А в утро то я правда проснулся очень рано. Или мне со сна померещилось, или в самом деле было, только показалось, будто из винтовки выстрелили. Я и выскочил на двор. Жена за мной. И дочка маленькая кричит:

— Мамо, и я хочу с тобой!

А я ей отвечаю:

— Нельзя, кажись, стреляют.

Стоим. Прислушиваемся. Ничего такого не слышно. Я уже хотел в хату вернуться. А баба мне говорит:

— Смотри.

И показывает на лесочек, где теперь такая большая сосна растет.

Я сначала ничего не вижу, а потом замечаю: вроде как тени мелькают. Приглядываюсь — люди с ружьями. Выбегают из соснины, добегают до железной дороги и прячутся по другую ее сторону.

Мы бы их ни за что не приметили: рань да и туман. Ну, что тут разглядишь? Но насыпь тогда еще травой не заросла, и песок ее белый-белый, чистый сахар, и на белом песке все видно: и как люди, согнувшись в три погибели, бегут, и как по скату с ружьями карабкаются, и как тяжелое что-то тащат.

Поглядел я, покачал головой и говорю:

— Бабо, це нимцы... Ховай,— говорю,— дитэй, бо що-то зараз буде.

И невдомек мне, что каты эти шукают партизан, а партизаны в цей же час идут прямо им в руки, и с ними Гайдар.

Знать бы, что там Гайдар, что идет он зараз с теми хлопцами,— я бы выбежал на эту насыпь и крикнул що есть духу:

— Аркаша, беги по-пид стежкою!..

...Хиба же я знал?..

СВИДЕТЕЛЬ ИГНАТ ТЕРЕНТЬЕВИЧ СОРОКОПУД

...В 1941 году был я путевым рабочим. Жил на шестьдесят третьем километре в каменном доме, как раз напротив будки. Будка по одну сторону насыпи, а казарма наша — по другую. Жило там три семьи.

И бригадиром был Алексеенко.

Партизаны знали, кто духу якого, и приходили ко мне много раз. Спрашивали, есть ли в селе немцы чи полицаи. Куст их, полицаев, вообще был в Гельмязеве, но случалось, что привалит их десятка два из района.

Гайдар заходил раза четыре. И все больше с одним командиром, родом из Винницкой области. Фамилии его не помню, да и фамилии Гайдара я тоже не знал. Звал всё по имени. А фамилию я узнал уже потом, товарищи сказали...

Гайдар все нас убеждал, что немцу будет плохо, и настраивал держать связь, узнавать, что где случилось, и сообщать в лес.

Ну, при случае мы так и делали.

...Какого числа не скажу, только была уже глубокая осень, выхожу я утром на двор. Жинка топит печку, принеси, велит мне, воды. Я взял ведро. Колодец был у нас рядом. Чую — какой-то гомон.

Дивлюсь — стоит простая подвода, вроде как лошадь напоить подвели. А привел ее наш человек. Ну, то есть мне он совсем не знакомый, но не полицай и не какой-нибудь там немец.

Спрашиваю:

— Що це за пидвода?

— Так мы же, каже, з Хоцек.

А Хоцки, смекаю, от Леплявы километров шестнадцать будут, не ближе.

— А чего?

— Нимцы с пулеметами приїхалы сюда. Выгналы нас пидводой.

— И много пидвод?

— Да ни, всего пять.

— Де же нимцы?

— Кажись, пишлы вон туда, робют засаду.

И подводчик показал на лес за будкой.

...ЧТОБ СПАСТИ

...Не знают только они.

Вот и будка. Метрах в пятнадцати от нее — молодые, сильные сосны. Здесь кончается село. А тропа, что бежит вдоль полотна, сворачивает вправо.

До лагеря — часа два ходу. И потому делают под соснами привал. Снимают мешки. Разминают плечи. Удобно усаживаются на пожухлой, жесткой траве. Достают кисеты и портсигары. Полной грудью вдыхают самосадный дым. Устало улыбаются. Хорошо!..

Проходит минут десять.

Пора бы и трогаться.

Но трогаться, чтобы опять идти, идти, не хочется.

Оттягивая время, закуривают еще по одной. Последней.

— Картошки б взять у Сорокопуда,— предлагает кто-то.

Действительно: сало теперь есть. Мясо тоже. Хлеб в землянках оставался. А картошки нет, и достать ее в лесу негде. Разве опять в Прохоровке. Но это ж не дело. Не успели вернуться — снова куда-то беги.

А Сорокопуд рядом. Перешел дорогу — и сразу его дом.

Освободили ведро. Сало из него переложили в мешки. Килограммом больше, килограммом меньше — теперь уж близко. А подыматься все равно никому не хочется.

И потому подымается Гайдар.

Никто не удивляется и не возражает. Привыкли.

И никто не представляет, что произойдет через минуту.

Тихо звякает ведро. Потом шаги по промерзшей за ночь земле. В такт им поскрипывает дужка. Шуршит, осыпаясь под тяжелыми сапогами, галька насыпи.

Четверо под соснами продолжают отдыхать.

Никто еще не знает, что сейчас произойдет.

У гребня насыпи спиной вдруг ощутил: сзади кто-то прячется.

Рывком обернулся.

И увидел.

Они притаились до неправдоподобного близко: возле самой тропы. Надо было их вовсе не ждать, чтобы сразу не заметить.

По удобным позам, по тому, как удивленно повернулись в его сторону бледные под касками лица и неторопливо передвинулись пулеметы, догадался: они здесь давно.

Держа каждого, и его тоже, на мушке, они слушали разговор под соснами и не стреляли только потому, что недоумевали: чего расселись эти пятеро?

Или ждут кого?..

...В запасе — лишь несколько мгновений, короткие доли секунды.

Еще не поздно, повинуясь инстинкту, перемахнуть прыжком через насыпь.

Шанс уйти невелик.

Это ясно. Здесь, на гребне, да еще с каких-то десяти метров, он до обидного отличная мишень.

И все-таки шанс этот есть!.. Есть!..

И весь прежний опыт подсказывает: не бывает такого положения, когда рисковый человек может безвольно сказать себе: «Конец!..»

Сколько раз он убеждался: когда не растеряешься — вывернуться можно... Можно...

И попадись он в мышеловку один — вывернулся бы! И написал бы потом рассказ. Как тот — «Первая смерть». Про случай под Киевом.

«Командир роты,— сказал тогда ему, пятнадцатилетнему мальчишке, помощник командира полка,— бой близок, а люди голодны. Идите в тыл, в штаб, и скажите, что я приказал прислать консервов».

И он отправился. Его нагнали всадники в незнакомой форме. Ни красноармейцы, ни курсанты такой не носили. И уже не скрыться...

Это стало с годами навязчивым, мучительным сном. Он просыпался посреди ночи. Ему вновь и вновь снились двое верховых в красных мундирах и синих шароварах. Лязг двинутого затвора. Холод приставленного к затылку винтовочного дула. Томительное ожидание удара. И мелькающая в глубине сознания мысль: «Кончено!.. Как это ни больно, ни тяжело,— все равно кончено...» А ведь даже тогда он остался жив!.. Вопреки здравому смыслу! Вопреки неумолимым законам войны! Так неужели ж теперь!..

Но прыгнуть в сторону теперь, молча и умело уйти от наведенных на него стволов...

...— Ребята, немцы! — раздался его оглушительный крик.

«Не-емцы!..» — тревожно повторило эхо.

Дрогнули наведенные пулеметы.

Треснула поспешно одинокая очередь.

Гайдар упал.

Пуля попала ему прямо в сердце.

Но прежде чем пулемет застучал опять, в кусты, где притаились фашисты, за деревья, где они прятались, полетели гранаты!

Крик Гайдара лишь на несколько мгновений опередил выстрелы. Но это были те самые мгновения, которые позволили товарищам выхватить и бросить гранаты. Мгновения, ошеломившие гитлеровцев стремительностью ответного удара. Мгновения, лишившие врага главного преимущества — внезапности. Мгновения, даровавшие жизнь всем четверым.

Он погиб, чтоб спасти.

И спас.

Когда немцы, переждав взрывы, ударили из всех пулеметов и автоматов, под соснами лежали только мешки.

Александров и Никитченко скрылись в лесу. А Скрыпник и Абрамов пробежали вперед и спрятались за дощатой будкой. Они не видели, как Гайдар упал. Не знали, что с ним. И потому осторожно выползли из-за будки — посмотреть, где он, и попытаться вынести, если Аркадий Петрович ранен.

На железнодорожном полотне его не было.

Каратели между тем сразу приметили двоих за будкой. И обрушили весь огонь на них. Пули густо вспарывали сырой песок, расщепляли шпалы...

Решив, что Гайдар все-таки успел перемахнуть на другую сторону насыпи, Абрамов и Скрыпник поднялись и кинулись через рельсы.

Но и здесь, возле дома Сорокопуда, Аркадия Петровича не было тоже.

Гитлеровцы вытащили на рельсы крупнокалиберный пулемет и начали бить им вслед. Фашисты изрешетили хаты, за которыми то и дело прятались бойцы.

Забежав в огород к Опанасу Касичу, партизаны остановились.

Оглянулись.

Выхватили револьверы — гранат уже не было, да отсюда их и не докинешь — и разрядили их в пулеметчиков.

— Да бегите ж вы, скаженные! — крикнул им из щели, выкопанной в огороде, Опанас Максимович, пораженный дерзкой решимостью этих двоих.

Партизаны ничего не ответили. Подобрали полы шинелей. Пнули кинувшуюся им под ноги собаку и побежали к лесу. И пока они бежали, вслед им без умолку строчил пулемет, а в небе, оставляя грязные следы, продолжали лопаться ракеты.

ЧЕРЕЗ ДВА ЧАСА

Во время перестрелки Сорокопуд лежал на земле, прячась за бетонную трубу колодца, а потом вернулся в дом и выглянул в окно.

Рассвело, и он увидел немцев. Они двигались редкой цепью. И сколько хватало глаза, цепь эта ни слева, ни справа не имела конца. Чтобы не вызывать подозрений, когда немцы подойдут к его хате, Сорокопуд вышел во двор. С насыпи спускался высокий, худой солдат.

— Ком! Ком! — поманил он Игната.

Сорокопуд сделал несколько шагов. И тогда гитлеровец добавил по-русски:

— Человек. Похоронить...

...Аркадий Петрович лежал под насыпью, без шинели, вниз лицом. Рядом валялась, упав с головы, ушанка. Гайдар оставался в гимнастерке и защитных брюках. Сапог не было — сняли. Документы и орден тоже. На спине, у левой лопатки, алело небольшое пятно. Пуля пробила грудь навылет.

Сорокопуд и двое парней, что жили в одном с ним доме, выкопали могилу и опустили в нее тело Гайдара.

Под соснами, возле тропы, по которой часа два назад шел Аркадий Петрович, возник холм.

ВЕЧЕРОМ

— Что будем делать? — спросил Скрыпник Абрамова, когда они, уйдя от погони, остановились в лесу.

— Ждать темноты. А там вернемся в деревню.

...В первой же хате им сказали, что немцев нет. Тогда двинулись к путевому обходчику.

— Кто там? — спросили за дверью.
— Откройте, пожалуйста,— ответил Скрыпник.
— Кто такие? — настаивал мужской голос.
— Свои, свои. Не бойтесь. Открывайте.
Сорокопуд открыл.
— Кто-нибудь посторонний у вас есть? — на всякий случай спросил Скрыпник.
— Нема никого. Только жинка,— объяснил хозяин.— А вы все-таки кто будете?
— А мы утром тут были,— успокоил Абрамов.
Вошла хозяйка.
Скрыпник сказал:
— Когда мы утром мимо вас пробегали, вы, хозяюшка, шли корову доить.
— Верно,— удивилась она.— То це вы были?
— Да, мы.
— Тогда что ж вы стоите? Сидайте.
Скрыпник спросил, что после них произошло. Сорокопуд ответил: одного убили. Остальные убежали.
И хотя партизаны знали — это Аркадий Петрович крикнул: «Ребята, немцы!», знали — по нему первому ударил пулемет, они еще на что-то надеялись.
— Как выглядел убитый? — спросил Скрыпник.
Игнат Терентьевич описал.
— А у вас не осталось чего-либо из вещей?
Хозяйка скрылась в другую комнату и вынесла ушанку с рыжим мехом.
Это была шапка Гайдара.
Скрыпник взял ее из рук женщины, подержал, помял в руках.
Абрамов и Скрыпник возвратились в отряд, доложили, как все было, и передали Горелову ушанку.
Товарищи подумали, что так оставлять могилу у сосен нельзя.
Не ровен час, немцы разберутся в документах и придут к могиле снова...
Глубокой ночью у будки путевого обходчика снова появились партизаны. Обнажив головы, постояли у холма, а потом, тщательно измерив, сколько шагов от насыпи до могилы, сравняли холм с землей и замаскировали все дерном...

ГЛАВА XLII

ГДЕ СУМКА?

Наспех прощупав мои карманы,
староста снял с меня кожаную сумку.

Аркадий Гайдар,
«Школа»

А в походной сумке —
Спички и табак.
Тихонов,
Сельвинский,
Пастернак.

Эдуард Багрицкий

Есть у поэтессы Нины Саконской стихи о Гайдаре:

...бесстрашно, в коротком бою,
Он встретил судьбу боевую свою.
Был вражеской пулей сражен наповал,
И Днепр в эту ночь близ него бушевал.
Но чудом тогда уцелела в огне
Походная сумка на желтом ремне.
И мы эту сумку с тех пор бережем,
Как светлую, чистую память о нем...

Из песни слова не выкинешь. И не надо: песня остается песней.

Только сумки Гайдара «на желтом ремне» у нас нет.

Она пропала.

Это была вместительная противогазная сумка, всегда набитая патронами для пистолета, запалами для гранат, мотками тонкого телефонного провода и другой необходимой на войне «галантереей».

Но главное богатство сумки, конечно, составляли записи. Аркадий Петрович вел дневник партизанского отряда. Многие десятки страниц занимали эпизоды обороны Киева и события, приключившиеся позднее, в группе Орлова. В иных он принимал участие сам. О других ему рассказывали.

Очерки, написанные и отосланные, когда еще было можно, в Москву, в «Комсомольскую правду», где их и напечатали,— это была ничтожно малая часть узнанного

и увиденного Гайдаром. Остальное копилось, собиралось впрок.

Исключение составляли лишь два готовых очерка: «Во имя Родины» и «Варвары XX века», которые Аркадий Петрович хотел, но не смог переслать на Большую землю с полковником Орловым.

Гайдар не просто воевал. Гайдар войну еще изучал, сопоставляя ее с гражданской и стремясь уяснить, чтó же Красная Армия унаследовала от прошлого, а чтó родилось в ней только теперь. И об этом писал тоже.

Товарищам по оружию, которых он сам наблюдал в бою, Аркадий Петрович обещал: «Кончится война, и если останемся живы, напишу и про вас».

У него появилась даже особая поговорка. Услышав по радио печальную весть, узнав о подвиге, он неизменно произносил: «Что ж, и это запишем».

Аркадий Петрович не любил громких слов. Тетради, наброски, заметки, которые хранились в сумке, он небрежно именовал «литературной кухней». Но это была не «кухня», это была своего рода военно-полевая писательская лаборатория. Гайдар надеялся, если доведется, написать немало достойных книг. Одну он уже писал.

И потому с сумкой своей никогда не расставался. Лишь однажды Афанасия Федоровна Степанец уговорила его не таскать такую тяжесть, оставить у них.

Гайдар подумал, согласился, оставил.

А потом все-таки вернулся и забрал. Так ему было спокойней.

И вот сумка пропала...

Впервые об этом стало известно от Алексея Филипповича Башкирова, который после освобождения Леплявы был послан редакцией «Комсомольской правды» для расследования обстоятельств гибели писателя.

В его отчете говорилось, что сумку фашисты забрали вместе с орденом и документами.

Заново просматривая отчет Алексея Филипповича, я задал себе вопрос, который помогал мне уже не раз:

— А так ли это?..

Я в полной мере представлял себе, какой труд стоит за тремя страничками докладной. Ведь Башкиров был первым. Ему пришлось начинать на голом месте. И требовалось

от него главное: установить, действительно ли убитый на насыпи партизан — Гайдар. И он установил: действительно...

О сумке же он знал достоверно одно: у Аркадия Петровича она была. После гибели исчезла.

Документы и орден забрали фашисты. Об этом свидетельствовали расстегнутые и вывернутые карманы, в которых не осталось ни обрывка бумаги, ни клочка конверта (что и сейчас подтверждает Игнат Сорокопуд).

Но никто пока не подтвердил, что немцы забрали и сумку. И потому рождается первое предположение: сумку немцы либо забрали, либо нет.

Это тем более важно, что Василий Иванович Скрыпник утверждает: когда пятеро партизан направлялись из Прохоровского леса в старый лагерь, сумки у Гайдара с собой не было.

Конечно, спустя четверть века Василий Иванович такой подробности может точно и не помнить: ведь никакой роли в этой операции сумка не играла.

С другой стороны, мы знаем, что бойцы отправлялись за продуктами. Им предстояло нести на себе немалый груз. В лагере они оставили даже винтовки.

Не исключено, что Аркадий Петрович оставил в лагере и сумку.

Если это было так, возможно, Горелов ее закопал в том же месте, где и весь архив отряда, о чем я расскажу в главе «Гибель командира».

...Прятал Горелов сумку с рукописями Гайдара или нет, нам пока неизвестно. Между тем Опанас Максимович Касич рассказывал, что в день гибели Гайдара, когда фашисты уже уехали, он пришел к могиле.

Под соснами, где останавливались партизаны, он увидел несколько вываляных в грязи, затоптанных сапогами ломтиков сала, рассыпанный табак-самосад и брезентовую сумку из-под противогаза. Касич поднял ее, потряс. Из нее посыпались табачные крошки.

Это могла быть сумка кого-либо из бойцов. Но если она все-таки принадлежала Гайдару, то возникает вопрос: почему фашисты не забрали ее вместе с бумагами?.. Ведь записей и тетрадей у Аркадия Петровича было много. Казалось, удобнее ничего не вынимать, а забрать все вместе. Однако сумка осталась валяться на земле.

Почему?..

Объяснение здесь может быть только одно: бумаг в ней было мало. Гайдар нес с собой не всё, видимо оставив бо́льшую и главную часть рукописей в каком-то надежном месте.

В каком же?.. Где?!

Живет на Украине вдова лесника, Анна Антоновна Швайко. В доме у них, как уже говорилось, много раз бывал Гайдар.

Анне Антоновне довелось быть свидетельницей разговора Аркадия Петровича с ее мужем. Говорил Гайдар о рукописях, которые надо сохранить во что бы то ни стало, потому что будут они ему нужны после войны для работы над книгой. Лесник обещал.

Анна Антоновна вспоминает, что такой разговор она слышала трижды, но ни разу не имела возможности дослушать его до конца, потому что всегда очень нервничала, когда в дом приходили партизаны, и предпочитала находиться на улице.

По тону всех трех бесед, по отрывочным фразам женщина поняла, что речь шла о бумагах, уже отданных Гайдаром Михаилу Ивановичу. И Аркадий Петрович объяснял, что его рукописи представляют ничуть не меньшую ценность, чем документы, в том числе секретные, оставленные леснику другими окруженцами.

В Киеве я рассказал об этом полковнику Орлову.

— Да, да,— заволновался Орлов,— помню, как Аркадий Петрович советовал и мне оставить часть своих бумаг, а не тащить с собой. Швайко он верил. К тому же лес...

И тогда я понял, почему Гайдар не захотел оставить сумку у Степанцов. Им он верил, положим, не меньше. Но Степанцы жили в селе. Прятать они могли в доме либо на огороде: ведь в чужой двор не понесешь. А в лесу каждый пень — тайник.

...Но где все спрятано, Михаил Иванович никому не говорил, много раз обещая жене, что сведет ее и покажет.

Однако подпольная работа создавала постоянный недосуг, а тут однажды ночью за ним пришли и арестовали.

Когда полицаи уводили Михаила Ивановича, он дал жене понять, что сообщит ей кое о чем из тюрьмы. Если доведется.

...В золотоношской тюрьме у Анны Антоновны не приняли передачу. Спросила: почему? Ответили: Швайко у них уже нет.

— А где же он?!

Полицай засмеялся:

— Не все ли тебе равно?

Пошла на кладбище.

Ее нагнал незнакомый человек с повязкой на рукаве. Шепнул, чтобы не уходила, а подождала его.

Стояла зима. Было пронизывающе холодно — и от ветра, и от близости могил.

Подъехали сани, укрытые дерюгой. С них соскочил мужчина с повязкой и еще двое. Они стали раскапывать яму.

Когда раскопали, женщина увидела, что яма большая, а заполнена только наполовину и у стенки ее, в усталой позе, свесив голову на грудь, сидит муж, Михаил Иванович.

Был он в нижней рубашке и пиджаке, в котором ушел из дому.

Анна Антоновна подбежала к мужу, провела рукой по его волосам и лицу, на котором не таял снег, и тут только заметила, что из кармана пиджака торчит лоскут бумаги.

Это была записка.

Аня!

Меня допрашивал Самовольский Михаил... Он допытывался, откуда я беру и где храню бланки документов, что я давал с собой разным людям из окружения... Я ничего не сказал... Береги детей...

Больше в записке ничего не было.

Тайники Михаила Ивановича мог знать младший его сын, Володя, но он трагически погиб во Львове в 1955 году.

А раньше никто не интересовался...

Я надеюсь на помощь старшего брата Володи, Василия Михайловича...

Хочу верить: среди безвестных, бесценных кладов земли лежат, возможно, в патронной цинковой коробке, или в старом ведре, или в прорезиненном каком-нибудь плаще рукописи Аркадия Гайдара.

И если мы найдем хоть одну страницу, это будет лучшим памятником ему за великий его писательский и солдатский труд.

ГЛАВА XLIII

ГИБЕЛЬ КОМАНДИРА

— Вставай... вставай, Толька! Кругом измена! Все в плену...

Аркадий Гайдар, «Военная тайна»

Горелову стало очевидно, что гитлеровцы задались целью уничтожить отряд.

Разведчики, посланные в Гельмязево, принесли газету. Германское командование обещало десять тысяч рублей за поимку первого секретаря райкома...

Командир предложил разделиться на маленькие группы и двигаться к линии фронта порознь. Иного выхода он не видел.

Перед тем как разойтись, сочли нужным закопать оружие, которое нельзя было взять с собой, списки отряда, протоколы партийных собраний, печать, а также партийные, комсомольские билеты мертвых и живых.

Ночью принесли всё в Лепляву.

Сначала думали рыть яму в огороде у Степанцов. Но Игнат Касич — он жил на самой окраине, вблизи леса, — сказал, что лучше у него.

Окна в доме Игната Федоровича были плотно завешаны. Горела керосиновая лампа. Партизаны молча доставали из карманов и клали на стол маленькие разноцветные книжечки.

Горелов, худой и бледный, складывал стопки билетов, пачки исписанных карандашом страниц в пустые цинковые коробки из-под патронов.

Жена Касича, Елена Дмитриевна, и сестра его, Афанасия Федоровна, следили за этими сборами и плакали.

Потом Горелов, Скрыпник, Степанец, Касич, прихватив с собой карабины, винтовки, гранаты, наганы, ручной пулемет и диски к нему, вышли из хаты.

Было непроглядно темно. С легким шорохом входили в подмерзшую землю лопаты.

И никто не догадался позвать женщин и показать им на всякий случай, где все закопано...

Командира в дорогу собирала Афанасия Федоровна. Она достала ему теплую барашковую шапку. Выпросила у соседей старый костюм. Брюки оказались коротки. Пиджак узок. Но другого не было. Вещи, которые имелись в доме, Афанасия Федоровна раздала еще раньше, все, до последней рубашки...

Федор Дмитриевич направлялся к линии фронта. К Харькову. Вместе с ним — Александров и Никитченко.

Помня о приказе немцев с угрозами и посулами, партизаны двинулись глухими, отдаленными селениями, где почти не бывали немцы и где люди с меньшей опаской принимали незнакомых.

3 ноября добрались до хутора Малинивщина и постучались в маленький домик. Он выглядел неприметным. В случае облавы меньше всего можно было ожидать, что полицаи в него заглянут.

В хате жила Надежда Гоптар с детьми. Она впустила партизан, предложила раздеться. А сама выскочила к соседям за хлебом: свой у нее весь кончился.

После ужина постелила партизанам на полу.

Ночью в дверь негромко постучали. Все трое проснулись.

— Это моя сестра,— успокоила хозяйка, слезая с печки.— Она всегда ночует у меня. Одной-то мне с детьми страшно. А тут у них вечеринка.

Брякнул засов. Рывком распахнулась дверь. Отпихнув сестру Гоптар — свое она уже сделала,— ворвались в комнату люди с немецкими карабинами и гранатами на изготовку.

Горелова и его спутников избили, крепко связали, бросили на подводу и ночью же повезли в Гельмязево.

Здесь арестованных разделили. Федора Дмитриевича сразу доставили в жандармерию. Она помещалась в его квартире.

В комнате для допросов — бывшем кабинете — стоял кожаный диван с полкой, шкафчиками. На нем Горелов обычно спал, возвратясь под утро из колхоза. В углу валялись игрушки: автомобили без колес, лошадь с вырванным хвостом, вырезанные из дерева лодки. Ими играли мальчишки — трое сыновей. Счастье, что они уехали.

...Ноябрьским вечером Мария Сергеевна Станиславская, еще недавно секретарь-машинистка райкома, стояла у печи и варила галушки.

Вошел Семен Маргара. Люди говорили про него: из шкуры лезет вон, так ему хочется угодить немцам.

У Маргары было дело к Шульге, мужу Марии Сергеевны, человеку мрачному и жадному, жизнь с которым становилась все невыносимей, особенно теперь, когда Шульга доставал мешками соль и сахар, а после продавал стаканами на базаре.

Пьяно опустившись на лавку, Маргара достал портсигар, свернул самокрутку. Кому-то старательно подражая, закурил. На его запястье блеснули часы. Мария Сергеевна, увидев их, оцепенела.

...Месяца три назад, садясь в машину и давая Марии Сергеевне последние указания, Горелов неловко повернулся и ударил часы о дверцу кабины. Приложил к уху — не тикают. Федор Дмитриевич расстегнул ремешок, протянул секретарю часы и попросил отдать их в починку.

Мастер сменил пружину, но подходящего стекла у него не нашлось, и он оставил старое, с трещиной посередине...

— Что буркалы таращишь? — спросил Маргара, перехватив ее испуганный взгляд.— Или, может, узнала?

— Узнала.

— Чьи же они, примерно, будут? — спросил он и от удовольствия даже прищурился.

— Горелова.

— Правильно,— похвалил Маргара.— А как попали ко мне, знаешь?.. Не знаешь?.. Ишь ты, секретарь-машинистка, а не знаешь.— Маргара засмеялся.— Должна знать, должна.— И тут же хвастливо: — Дело твоего Горелова веду... Поняла?.. Крепкий гад такой... Я его спрашиваю, а он молчит. Я его опять, значит, спрашиваю... Опять молчит... Ну, у меня тоже нервы... Верно?.. Я ему пальцы между дверей... Аж белый стал... А молчит. Я ему тогда по-дружески:

«Ну, чего ты, дурак, молчишь? Кто этот героизм твой увидит?»

«Мне, говорит, все равно недолго жить, и я ничего не скажу...»

Но смотри, Сергеевна, если проболтаешься! — пригрозил вдруг Маргара.

На другой день она стояла у калитки своего дома и разговаривала с соседкой, когда по мостовой застучали копыта. Ехала подвода. Ее сопровождали два немца.

— Мария, здравствуйте и прощайте! — донеслось с подводы.

Станиславская с трудом узнала Горелова. Он был без фуражки, обе руки забинтованы. С ним сидели еще двое. Горелов хотел что-то сказать, но немец замахнулся автоматом.

В Золотоноше первым секретарем Гельмязевского райкома партии занималось гестапо. Рассказывают, когда наши войска освободили город, во дворе гестапо нашли тело Горелова. Оно было все обмотано колючей проволокой.

ГЛАВА XLIV

НЕЗНАЧИТЕЛЬНЫЕ ПОДРОБНОСТИ

В начале ноября 41-го года в Гельмязеве объявился Погорелов. Полицаи тут же его задержали. В районе Погорелова знали, и полицаи знали его тоже.

Но он достал из кармана справку о том, что подателю настоящей — фамилия, имя, отчество полностью — германскими властями дозволяется беспрепятственное передвижение до Харькова и обратно. Полицаи переглянулись, вернули бумажку и двинулись дальше, недоумевая.

Поселился он у одной «веселой вдовы». Набрала она в оставленных домах и в брошенных при отступлении складах муку, сахар, зерно, крупу и варила теперь ведрами самогон.

Лицо у Погорелова от ежедневного пьянства распухло. На улицу он выходил только с наступлением темноты. Случайно встречаясь с кем-нибудь, опускал глаза. С ним не здоровались. Лишь однажды две женщины, проходя мимо, бросили ему прямо в лицо: «Иуда».

Не ответил.

Между тем районный староста Костенко по едва приметным признакам уловил, что положение его при «новом порядке» не столь прочно, как ему мечталось.

Догадываясь, что начальство узнаёт от полицаев о малейших его прегрешениях, стал он еще больше лютовать по селам, а заодно, дабы имели страх, поприжал и ближайших своих соратников.

И тогда один полицай, смекнув, что в подчинении у Костенко жизни ему все равно не будет, признался—по секретным каналам — в давно мучающих его сомнениях: а не является ли районный староста замаскированным партизанским агентом?!

В доказательство же посоветовал поискать, не отыщется ли кое-что утаенное за бочками в пóдполе, а также в левом углу амбара Костенко, под дровами...

...В Золотоношу разжалованного районного старосту доставили вместе с кипами найденных полушубков, сапог и штабелями ящиков.

Хитроумных его доводов, почему он скрыл от германских властей целый партизанский склад, гестаповцы во внимание не приняли. И на первом же допросе Костенко был умело — насмерть — запорот по той же самой проверенной методе, по какой еще недавно запарывали насмерть других людей по его, Корнея Яковлевича, авторитетному указанию.

С внезапной смертью Костенко и сменой начальника в Золотоноше тайная «заслуга» Погорелова среди множества иных неотложных дел оккупантами попризабылась.

А тут еще им надоело разыгрывать «спасителей». Начали они без всяких деклараций грабить колхозников и увозить в гестапо всех, кто занимал хоть маленькую должность при советской власти.

Арестовали однажды ночью и Погорелова, а заодно и «веселую вдову». Как сообщницу. Донос написал Михаил Кричун, который приходил к ней в гости и пил самогон вместе с Погореловым.

...Осенью 1943 года, когда Красная Армия уже освободила Гельмязево, копала Мария Сергеевна Станиславская в своем огороде картофель. Остановилась у ее калитки телега. Спрыгнул с нее мужчина в темно-синем новом пиджаке и вышитой украинской рубашке.

— Давай скоренько езжай и забери что надо. А я тебя подожду, знаешь где,— велел он мальчику-подводчику.

Мужчина приблизился, и Станиславская его узнала: «Семен Маргара!.. А ведь говорили, что он бежал с немцами...»

— Куда это ты, Семен, такой нарядный собрался? — кокетливо спросила его Мария Сергеевна.

— К брату вот спешу,— ответил он, глядя себе под ноги, и быстро зашагал огородами.

«Уйдет ведь сейчас!.. Уйдет!.. Что же делать?!»

И тут она увидела двух пограничников. Они шли по улице.

— Задержите его! — крикнула Станиславская, показывая на Маргару.— Это душегуб!..

Сбросил Маргара нарядный пиджак. Скинул немецкие, в награду полученные, сапоги и бросился по грядкам в шерстяных носках.

Нагнал его один пограничник, взмахнул автоматом и первым же ударом сшиб с ног.

— Не имеете права так обращаться с человеком,— пожаловался Маргара, когда сыромятным ремнем от его же штанов связали ему пограничники руки.

А потом заседал военный трибунал. Одним из свидетелей обвинения на процессе выступала Мария Сергеевна Станиславская.

Перед казнью Маргара плакал, ползал перед конвоирами на коленях и порывался поцеловать им сапоги.

Он еще надеялся разжалобить Возмездие.

ГЛАВА XLV

ЕГО ИСКАЛИ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ

> *...3) В случае, если обо мне ничего долго нет, справиться у Владимирова... или в «Комсомолке» у Буркова.*
>
> *4) В случае еще какого-либо случая действовать не унывая по своему усмотрению.*
>
> Аркадий Гайдар, записка, оставленная Д. М. Гайдар перед отъездом на фронт.

Эта книга была уже набрана и сверстана, когда из очерка Леонида Замятина «Последние дни с Гайдаром», опубликованного в харьковской газете «Красное знамя» от 19 апреля 1965 года, стало известно: бывший лейтенант Сергей Федо-

тович Абрамов, приславший первое известие о гибели Гайдара, Абрамов, которого искали двадцать с лишним лет,— жив!..

Жив!

Как потом выяснилось, и Замятин, зная Сергея Федотовича не первый год, узнал о героическом прошлом Абрамова совершенно случайно, поскольку сам Абрамов о военной своей судьбе ни перед кем не распространялся, а люди, окружавшие его, мало ею интересовались.

...Получив газету с очерком Замятина, сажусь в поезд и еду в Харьков.

Хочу видеть Абрамова. Хочу понять смысл слов, написанных им первого мая 1942 года в письме к Доре Матвеевне Гайдар: «Выполняя просьбу Вашего мужа, тов. Гайдара Аркадия Петровича, сообщаю Вам...»

Когда же, при каких обстоятельствах Гайдар мог Абрамова об этом просить: задолго до случившегося, предвидя такую возможность, или?..

Жду Абрамова в заводоуправлении крупнейшего в Харькове предприятия, а начальник отдела кадров кричит в трубку внутреннего телефона:

— Ты, что ли, Абрамов-то?.. И с Гайдаром в одном партизанском отряде был?! Смотри-ка!.. Ну, ходи тогда ко мне. Журналист тут один до тебя из Москвы приехал... Что ему надо, ты сам у него спросишь. А я так понимаю, про подвиги твои в газету писать хочет... Смотри, еще в историю попадешь,— смеется начальник отдела кадров.

Я сажусь на стул и жду.

«Какой он, Абрамов?» — думаю я.

В кабинет то и дело входят люди. И всякий раз, когда раздается осторожный стук и приоткрывается обитая клеенкой дверь, я вздрагиваю и всматриваюсь в вошедшего: «Он или не он?..»

И вдруг дверь открывается широко. Входит черноволосый, немного грузный человек с прекрасным добрым лицом и смущенной улыбкой, которую он пытается как бы разгладить, водя рукой по краям широких, ровно подстриженных усов.

В густых волосах его ни проблеска седины. И даже усы нисколько его не старят, а лишь подчеркивают удивительную молодость и свежесть его лица.

Это Сергей Федотович Абрамов.

— ...С Аркадием Петровичем я познакомился уже в окружении под Киевом, в Семеновском лесу, куда попал с немногими бойцами своего тридцать первого понтонного батальона,— рассказывает вечером, в номере гостиницы «Интурист», Сергей Федотович.— Получилось это так.

Мы возвращались под утро после неудачной попытки вырваться из леса. И вдруг один из моих ребят заметил:

— Товарищ лейтенант, посмотрите, кто это идет?

Гляжу — военный, командирская фуражка, шинель внакидку. А петлицы на шинели и гимнастерке пусты.

Надо сказать, что гитлеровцы засылали к нам, в Семеновский лес, немало всяких лазутчиков и перебежчиков из числа той швали, которая сначала добровольно сдавалась в плен, а потом соглашалась идти нас уговаривать: «Мол, сдавайтесь, не бойтесь, вам тоже ничего не будет...»

И подумали мы об этом незнакомце плохо.

И тот же мой боец, который первым его заметил, первым к нему и подошел:

— Что,— спрашивает,— за товарищ?.. Почему такой вид?..— И винтовку держит под мышкой.

А незнакомец... а незнакомец широко так, радостно улыбнулся (ему, видимо, понравилось, что его остановили и спросили), неторопливо поправил на себе шинель и говорит:

— Давайте знакомиться: Аркадий Петрович Гайдар, корреспондент «Комсомольской правды»...

Ну, а кто же из нас его не знал?.. Мы же, мальчишки, воспитывались на его книгах!..

Мои бойцы тут же смущенно окружили Аркадия Петровича: все ж таки получилось неудобно.

А он:

— Не верьте,— говорит,— мне на слово.— Расстегивает карман, достает маленькую сафьяновую книжечку — удостоверение.

Мы все по очереди (все-таки любопытно!) книжечку эту посмотрели и бережно, чтобы не испачкать, вернули.

Вот с тех пор и оказались мы с Аркадием Петровичем вместе.

Я лично был с ним вместе до 26 октября...

Прямо скажу: сколько мог, я старался от него не отходить. И не только потому, что быть возле него было, ну, про-

сто интересно. Я, например, живого писателя вообще видел в первый раз.

И даже не потому, что для молодого очень лейтенанта, каким я был в ту пору, хоть и участвовал уже во второй войне, был он авторитетом громадным (я помнил, что он провоевал всю гражданскую).

А в том, что рядом с Гайдаром там, в этой проклятой «мышеловке», где до ближайшего немецкого автоматчика, может быть, самое большое километр, рядом с Гайдаром всегда было спокойней.

Стоило однажды всем нам приуныть, что вот приходится есть полусырую конину — без хлеба, без соли, потому что никаких других продуктов нет и достать невозможно,— как Гайдар тут же рассказал случай, который произошел в гражданскую войну.

Аркадий Петрович служил тогда в Сибири и командовал батальоном. А в горах, где его батальон гонялся за бандой атамана Соловьева, их настиг гололед. К тому же кончились продукты у бойцов и нечем было кормить лошадей.

— И мало того,— говорил Гайдар,— что мы от усталости и голода валились с ног сами, нам еще приходилось тащить на себе лошадей, потому что если мы их тут, в горах, бросим, то какие же мы без коней кавалеристы?!

А в другой раз, когда немцы были совсем близко и невозможно было развести огонь, чтобы погреть хотя бы руки, Гайдар рассказал, как он совсем недавно тонул в речке Трубеж.

Это была маленькая болотистая речушка на пути отступления наших войск. И многие, думая, что ничего не стоит через нее перейти, смело шли в воду, а их начинало засасывать. И немало народу в подлой этой речушке погибло.

Гайдар в ней тоже чуть не погиб, но какой-то красноармеец его спас.

И хотя случай был скорее грустный, чем веселый, Гайдар так подробно описывал, как смело он сначала ступил в воду, но тут же поскользнулся и, думая удержаться, сделал еще шаг, а нога почти по колено ушла в илистое дно, и как потом незнакомый красноармеец тащил его за воротник, и что́ красноармеец говорил, пока тащил,— что все, кто слушал Аркадия Петровича, покатывались со смеху.

Но громко смеяться было нельзя, и оттого все казалось еще смешней.

Гайдар написал потом про этот случай целый рассказ, и в партизанском отряде под Леплявою бойцы часто просили его рассказ этот почитать. Гайдар охотно его читал, как, впрочем, и другие, тоже небольшие, но уже законченные вещи.

Как-то утром в Семеновском нашем лесу стало известно, что в одном месте немцы оцепление сняли.

В других кое-где еще похаживали редкие автоматчики, слышался треск мотоциклов. А здесь не видно было никого.

Аркадий Петрович предложил выслать разведку. Тут же нашлось несколько смельчаков. Они прошли пять или шесть километров и вернулись в лес доложить: никого нет.

— Недалеко от леса дорога,— рассказывал молодой парень со значком ГТО.— Вдоль дороги по обе стороны поля со скирдами хлеба. И кругом — ни души. Так что можно выходить...— радостно закончил боец.

— Я думаю... это... ловушка...— негромко сказал Гайдар.

— Что значит ловушка?! — удивились и закричали вокруг.

— Дорога открыта!

— Немцам сейчас просто не до нас!

— Выходить, и все!

— Не подыхать же нам тут с голоду!

— Братва, выходим, к черту!

— Обождите!..— Гайдар поднял руку.

Все остановились.

— Я не говорю, что надо сидеть здесь, пока мы все не передохнем с голоду,— сказал он.— Я тоже здесь сидеть не собираюсь. Но выходить надо там, где нас не ждут. Мне, например, не нравится, что они выпускают нас в чистое поле. В поле каждый пень за версту виден... И потом, подумайте сами: вчера они убили двоих санитаров, которые хотели набрать в каски воды... для раненых... А сегодня выпускают нас всех живыми?.. Чего ради?..

Мои понтонеры, конечно, поддержали Аркадия Петровича, другие согласились с ним тоже: «Правильно товарищ говорит. Нечего самим в петлю лезть».

И ночью, с группой полковника Орлова, мы вырвались из леса, правда, не без потерь, в другом совершенно направ-

лении. Было нас поначалу тысячи две, если не больше. Проводником у нас был Яков Рябоконь, который хорошо знал эти места, потому что каждый год здесь охотился.

А многие горячие головы совета Аркадия Петровича не послушались. И, помню, через несколько дней, мы находились уже недалеко от Леплявы, местные жители рассказали, что возле Семеновки немцы перебили тьму народа.

Люди вышли из леса в чистое поле — откуда ни возьмись, автоматчики на танках. У кого оружие — те давай отстреливаться. У кого никакого оружия — прятаться в скирды. А танки по скирдам гусеницами...

Мои ребята в тот вечер у костра долго беседовали о том, что нам сильно повезло, что мы «задержали» Гайдара. Не случись этого, неизвестно, что теперь было бы с нами...

В партизанском отряде Горелова Абрамов участвует почти во всех операциях, в которых участвует Гайдар.

Когда же большая группа военных собирается и уходит к линии фронта, отлично понимая, что отряд Горелова мало подготовлен, а лес, где расположен отряд, мало пригоден для сколько-нибудь продолжительных боев, Абрамов и его товарищи по батальону, узнав, что Гайдар остается, решают: они тоже остаются. Они Гайдара не оставят одного.

В том жестоком бою у лесопилки, когда гитлеровцы внезапно обрушиваются на партизанский лагерь, Абрамов и его саперы принимают на себя немалую часть удара карателей, ожесточенным автоматным огнем и гранатами раз за разом отбрасывая гитлеровцев, как только они подымаются в атаку.

Вечером после боя все они, сколько их осталось, измученные, опустошенные, сидят в ожидании темноты на псваленном дереве. И вдруг Гайдар говорит Абрамову, который сидит рядом с ним:

— Сережа, запиши мой адрес...

— Ну, что вы, Аркадий Петрович!

— Нет, ты на всякий случай запиши... Если что со мной случится, сообщишь в Москву... Даже не домой, а в Союз писателей. Верней дойдет...

Гайдар вынимает из нагрудного кармана гимнастерки маленький браунинг и протягивает Абрамову.

— Он,— говорит Аркадий Петрович,— долго у меня хранился. На́ вот, я дарю его тебе...

Этот браунинг некоторое время спустя, выходя из окружения, Абрамов попросил в одной хате запечь в небольшой каравай хлеба: если вдруг станут где обыскивать.

А через несколько дней Абрамов переправлялся в маленькой плоскодонке через речку. Внезапно лодка напоролась в темноте на топляк или остатки какой-то плотины и перевернулась.

Вещевой мешок с зачерствевшей половинкой каравая, в которой был запечен пистолет, пошел ко дну... Мешок лежал на корме.

После немалых мытарств по занятой врагом территории Абрамов попал наконец в отряд к Сидору Артемьевичу Ковпаку. И все те первые месяцы, что был он у Ковпака, помнил о просьбе Аркадия Петровича.

— И вот первого мая 1942 года,—рассказывает Абрамов,— пришел к нам с Большой земли самолет. Я написал Доре Матвеевне Гайдар про Аркадия Петровича, как все случилось...

В тот же день я был назначен командиром группы минеров (вскоре она стала называться ротой). Помню, зимой того же 1942 года мне с частью роты удалось захватить железнодорожный мост в районе станции Сарны и заминировать полотно.

И когда буквально через полчаса появился эшелон и сработали наши с Гориным заряды, и все вагоны с солдатами и техникой полетели с насыпи вниз (там была такая же, как в Лепляве, насыпь, только гораздо выше), и в вагонах тут же стало что-то рваться, и донеслись крики, я подумал: «Это вам... за Аркадия Петровича...»

В «Боевой характеристике» капитана запаса трижды орденоносца Сергея Федотовича Абрамова говорится:

«За период с 1 мая 1942 года по 1 февраля 1944 года рота минеров и лично тов. Абрамов пустили под откос более 20 эшелонов противника с живой силой, техникой и боеприпасами, взорвали более 300 железнодорожных и шоссейных мостов, уничтожили 104 километра линии связи, десятки предприятий, сожгли и взорвали более 300 нефтяных вышек, три нефтеперегонных завода и 5 складов нефти.

Кроме того, тов. Абрамов все время обеспечивал постройку мостов на всем пути движения...»

Документ подписали: Герой Советского Союза генерал-майор Вершигора и Герой Советского Союза майор Войцехович.

В личной библиотеке Сергея Федотовича хранится одна из книг Петра Вершигоры с дарственной надписью: «Сергею Абрамову, партизану-ковпаковцу, герою Отечественной войны, выдающемуся подрывнику...»

Книга называется: «Люди с чистой совестью».

ГЛАВА XLVI

«И НА ЧТО МНЕ ИНАЯ ЖИЗНЬ?»

...Другая молодость? Когда и моя прошла трудно, но ясно и честно!

Аркадий Гайдар,
«Горячий камень»

...Закончилась война. Все больше народу хотело посетить могилу Гайдара. Для этого сначала нужно было доехать до Канева, потом долго идти к Днепру, терпеливо ждать парома, который перевезет тебя на другой берег. А там — семь километров зыбкого песка до Леплявы.

И тогда решили прах Гайдара перехоронить.

Приехали из Москвы близкие Аркадия Петровича и с ними — в синей курсантской форме — сын его Тимур. Приехали делегации Союза писателей, издательства детской литературы.

Сбежались ребята из окрестных сел. Прибежал и Витя Степанец. Он держался уверенно и с достоинством: ведь он знал Гайдара, и ему завидовали все, сколько их тут было, мальчишки.

...Негромкая команда. Гроб с телом писателя-воина поднимают с земли и медленно на руках несут долгие километры к Днепру. И, сопровождая процессию, как это и положено, когда хоронят героя, движется воинский эскорт.

Паром отчалил, и широкий Днепр словно замер. Все знали: в этот день будут перевозить прах Гайдара. И, завидя

паром, остановились катера и пароходы, застопорили ход буксировщики и самоходные баржи.

Проплыла слева высокая Тарасова гора, где бывал Гайдар.

Бессменными часовыми на видном со всех сторон посту замерли иссеченные осколками, выщербленные фугасами, могучие железобетонные опоры моста, описанного Гайдаром в очерке «Мост».

...Мягкий толчок. Другой берег. И процессия движется дальше — к парку в центре Канева, расположенному на высоком холме.

Здесь, близ братской могилы ста сорока одного парашютиста, должно было теперь покоиться тело писателя-партизана Аркадия Гайдара.

Начался митинг. Люди говорили горячие, берущие за сердце слова. А когда все ушли, Тимур посадил у изголовья отца маленькую березку.

Березка выросла, и теперь она чуть склоняется над памятником. Летом сквозь густую листву лучи солнца падают на мраморное лицо Гайдара. Ветер шевелит листья, и потому кажется, что выражение лица Аркадия Петровича все время меняется.

В ясный день отсюда, с холма, замечательно далеко видно. Глубоко внизу, под обрывом, проносится ровной стрелой шоссе. За ним белеют маленькие веселые хатки, оплетенные сетью дорог и тропинок, а за хатками и обширными зарослями густого кустарника течет старый Днепр.

И когда стоишь у памятника Гайдару, то думаешь, что памятник этот поставлен здесь как символ скромной солдатской доблести, как символ верности Гайдара всему, что он говорил и писал.

Август 1962 — март 1968

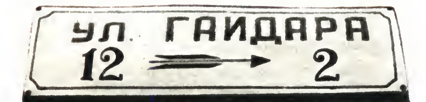
ФОТОИЛЛЮСТРАЦИИ

★

Аркадий Петрович Гайдар. 19 июля 1941 года. Последний «штатский» снимок писателя, сделанный в редакции «Комсомольской правды» фотокорреспондентом Сергеем Васиным.

Из этих дверей...

этого дома...

на этой улице (называлась она раньше Большой Казенный переулок) Гайдар ушел на войну.

Его поезд отправлялся с Курского вокзала. До отхода оставалось еще немного времени. И Аркадий Петрович зашел в «моментальную» фотографию, чтобы сняться в полном походном облачении.

РЕДАКЦИЯ ГАЗЕТЫ **КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА** Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Адрес: Москва, 40, улица «Правды», 24 ОРГАН ЦК и МК ВЛКСМ Телефон секретариата Д 2-32-13

№ 0143 19 июля 1941 г.

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Дано писателю тов. ГАЙДАРУ Аркадию Петровичу в том, что он командируется в Действующую Красную Армию юго-западного направления в качестве военного корреспондента газеты "Комсомольская Правда", согласно разрешения генерального штаба Красной Армии. /пропуск от 18 июля 1941 года/.

Член редколлегии - Б. Бурков /Б.Бурков/.

ФЗУ тип. «Правды». Зак. 4002.

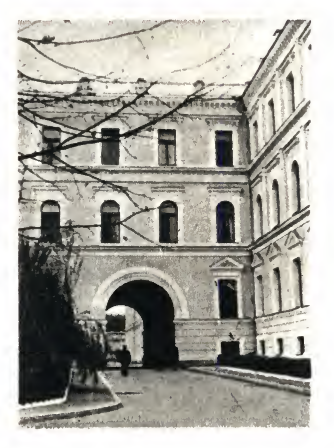
В его кармане, как когда-то в гражданскую, снова лежал мандат...

И Киев снова был прифронтовым городом.

◀ Гайдар впервые приехал в этот город в 1919 году мальчишкой-курсантом, незадолго перед тем добровольно оставил немалую в его 15 лет должность «адъютанта командующего охраны и обороны всех железных дорог Республики».

Отсюда началась его военная биография.
В здании бывшего Кадетского корпуса на тогдашнем Кадетском шоссе помещались Командные курсы Красной Армии. Здесь Аркадий Петрович прошел первый в своей жизни курс военных наук. Отсюда отправился в первый свой бой на Керосинной. На этом плацу в августе 1919-го получил украшенное пятиконечной звездой удостоверение командира роты...

...чтобы стать через два года командиром полка. ▶

В июле 1941-го он поселился в гостинице «Континенталь» — штаб-квартире журналистов Юго-Западного фронта.
Тут он познакомился с корреспондентом «Красной звезды» Борисом Абрамовым и оператором Центральной студии документальных фильмов Абрамом Козаковым. Здесь встречался с поэтом Александром Безыменским.

Борис Абрамович Абрамов. *(Фото 1942 года.)*

Абрам Наумович Козаков. *(Фото 1942 года.)*

Александр Ильич Безыменский. *(Фото 1945 года.)*

Вместе с ними Гайдар встречался с пионерами-тимуровцами. Вместе с ними выезжал на передовую.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА

Орган Центрального и Мос...

№ 234 (5020)

«Народам Советского Союза ... носок кровожадных ... отдано ...

★ ★ ★

У ПЕРЕПРАВЫ

От специального корреспондента ... правды»

Наш батальон вступал в село. Пыль походных колонн, пес... танный взрывами снарядов, пепе... ных немцами хат густым валет... вали шершавые листья кукуруз... несобранные вишни.

Застигнутая врасплох немец... второпях ударила с пригорка ... заставе зажигательными снаря...

Огненные змеи с шипением ... мимо. И тотчас же бледным ... на солнце пламенем вспыхн... ная кровля пустого колхозног...

Прежде чем броситься на ... тарь полкового комсомола И... на одно-другое мгновение о... ли перед боем идет своим ... чередом и где сейчас наход...

Командир батальона стар... Прудников был рядом, за у... скочив с коня и бросив п... цу, он уже приказывал ... броском занять боевой руб... держать огнем четвертую, ... лить свой фланг и держат... той.

Дальше следовали прик... пулеметчикам, минометчи... ям, связным от артиллер...

Он устал. Он уткнулся лицом в мокрый торф и тяжело дышит. Вот он поворачивает голову и видит, что совсем рядом перед ним, перед его губами — воронка от ... мины и, как на дне блюдечка, ... воды.

РАКЕТЫ И ГРАНАТЫ

От специального корреспондента «Комсомольской правды».

Десять разведчиков под командой молодого сержанта Ляпунова крутой тропкой спускаются к речному броду.

Бойцы торопятся. Темнеет, и надо успеть в последний раз на ночь перекурить в покинутом пастушьем шалаше, близ которого расположился и окопался полевой караул сторожевой заставы.

Дальше — где-то на том берегу — враг. Его надо разыскать. Пока десять человек влежку — голова к голове — жадно затягиваются крепким махорочным дымом, начальник разведки, молодой сержант Ляпунов, такого же молодого начальника караула сержанта Бурыкина предупреждает:

— Пойдем назад, так я тебе, дорогой, с того берега пропуск орать не буду. И ты по этому поводу огонь по мне открывать не вздумай. Я вышлю бойца вперед. Ты его окликни с берега на воду тихо. Он подойдет, тогда скажет.

— Знаю,— важно отвечает Бурыкин.— Наука не хитрая.

То-то не хитрая! А вчера часовой так громко крикнул, что противник мог бы услышать. Что на том берегу? Тихо?

— Две ракеты вот так в направлении. Потом два выстрела, — об'ясняет Бурыкин.— Иногда ветер дует — тарахтит ...

Приготовить гранаты, это значит: щелк — взвод, щелк — предохранитель, щелк — и капсюль на место.

И вот он, скрытый, готовый взорваться огонь, лежит возле груди, у самого сердца.

Проходит минута, другая, пять, десять. Ракеты нет. Наконец, появляется сержант Ляпунов и приказывает:

— Разрядить гранаты. Дом брошен. Это бьется во дворе у сарая раненая лошадь. Быстро поднимайся. Берем влево. Слышите? Немцы где-то здесь, за горкой.

К сержанту подходит Мельчаков. Он мнется и правую руку, сжатую кулаком, держит как-то странно наотлет.

— Товарищ сержант, — сконфуженно говорит он. — У меня граната не «бутылка», а «...» лимонка. И вот — результат печальный.

— Какой результат? Что ты бормочешь?

— Она, товарищ сержант, стоит на боевом взводе.

Мгновенно инстинктивно от Мельчакова все шарахаются.

— Химик! — отчаянным шепотом восклицает озадаченный сержант. — Так ты ...

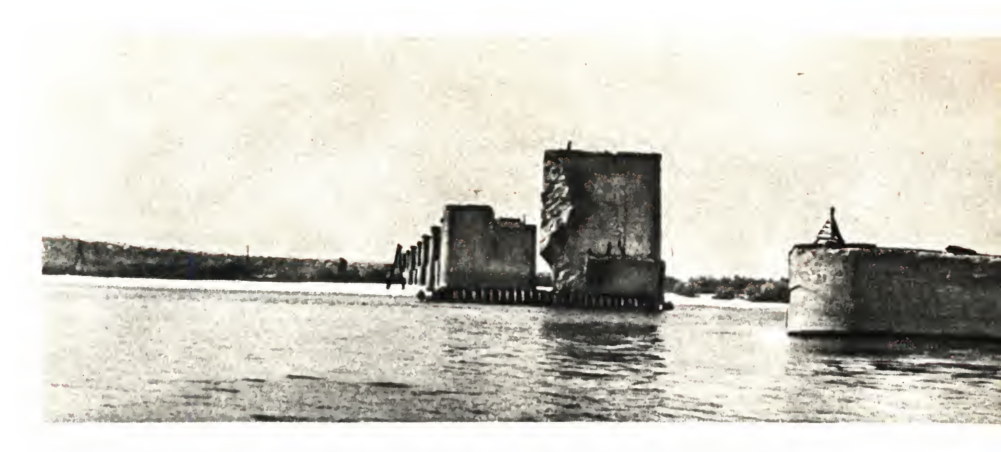
С Юго-Западного фронта в «Комсомольскую правду» Гайдар присылает очерки «Мост», «У переднего края», «Ракеты и гранаты», «У переправы»...

Теперь мы знаем: во всех операциях, о которых писал Гайдар, он участвовал сам. А однажды во время боя Аркадий Петрович спас комбата Прудникова. О нем Гайдар писал в очерке «У переправы»: «Это самый лучший и смелый комбат самого лучшего полка всей дивизии».

Вот он, спасенный Гайдаром, командир 2-го батальона 306-го полка старший лейтенант Иван Николаевич Прудников. *(Фото сделано весной 1941 года.)*

«Прямой и узкий, как лезвие штыка, лег через реку железный мост...— так начинался один из лучших очерков Гайдара.— По мосту к линиям боя беспрерывно движутся машины с войсками, оружием и боеприпасами. По мосту проходят и проезжают в город на рынок окрестные колхозники».

Семьсот «самолетоналетов» сделали немцы за одну только неделю, чтобы уничтожить эту важнейшую переправу, попусту обрушив в Днепр пять тысяч бомб.

Зато отступая в 43-м, гитлеровцы взорвали переправу до основания. На снимке — иссеченные осколками, изуродованные фугасами опоры железнодорожного Каневского моста, описанного в очерке «Мост». *(Фото 1963 года.)*

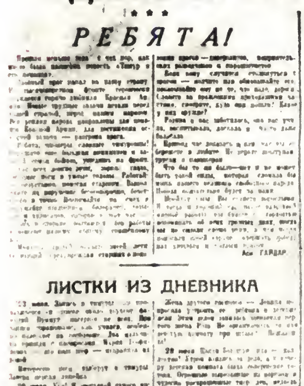
◀ Так Гайдар выглядел на фронте в дни обороны Киева, с той лишь разницей, что ходить в каске ему быстро надоело — тяжело, а вместо нашего «ППШ» он довольно скоро обзавелся немецким автоматом.

...Это было в мае 41-го в Болшеве под Москвой. Гайдар заканчивал вместе с кинорежиссером Львом Кулешовым сценарий «Клятва Тимура». Последние эпизоды киноповести дописывались, когда по нашей земле уже шла война.

«— Женя! — говорил в повести полковник Александров.— Поклянись же и ты, что ради всех нас, там, у себя... далеко... далеко... ты будешь жить честно, скромно, учиться хорошо, работать упорно, много. И тогда, вспоминая тебя, даже в самых тяжелых боях я буду счастлив, горд и спокоен». Слова полковника Александрова — это был наказ самого Гайдара всей огромной армии наших пионеров.

Прошло менее двух месяцев...

СОВЕТСКАЯ УКРАИНА

ТЫСЯЧИ ТИМУРОВЦЕВ ПОМОГАЮТ СВОЕЙ СТРАН[Е] ОДЕРЖАТЬ ПОБЕДУ НАД ПОДЛЫМ И ХИЩНЫМ ВРАГОМ

РЕБЯТА!

Аркадий ГАЙДАР.

ЛИСТКИ ИЗ ДНЕВНИКА

Юные помощники бойцов.

Рисунок художника А. Решетченко.

ДЕТИ С УЛИЦЫ ШИРШОВА

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

ТИМУРОВЦЫ

НА СОБРАНИИ ТИМУРОВЦЕВ

ИНИЦИАТИВА ЮНЫХ ПАТРИОТОВ

ПОЧИН ПИОНЕР[ОВ]

И газета прифронтового Киева «Советская Украина», каждый день рассказывавшая о героизме пехотинцев, зенитчиков, танкистов, разведчиков, саперов и летчиков, посвятила целую страницу статьям, очеркам и заметкам о самоотверженных делах тимуровцев.

Александр Куприянович Ольхович, шофер грузовой машины «77-44», которая была прикреплена к бригаде корреспондентов «Комсомольской правды». *(Снимок сделан в 1942 году в партизанском отряде в Словакии, где Ольхович был командиром разведки.)*

Машина типа........ марка..........

Военный №.......... Коридорной шоссе... 77-44...

Принадлежащая ....

Под управлением.............................

Наряжена в распоряжение.....................

Цель выхода.................................

ОСНОВАНИЕ

Командир....................................

Выдача эксплоатационных материалов

Бензина ....кг.

Зав.складом.................................

Пропуск, выданный военной комендатурой Киевского гарнизона шоферу Ольховичу (в документе ошибочно написано Олхонович) на право передвижения автомашины «77-44» в прифронтовой полосе. Пропуск в дни оккупации Киева был запрятан Александром Куприяновичем в небольшом тайнике в ножке обеденного стола, где и пролежал всю войну.

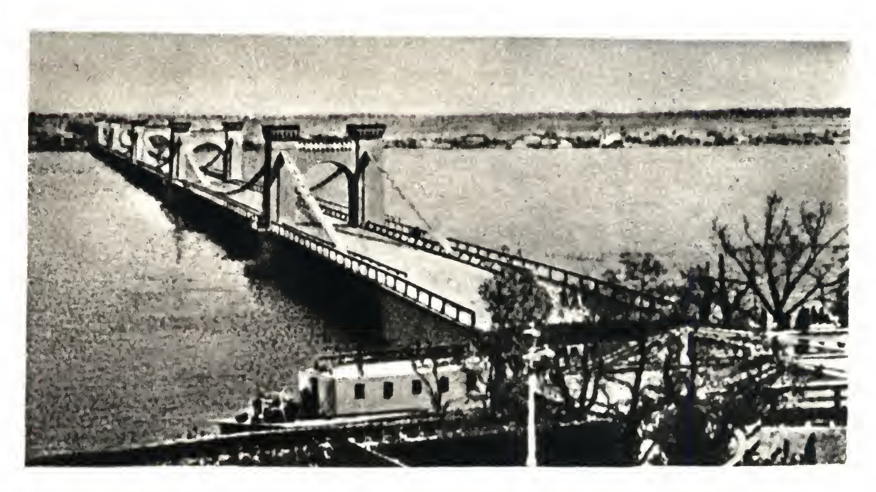
В этом сундуке было оставлено письмо для Тимура.

Здесь, в комнате на Круглоуниверситетской улице, 15, Гайдар провел последнюю ночь перед уходом из Киева.

Гайдар с Тимуром. 1939 год.

Евгений Федорович Белоконев, комиссар и представитель Военного Совета Юго-Западного фронта на Киевских переправах. *(Фото 1943 года.)*

Цепной мост — последняя переправа, оставленная для отхода наших войск и гражданского населения.

...Когда Гайдар вернулся из разведки в полупустой Киев и доложил, что наших частей ни в самом городе, ни на его окраинах больше нет, мост был взорван.

Виктор Дмитриевич Коршенко, батальонный комиссар. С ним Гайдар встретился уже после взрыва Цепного моста под Борисполем. *(Фото 1943 года.)*

Бориспольское шоссе близ деревни Борщевка.

Болотистая речушка Трубеж на пути отступления наших войск. В этой речушке Гайдар чуть не утонул. Его вытащил из трясины какой-то солдат. Может, солдат этот жив и еще отзовется?..

Полковник Александр Дмитриевич Орлов, начальник штаба 36-й авиационной истребительной дивизии, командир группы, в которой до ухода в партизанский отряд находился Гайдар. (*Фото со служебного удостоверения 1941 года.*)

Дом лесника в полутора километрах от партизанского лагеря. Здесь и поселилась группа полковника Орлова.

Михаил Иванович Швайко, лесник кордона № 54.

Его жена, Анна Антоновна.

Старший сын Василий

Младший, Владимир,— «адъютант» Гайдара.

Дочь Ольга.

Семья Швайко помогла многим десяткам наших военнопленных, бежавшим из концлагерей, и окруженцам, пробиравшимся к линии фронта.
Анна Антоновна выходила и Гайдара, когда, появившись в начале октября в окрестностях Леплявы, Аркадий Петрович заболел.
Есть основание полагать, что именно Михаилу Ивановичу Швайко передал Гайдар на хранение немалую часть своих записок.

Последняя страница «Отзыва» о героической деятельности семьи Швайко в дни фашистской оккупации.
«Отзыв» был написан полковником Орловым, когда с остатками своей группы он вновь вернулся в те же места.

В документе от 30 октября 1941 года есть ссылка на Гайдара. Полковник еще не знал, что подтвердить его «Отзыв» Гайдар уже не может...

На этой опушке в 1941 году стоял лесопильный завод. Сюда утром 22 или 23 октября немцы приехали на машинах. Отсюда двинулись они к партизанскому лагерю...

РУКОВОДИТЕЛИ ПАРТИЗАНСКОГО ОТРЯДА

Федор Дмитриевич Горелов, секретарь Гельмязевского райкома партии, командир отряда. *(Фото начала 30-х годов.)*

Мойсей Иванович Ильяшенко, председатель колхоза в селе Гладковщина, Гельмязевского района, комиссар отряда. *(Фото 1940 года.)*

Иван Сергеевич Тютюнник, председатель Гельмязевского райисполкома, начальник штаба *(Фото 1941 года.)*

Дуб в центре партизанского лагеря. У его подножия, где теперь большая воронка, стояла землянка Гайдара.

Партизан Игнат Федорович Касич. *(Фото 1936 года.)*

Партизан Михаил Ефимович Кравченко. *(Фото 1940 года.)*

Батальонный комиссар Захар Максимович Бугаев. *(Фото 1943 года.)*

Младший лейтенант Михаил Федорович Тонковид; был у Гайдара вторым номером во время боя у лесопильного завода. *(Фото 30-х годов.)*

Дом партизана Андриана Алексеевича Степанца в Лепляве.
Бойцы отряда знали: здесь их всегда накормят, сообщат последние новости, если надо — уложат спать, а заодно постирают портянки и рубашки.
Между тем каждый приход партизан — это был огромный риск для всей семьи.

Решением Черкасского областного управления культуры совместно с партийными и советскими органами Каневского района в хате Степанцов будет создан музей партизанской славы — филиал Библиотеки-музея А. П. Гайдара в Каневе.
Партизанская семья Степанцов: Афанасия Федоровна, Андриан Алексеевич, Коля (он сердито смотрит в аппарат) и Витя. *(Фото 1936 года.)*

А это баба Устя. Ночи напролет она простаивала на холоде и ветру, когда в дом приходили партизаны. *(Фото 1947 года.)*

Большая комната в хате Степанцов.

У этого окна, за этим столом, при свете этой лампы Гайдар любил работать.

Этот пень служил Гайдару креслом. Здесь были написаны многие страницы последней книги...

Личные вещи Гайдара: носовой платок, присланный ему в посылке неизвестной школьницей, четырехцветный трофейный карандаш, портсигар и мундштук, подаренные полковнику Орлову, а также запальная дощечка от бутылки с горючей смесью. Надпись на ней сделана рукой Гайдара. Это последний дошедший до нас автограф писателя. (Вещи подарены полковником А. Д. Орловым автору книги.)

◀ Разведчица партизанского отряда Маша Ильяшенко — Желтая ленточка. *(Фото 1945 года.)*

Лес в окрестностях лагеря отряда.

Этой дорогой на рассвете 26 октября 1941 года пятеро партизан во главе с Гайдаром возвращались на новую базу в Прохоровский лес.

Близ Леплявы долго шли камышами.

Вот показалась наконец и хата Степанцов...

Но заходить в нее уже не было времени: начинало светать.

Бойцы, прижимаясь к плетням, спешили пройти самую населенную часть села.

За домами начинались огороды. За огородами — насыпь...

По крутому склону подымались почти бегом...

Еще несколько шагов по рельсам и шпалам. Спуск...

Партизаны не знали, что навстречу им из этих вот сосен к будке путевого обходчика движутся немцы.

В это же самое время из своего дома вышел путевой обходчик Игнат Сорокопуд. Он направлялся за водой.

У колодца, в молодом сосняке, что рос возле самой насыпи, Сорокопуд, к удивлению своему, приметил подводу.

— Німцы с пулеметами приїхалы сюда,— объяснил украинец-подводчик.— Кажись, пишлы вон туда, робют засаду,— и показал на лес по другую сторону насыпи, за будкой...

Партизанам оставалось свернуть в лес, на тропу, которая вела к новой базе (левый снимок).

Но прежде чем это сделать, они остановились на короткий привал под молодыми соснами (снимок в центре).

Гайдар, взяв ведро, стал взбираться по склону. ...Дула притаившихся в засаде немецких пулеметов повернулись вслед за ним.

...Отсюда Гайдар вдруг увидел: засада!
Отсюда крикнул: «РЕБЯТА, НЕМЦЫ!»
Здесь погиб, чтоб спасти...

Лейтенант Василий Иванович Скрыпник. *(Фото 1941 года.)*

Лейтенант Сергей Федотович Абрамов. *(Фото 1941 года.)*

Это они и еще двое партизан шли вместе с Гайдаром на рассвете 26 октября 1941 года.
Их предупредил о смертельной опасности Гайдар.
...Спрятавшись за будкой, под шквальным огнем, Абрамов и Скрыпник решились на отчаянное: спасти Гайдара, если он ранен...

Когда в 1943 году в Лепляву пришла Советская Армия, на могиле Гайдара местными жителями была сделана простая надпись.

Четверть века спустя, 26 октября 1966 года, С. Ф. Абрамов и В. И. Скрынник пришли к обелиску на окраине Леплявы, где осенью 1941 года был похоронен Гайдар.

А в 1947 году прах писателя перевезли через Днепр и похоронили в Каневе, в городском парке, на высоком холме.

В ясный день отсюда, с холма, виден Днепр, «быки» разрушенного моста, скрывающаяся в кустарнике насыпь, белеющая за низким лесом Леплява и далекий-далекий горизонт.

И хочется сказать словами красноармейца Федора Ефимкина: «Высокий у вас пост... Днем на двадцать километров вокруг видно, ночью — на десять все слышно...»

(Аркадий Гайдар, «Мост».)

Памятник А. П. Гайдару в Каневе ▶

Писатель-воин
Аркадий Петрович
Гайдар
Погиб смертью храбрых
в боях за Родину 26 октября 1941 г.

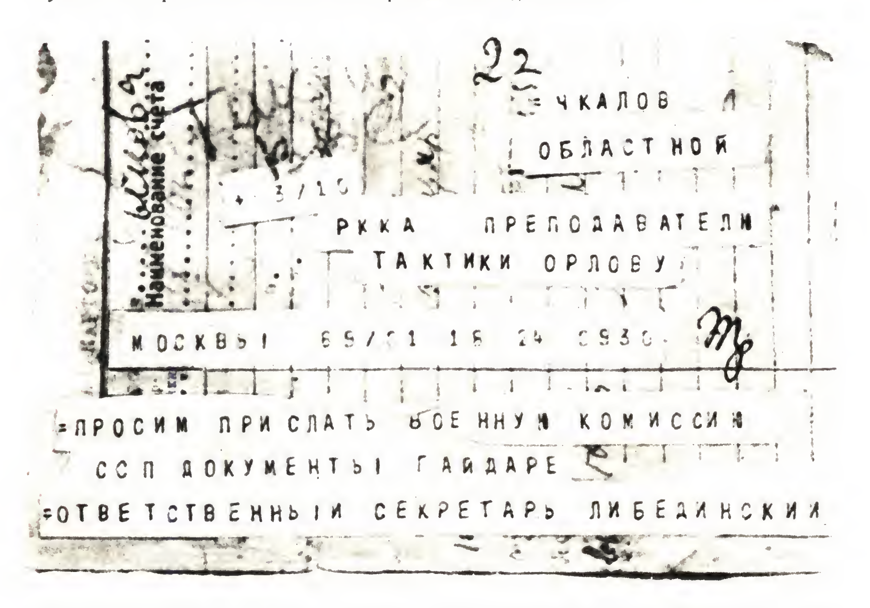

В Каневе, близ Парка имени А. П. Гайдара, где покоится прах Гайдара, выросла Библиотека-музей А. П. Гайдара. Ее построили на деньги, заработанные и присланные пионерами-гайдаровцами со всех концов страны. Здесь, на плацу перед Библиотекой-музеем, командиры гайдаровских отрядов, прибывших из Киева и Ленинграда, Москвы и Полтавы, Орши и Еревана, Баку и Архангельска, Арзамаса и Льгова, Туймазы и Североуральска, рапортовали о сделанном: о шефстве над малышами и престарелыми, о смелых действиях против хулиганов, о работе на строительстве и колхозных полях, о походах по местам боевой славы и победах в самодеятельности и техническом творчестве.
За одно только прошлое лето здесь побывало свыше восьмидесяти тысяч ребят, свыше восьмидесяти тысяч делегатов многомиллионной армии гайдаровцев...

...Весь путь Гайдара от Москвы до Леплявы и Канева стал известен совсем недавно. А первые сведения о его подвиге и гибели поступили еще в дни войны.

Когда в Союз писателей в Москве пришла открытка полковника Орлова, который писал, что встречался с Гайдаром на дорогах войны, полковнику была направлена вот эта телеграмма Либединского:

22

=ЧКАЛОВ

ОБЛАСТНОЙ

РККА ПРЕПОДАВАТЕЛИ

ТАКТИКИ ОРЛОВУ

МОСКВЫ 69/01 16 24 0930

=ПРОСИМ ПРИСЛАТЬ ВОЕННУЮ КОМИССИЮ

ССП ДОКУМЕНТЫ ГАЙДАРЕ

=ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ ЛИБЕДИНСКИЙ

Но какие документы мог в ту пору прислать Орлов?.. И переписка прервалась.

ПРАВЛЕНИЕ
СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
С. С. С. Р.

29-[illegible] 1944

№ 2917

Москва, ул. Воровского, 52

С. Михайловка,
Каневского района,
Киевской области,

тов. Ш В А Й К О

Уважаемая Анна Антоновна!

Мы получили несколько Б/писем, в которых Вы сообщали о жизни Аркадия Гайдара на Полтавщине. В одном из них Вы упоминали и о постигшем Вас горе, что Ваших сыновей угнали немцы.

Недавно я получила письмо из действующей армии. ~~Автор письма сообщает примерно те же сведения о Гайдаре,~~ что и Вы. Меня поразило сходство содержания Ваших писем. А когда я прочитала подпись Швайко Владимир М. /полевая почта 48462/ у меня появилась какая то надежда, что может быть это Ваш сын, или близкий Вам человек. / Это и послужило основанием к возникновению этого письма/.

Буду искренне рада, если в действительности это так.

С сердечным приветом

Секретарь Военной Комиссии
Президиума ССП СССР

/А. Полищук/

После освобождения Украины в 1943 году в Союз писателей поступило письмо вдовы лесника — Анны Антоновны Швайко. Выполняя просьбу Аркадия Петровича в случае его гибели сообщить об этом в Москву, Анна Антоновна рассказала все, что ей было известно.
Вскоре по тому же адресу прибыло письмо от Володи Швайко. В 1942 году он был схвачен гитлеровцами и угнан в Германию, а теперь находился в Советской Армии. Володя ничего не знал о судьбе матери и всей семьи, которая, опасаясь преследования фашистов за помощь партизанам, поселилась на новом месте. И семья ничего не знала о Володе.
Так Гайдар, уже мертвый, соединил мать с сыном...

Афанасия Федоровна Степанец. *(Фото 1964 года.)*

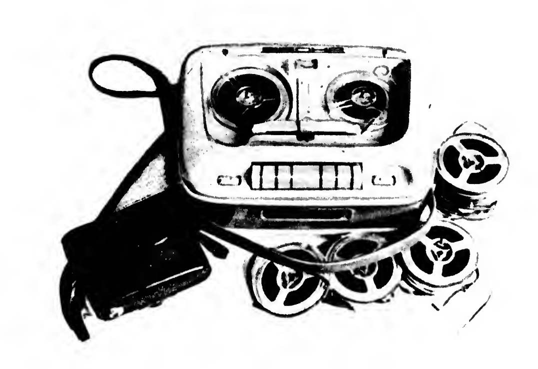
Я мог бы многое рассказать о людях, которые помогли написать эту книгу, но самая первая, самая горячая благодарность — Афанасии Федоровне Степанец, вдове партизана, матери четверых детей, верному помощнику бойцов отряда до последних часов его существования.

От нее, спустя двадцать с лишним лет, впервые стали известны многие подробности подвига писателя. Встречей с ней и начался поиск на партизанских тропах Гайдара.

Из второй поездки на Украину был привезен короткий фильм и несколько десятков роликов магнитной пленки. На пленке были записаны рассказы фронтовых товарищей Гайдара, бывших партизан,— всех тех, кто сохранил в своей памяти, в своем сердце его образ, тех, кому обязаны мы сегодня правдой о великом подвиге Гайдара на войне.

...И вот закончена книга, но не закончен поиск. И многое предстоит еще узнать...

И потому всех, кто сможет дополнить этот рассказ, всех, кто хотел бы прислать свои отзывы, просим — пишите: *Москва, А-47, ул. Горького, 43. Дом детской книги или Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Издательство «Детская литература».*

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«ВОЮЮ В ТЕХ ЖЕ МЕСТАХ, ГДЕ НАЧИНАЛ ВОЕВАТЬ В ГРАЖДАНСКУЮ...»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

В ТЫЛУ ВРАГА

Для среднего и старшего возраста

Борис Камов

ПАРТИЗАНСКОЙ ТРОПОЙ ГАЙДАРА

Рассказ-поиск

Ответственный редактор
Р. Н. ЕФРЕМОВА

Художественный редактор
Л. Д. БИРЮКОВ

Технический редактор
З. М. КУЗЬМИНА

Корректоры
Э. Л. ЛОФЕНФЕЛЬД
и Т. Ф. ЮДИЧЕВА

Сдано в набор 30-I 1968 г. Подписано к печати 28-VIII 1968 г. Формат 60×84 1/16. Печ. л. 20,5. Усл печ л. 19,13. (Уч.-изд. л. 14,54+26 вкл. = 17,34). Тираж 100 000 экз. ТП 1968 № 307. А05759. Цена 87 коп. на бум. № 1. Издательство „Детская литература". Москва, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Сущевский вал, 49
Заказ № 2005

А. П.
АЙДАР
атель и воин,
ечик партизан
кого отряда
26
в октябре 1941 г.

87 коп.

БОРИС КАМОВ • ПАРТИЗАНСКОЙ ТРОПОЙ ГАЙДАРА